

ФЭННИ ФЛЭГГ

На бензоколонке
ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

Annotation

Миссис Сьюки Пул пережила последнюю из трех свадеб своих дочерей и наконец-то может спокойно вздохнуть и готовиться к путешествию с любимым мужем. Правда, на ее попечении грозная и властная матушка 87 лет от роду. Эта экстравагантная дама не даст заскучать никому и командует своей 60-летней дочерью, как будто той еще 15. Зато для всех прочих старушка само очарование. Но однажды Сьюки обнаруживает совершенно шокирующие сведения о своем рождении, о своей матери и о своих корнях. С этой минуты жизнь семейства Пул переворачивается с ног на голову.

Пытаясь разобраться в тайнах прошлого, Сьюки узнает не только историю собственного происхождения, но и историю отважных женщин-летчиц Второй мировой.

Замечательная рассказчица Фэнни Флэгг вновь дарит читателям удивительную и почти невероятную историю. Двадцатый век в пяти поколениях, от сумрачной предвоенной Польши до томной Алабамы наших дней: героические женщины-летчицы и простые домохозяйки связаны одной судьбой, одной историей.

«На бензоколонке только девушки» – идеальное сочетание комедии, мудрости, печали и незабываемых характеров, словно перекочевавших из шедевра Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры».

- [Фэнни Флэгг](#)
 -
 -
 - [Пуласки, Висконсин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Необычайная неделя](#)
 - [Вторник](#)
 - [Среда](#)
 - [И впрямь – кто?](#)
 - [Меж тем в Пойнт-Клиэр](#)
 - [Жизнь продолжается](#)
 - [Ну что еще?](#)
 - [Пойнт-Клиэр, Алабама](#)

- [«Филлипс-66 Винка»](#)
- [На следующий день](#)
- [Не будешь прежним](#)
- [Письма](#)
- [Милуоки, Висконсин](#)
- [Откуда я этого набралась?](#)
- [Прелестный роман\[23\]](#)
- [Где этот Пуласки?](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [Женщина-невидимка](#)
- [Грэнд-Рэпидз, Висконсин](#)
- [Кто я?](#)
- [Звезда родилась](#)
- [Пойнт-Клиэр, Алабама](#)
- [Помощь](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [«Вафельный дом»](#)
- [Война](#)
- [Обед с Ленор](#)
- [Рождество](#)
- [«Вафельный дом»](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [«Вафельный дом»](#)
- [Девичья автозаправка](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [С днем рождения](#)
- [Авария](#)
- [«Вафельный дом»](#)
- [До скорого, мистер Хэтчетт](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [Лондон, Англия](#)
- [Конец эпохи](#)
- [Надо ей или не стоит?](#)
- [Неугомонная в Пуласки](#)
- [Пуласки, Висконсин](#)
- [Старый друг](#)
- [Рассказала детям](#)

- [Авенджер-Филд](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Алло, Элис](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Контрольный полет](#)
- [Шашни](#)
- [Выпускной](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [Пенсакола, Флорида](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [«Рубиновый вторник»](#)
- [Военно-воздушная база «Нью-Касл»](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [Решение](#)
- [Ленор опять за свое](#)
- [Ньюарк, Нью-Джерси](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [День благодарения](#)
- [Браунсвилл, Техас](#)
- [Подделка](#)
- [Ирландец](#)
- [Военная любовь](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [«Суп с йогой»](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [Лонг-Бич, Калифорния](#)
- [«Креветочная компания Баббы Гампа»](#)
- [Печальный день](#)
- [Пенсакола, Флорида](#)
- [Мягкие посадки](#)
- [Победа](#)
- [Сьюки грустит](#)
- [Великий день Ленор](#)
- [Узнать тебя](#)

- [Посылка для Элис](#)
- [Знакомство с мамой](#)
- [Авенджер-Филд](#)
- [Солвэнг, Калифорния](#)
- [Несчастный случай](#)
- [Нью-Йорк](#)
- [Пойнт-Клиэр, Алабама](#)
- [«Синяя сойка, брысь-ка»](#)
- [Пшеничная блондинка](#)
- [Наследие Ленор](#)
- [Марвэлин снова сражает наповал](#)
- [Альбукерке, Нью-Мексико](#)
- [Сходка](#)
- [Сюрприз Фрици](#)
- [Что?](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

ФЭННИ ФЛЭГГ

На бензоколонке только девушки

Fannie Flagg

The All-Girl Filling station's Last Reunion

*Книга издана при содействии William Morris Endeavor Entertainment и
Литературного агентства Эндрю Нюрнберга*

Copyright © 2013 by Willina Lane Productions, Inc.

© Шаши Мартынова, перевод, 2014

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2014

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы
то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в
корпоративных сетях, для частного и публичного использования без
письменного разрешения владельца авторских прав.*

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес
(www.litres.ru)

* * *

Сэму Возну

Пуласки, Висконсин

28 июня 2010 года

Скажи мне кто-нибудь пару лет назад, что я окажусь на этой сходке, ни за что бы не поверила...

Но вот поди ж ты!

Миссис Эрл Пул-мл.

Пролог

Начало

Львов, Польша

1 АПРЕЛЯ 1909 ГОДА

Год 1908-й. Станислав Людвик Юрдабралински, высокий костлявый мальчик четырнадцати лет, смотрел в будущее нерешительно. Жизнь в Польше под русским владычеством была беспросветна и опасна. Польских мужчин и юношей забривали в царскую армию, а католиков и их священников сажали в тюрьму за антироссийские настроения, пытаясь таким манером подорвать польское единство. Костелы позакрывали, а отца и троих дядьев Станислава отправили на каторгу за говорливость.

Но старший брат Венцент, сбежавший из Польши пятью годами раньше, поддержал Станислава, и тот добрался до Нью-Йорка – совершенно ни с чем, если не считать скверно скроенного шерстяного костюма, фотографии матери с сестрами и обещанной работы. Ему удалось сесть в товарняк – помог один польский портовый грузчик, с которым они подружились на корабле.

Через пять дней Станислав прибыл к братнину порогу в Чикаго, восторженный и готовый начать новую жизнь. Ему рассказывали, что в Америке, если много трудиться, получится все, что хочешь.

Необычайная неделя

Пойнт-Клиэр, Алабама

Понедельник, 6 июня 2005 года

76 °F, солнечно

Миссис Эрл Пул-мл., среди друзей и родственников более известная как Сьюки, ехала домой из магазина «ПтицыНам», что на трассе 98, с одним десятифунтовым мешком подсолнечных семечек и одним десятифунтовым – семян для диких птиц, а также с необычным для ее еженедельных закупок последние пятнадцать лет двадцатифунтовым мешком «Смеси подсолнечника и семян для диких птиц “Симпатяга”». С мистером Нэдлшафтом она поделилась беспокойством: ей кажется, что мелкие птицы по-прежнему недоедают. Последнее время каждое утро, стоило ей наполнить кормушки, как большие, воинственные синие сойки налетали сразу и распугивали малышей.

Она заметила, что синие сойки сначала всегда выклевывают подсолнечник, и потому назавтра решила засыпать в кормушки на заднем дворе только его, и, пока синие сойки будут им заняты, она пулей обежит дом и наполнит кормушки перед крыльцом смесью. Тогда бедняжкам вьюркам и синицам уже наконец достанется хоть что-то.

Проезжая по мосту через бухту Мобил, она глянула на белые пухлые облака, увидела длинную вереницу летевших над водой пеликанов. Залив сиял под ярким солнцем, его уже испещрили вышедшие в море красные, белые и синие яхты. Несколько рыбаков на мосту помахали ей, она улыбнулась и помахала в ответ. Почти добравшись до съезда с моста, она вдруг почувствовала некую смутную и необычную радость бытия. И на то были причины.

Несмотря ни на что, она пережила последнюю из трех свадеб своих дочерей – Ди Ди, Си Си и Ли Ли. Не вступил в брак только двадцатипятилетний сын Картер, обитавший в Атланте. Это радостное событие будет планировать другая несчастная (господи, помоги ей) загнанная мать невесты. От них с Эрлом потребуются только явиться на торжество и улыбаться. А сегодня, кроме краткого заезда в банк и покупки пары свиных отбивных к ужину, ей не надо было делать совсем ничего. От облегчения едва не кружилась голова.

Разумеется, Сьюки совершенно боготворила и обожала своих

девчонок, но спланировать три масштабные свадьбы за без малого два года – изнурительная, нескончаемая, круглосуточная работа: девичники, подбор фасонов, магазины, примерки, приглашения, встречи с поварами и официантами, рассадка за столы, заказ цветов и т. д. А в промежутке надо успеть разобраться с иногородними гостями и новоиспеченными родственниками, понять, где всех разместить, а сверх того – новобрачные истерики в последний момент, и вот к этому часу она уже была попросту в лоскуты от всех этих свадеб.

Что неудивительно. Если считать последнюю свадьбу Ди Ди, вообще-то масштабных свадеб было четыре, а это означало, что за два года потребовалось покупать и подгонять четыре наряда матери невесты (в одном и том же два раза нельзя).

Ди Ди вышла замуж и стремительно развелась. Но после того, как они потратили несколько недель на возврат свадебных подарков, невеста опомнилась и вышла заново – за того же мужа. Ее вторая свадьба получилась не такой дорогой, как первая, но ничуть не менее хлопотной.

Их с Эрлом свадьба в 1968 году – обыкновенное церковное мероприятие: белое свадебное платье, подружки невесты в одинаковых пастельных нарядах и туфлях, кольценосец, свидетель жениха, банкет – и вся недолга. А теперь всем подавай свадьбу с какой-нибудь темой.

Ди Ди настаивала на подлинной свадьбе в стиле Старого Юга и «Унесенных ветром» – платье, как у Скарлетт О’Хара, с пышным кринолином и всем прочим, а к церкви ее следовало привести в последнюю минуту, и чтобы она ехала стоя в небольшом мебельном фургоне.

Ли Ли и ее жених пожелали свадьбу целиком в бело-красных тонах, включая приглашения, еду, напитки и весь декор, – в честь футбольной команды университета Алабамы.

Си Си, близняшка Ли Ли, выходила замуж последней и несла в руках вместо свадебного букета свою десятифунтовую кошку-перса по кличке Ку-ку, а немецкая овчарка жениха, облаченная в смокинг, была его свидетелем. И это еще полбеды: кольца подавала чья-то черепашка. Изнурительная канитель вышла. Черепаху не поторопишь.

Вспоминая все это, Сьюки подумала, что, когда Си Си с Джеймсом пригласили на банкет всех друзей вместе с их домашними питомцами, ей и впрямь надо было упереться, но она свято поклялась никогда не подавлять своих детей. И все-таки полная замена всех ковров в банкетном зале «Гранд-отеля» влетит им в целое состояние. Ну и ладно. Что уж теперь. К счастью, все позади – и очень вовремя.

Два дня назад, когда Си Си отбыла в свадебное путешествие, Сьюки вдруг разразилась безутешными рыданиями. И сама не понимала, что это: синдром пустого гнезда или попросту утомление. Ясное дело, она устала. На банкете представила какого-то гостя его жене. Дважды.

Но, если честно, как бы ни было ей грустно провожать Си Си и Джеймса, она втихаря мечтала вернуться домой, раздеться и залечь в постель лет на пять, – но и с этим пришлось погодить. В последнюю минуту родители Джеймса, его сестра и ее муж решили остаться еще на одну ночь, и ей пришлось по-быстрому что-то придумать им к «прощальному» обеду.

Хорошо еще, что скромно: кокосовые «Маргариты» Эрла, ассорти из печенья, сливочный сыр и перцовый мармелад, креветки с дробленкой, крабовые пирожки с капустным салатом и заливные помидоры на гарнир. И все-таки пришлось поднатужиться.

Добравшись до городка Пойнт-Клиэр и миновав книжную лавку «Страница и палитра», Сьюки подумала, что, может, завтра она сюда заедет и купит хорошую книжку. Читать она успевала только свой гороскоп на каждый день, бюллетень «Каппы»^[1], иногда – журнал «Птицы и цветы». Мы, может, уже воюем с кем-нибудь, а она ни сном ни духом. Но теперь, похоже, опять доберется до чтения целых книг.

Ей вдруг захотелось вжарить твист, прямо за рулем, и она вспомнила, как давно им с Эрлом не удавалось разучить новый танец. Она уж, наверное, забыла, как танцевать хоки-поки^[2].

Возиться ей теперь осталось лишь со своей восьмидесятивосьмилетней матерью, грозной миссис Ленор Симмонз Крэкенберри, которая категорически отказывалась переезжать в совершенно чарующее заведение для престарелых всего лишь на другом конце города. А согласись она – как бы всем полегчало. Один только уход за материным садом выходил страшно дорого, не говоря уже о годовой страховке. После урагана страховки на дома в бухте Мобил подорожали до небес. Но Ленор была неумолима: никаких переездов из дома! И объявила она об этом драматически: «Пока меня не вынесут вперед ногами».

Сьюки и представить не могла, как ее мать уходит ногами вперед куда бы то ни было. Сколько помнили они с братом Баком, Ленор, крупная властная женщина, вся в декоративных булавах и длинных, плещущих шарфах, с седыми волосами, начесанными и уложенными во флип завитками назад, вечно влетала в комнату как вихрь. Как-то Бак сказал, что

она смахивает на фигуру, которой место на капоте, и с тех пор они между собой называли ее Крылатой Никой. И покидала комнату Крылатая Ника не попросту: она уносилась с шиком, оставляя за собой шлейф дорогих духов. Тихой женщиной она не была ни в каком смысле слова: в точности как выставочную лошадь на Параде Роз^[3], ее саму было слышно за милю – столько Ленор носила браслетов, подвесок и бус. И говорить она принималась задолго до того, как возникала в поле зрения. У Ленор был громкий зычный голос, и, посещая женский колледж Джадсон, она изучала «экспрессию»; к вечному прискорбию семьи, наставник ее в этом поощрял.

Ныне же, из-за кое-каких недавних событий, включая поджог собственной кухни, который она же и устроила, пришлось нанять для Ленор круглосуточную сиделку. Эрл был преуспевающим стоматологом с крепкой практикой, но богатыми их уж никак не сочтешь – тем более после всех трат на колледжи и свадьбы для детей, закладных за дом Ленор, а теперь еще и на сиделку. Бедному Эрлу не уйти на пенсию лет до девяноста, однако без сиделки больше определенно не обойтись.

Ленор, мало того что шумная, но еще и со своим мнением обо всем на свете, не только доносила его до всех в радиусе слышимости, но и взяла нынче моду телефонировать чужим людям в другие города. В прошлом году она пыталась дозвониться до Папы Римского, и один тот звонок обошелся им в триста с лишним долларов. Когда ей показали счет, Ленор возмутилась и заявила, что с нее не имеют права стребовать ни даймы, потому что все время продержали в режиме ожидания. Ага, расскажите это телефонной компании. И ведь никак ее не урезонишь. Сьюки спросила, зачем Ленор звонила Папе – принимая в расчет, что она была махroveйшей методисткой в шестом поколении; та задумалась на миг и ответила:

– Ну... потолковать.

– Потолковать?

– Да. Нельзя быть такой зашоренной, Сьюки. С католиками вполне можно разговаривать. Жениться не стоит, но поговорить по душам не повредит.

Случалось и всякое другое. На встрече в Торговой палате Ленор обозвала мэра не в меру умным «саквояжником»^[4] и конокрадом, за что ей вчинили иск за очернение репутации. Сьюки вся испереживалась, зато Ленор хранила невозмутимость:

– Им еще придется доказать, что я сказала неправду, и никакие присяжные в своем уме не рискнут признать меня виновной!

Кончилось тем, что дело закрыли, но все равно было очень неловко.

Весь прошлый год Сьюки старательно избегала встреч с мэром и его женой, но куда там – город-то маленький. Всюду они.

После того разбирательства у Ленор сменилось три сиделки. Две уволились, одна сбежала посреди ночи, прихватив с собой парадные кольца хозяйки и замороженную индейку. Но недавно, потратив на поиски несколько месяцев, Сьюки, похоже, нашла наконец идеальную няньку, пожилую душку-филиппинку по имени Энджел, терпеливую и милую – невзирая на то, что Ленор все время называла ее Кончитой, потому что, с ее слов, та выглядела в точности как мексиканка, работавшая у нее в Техасе в сороковых, когда туда перевели отца Сьюки.

Радость же состояла вот в чем: у Ленор теперь была Энджел, и Сьюки могла наконец попасть на встречу выпускников «Каппы» в Далласе, а ее соседка по общежитию Дена Нордстром обещала ее там ждать. Они регулярно разговаривали по телефону, однако много лет не виделись, и Сьюки этой встречи очень ждала.

На перекрестке, ожидая зеленого, Сьюки потянула вниз козырек с зеркальцем – посмотреть на себя. О господи, это она зря. Ей казалось, после пятидесяти никто уж на ярком солнце хорошо не смотрится, но все-таки она себя запустила не на шутку. К окулисту не навещалась года три, не меньше, а ей явно нужны новые очки.

Месяц назад она опозорилась вусмерть. Правильная цитата была: «Я чаша любви Божией», а Сьюки прочла громко, перед всей паствой: «Я бяша любви Божией». Эрл сказал, что никто не заметил, но это уж точно неправда.

Сьюки глянула на себя еще разок. Боже ты мой, неудивительно, что она так жутко выглядит. Выскочила за порог нынче утром без капли косметики на лице. Теперь придется возвращаться домой и хоть как-то краситься. Она всегда старалась выглядеть более-менее презентабельно. Хорошо хоть, что она не такая суетная, как мать, иначе не выбраться ей из дома. Внешний вид значил для Ленор все. В особенности она гордилась «симмонзовскими ступнями» и своим маленьким, чуть вздернутым носиком. Сьюки достался длинный нос отца, а Бак, ясное дело, уродился с симпатичным. Ну да ладно. У Сьюки зато хоть ступни симмонзовские.

Светофор переключился на зеленый, и тут мимо Сьюки просвистела ее ближайшая соседка Нетта Верп на своем «форде-фэрлейне» 1989 года, может, в «Костко», и погудела ей в клаксон. Сьюки гуднула в ответ. Нетта ей нравилась. Золотая старуха. И они с Неттой обе – Львы по гороскопу.

Дом Нетты стоял между домами Сьюки и Ленор. Бедняжка. С одной стороны детки Пулов и их звери, с другой – Ленор звонит ей с утра до ночи, но Нетта никогда не жаловалась. Приговаривала: «Черт бы драл, я вдова. Чем мне еще развлекаться?»

Сьюки, в общем, нечему было удивляться, когда Си Си объявила тему свадьбы: «Звери – тоже люди». Было время, когда в доме Пулов обитало одиннадцать животных, в том числе аллигатор, выбравшийся из бухты к ним на заднее крыльцо, а также три кошки и четыре собаки, включая любимца Эрла – немецкого дога по кличке Малютка, размером с небольшую лошадь.

Собаки, кошки и хомяки, а сверх того слепой енот – еще ладно, однако с аллигатором Сьюки пришлось настоять: этот пусть живет в подвале. Зверей она любила, но когда боишься ночью идти в туалет, пора топнуть ногой – и желательно не по такому, что может ее начисто оттяпать.

Самое трудное в содержании животных – их терять. Два года назад Мистер Генри, их восемнадцатилетний кот, помер, и она до сих пор при виде рыжих кошек не могла удержаться и ревела в три ручья. После смерти Мистера Генри она сказала Эрлу, что зверей с нее хватит. Сердце не выдержит.

Сьюки проехала через весь город, помахала Дорис, торговке помидорами на углу, после чего покатила с холма, к их дому на берегу бухты.

Вдоль старой живописной дороги выстроились громадные дубы, посаженные еще до Гражданской войны. По правую руку, ближе к воде, тянулись на много миль старые деревянные дома, в основном дачи обитателей Мобила. Сьюки прикинула, что если б ей все прожитые годы за каждую поездку по этой дороге платили по пенни, она бы уже стала миллионершей.

Когда отец привез сюда семью из Селмы на лето, ей было восемь. Они прибыли в Пойнт-Клиэр теплым душистым вечером – воздух был пропитан ароматом жимолости и глицинии.

Она все еще помнила, как они спустились по склону и увидели огни Мобила, сиявшие и мерцавшие на воде, как драгоценное ожерелье. Будто в сказочную страну попали. Испанский мох свисал с деревьев и в лунном свете отливал серебром, а тени от него плясали вдоль всей дороги. Лодки ловцов креветок мигали крошечными зелеными огоньками и Сьюки показались совершенно рождественскими. В Пойнт-Клиэр ей – и тогда, и теперь – чудилось волшебство.

Примерно через милю после «Гранд-отеля» Сьюки повернула на длинную подъездную аллею их двора, усыпанную битыми ракушками, и вкатилась в гараж. Дом Нетты был почти такой же, как у них, но сад она содержала гораздо лучше. Вот отдохнет Сьюки как следует и первым делом все подстрижет. Кусты азалии – позорище, а ее знаменитые гортензии совершенно одичали.

У Пулов, как и почти у всех вдоль этой живописной дороги, был просторный белый деревянный дом с темно-зелеными ставнями. Большинство домов у залива построили задолго до изобретения кондиционеров, в каждом была главная зала, открывавшаяся на обширную крытую веранду с видом на бухту И, как у их соседей, у Пулов был длинный серый деревянный пирс, а на самом конце его – маленькая беседка с жестяной крышей. Когда дети были намного младше, они с Эрлом сживали там почти каждый вечер, смотрели на закат и слушали церковные колокола, звонившие по всей бухте. Уж сколько лет такого не случалось. И как же хотелось ей вновь остаться с Эрлом наедине.

Сьюки забрала два мешка семян из машины и пристроила их в маленькой оранжерее, которую ей построил Эрл, – там она хранила птичьи припасы. Через несколько минут она уже вошла в дом – и тут вдруг заметила, как в нем тихо. Аж жуть. Доносилось лишь тиканье кухонных часов да крик чаек над бухтой. И так странно было не слышать хлопанья дверей или топота вверх или вниз по лестнице. Так приятно оказаться в тишине и покое, когда из комнат не ревет музыка. До того приятно вообще-то, что уж не налить ли ей чаю, не присесть да не расслабиться ненадолго, а уж потом опять браться за дела.

Но едва она потянулась к чайному пакетiku, в кухне зазвонил телефон. В пустом доме телефонный звонок верещал, как пожарная сигнализация. Она глянула на номер абонента. Звонили издалека, но код она не опознала и потому решила – пусть себе звонит. Хватит с нее разговоров, особенно без нужды. За последние дни ей пришлось столько улыбаться и разговаривать, что лицо ломило до сих пор.

Сьюки поставила чашку с водой в микроволновку, прихватила пакетик и отправилась наслаждаться на веранду. Устроилась в большом белом плетеном кресле. Бухта была гладкой как стекло, ни единой волны.

Она заметила, что гардении еще цветут: надо бы срезать несколько и сложить в тарелку с водой в гостиной, пусть плавают. От них в доме всегда так сладко пахнет. Сьюки глубоко вдохнула свежего воздуха и уже собралась отхлебнуть чаю, и тут телефон зазвонил опять. Господи ты боже

мой, ведь наверняка кто-нибудь ошибся номером или коммивояжер хочет ей что-то продать, но если не ответить, телефон будет сводить ее с ума весь остаток дня. Она вернулась на кухню, сняла трубку. Звонила мама.

- Сьюки, зайди ко мне сейчас же.
- Мама, что случилось?
- Мне надо обсудить с тобой кое-что крайне важное.
- Ой, мама, а попозже можно? Я только что вошла.
- Нет, нельзя!
- Ну... ладно. Постараюсь поскорее.

Нахмурившись, Сьюки повесила трубку. Этот вот материн тон ее слегка беспокоил. Уж не вызнала ли мама, что Сьюки разговаривала с женщиной из дома престарелых «Вестминстерская деревня»? Она просто интересовалась стоимостью – всего один короткий телефонный разговор. Но если кто-то донес Ленор, та будет в бешенстве.

Несколько минут спустя Сьюки уже была у Ленор; сиделка, срезавшая перед крыльцом свежие цветы, глянула на нее и сказала:

- О, доброе утро, миссис Пул. – И добавила с сочувственной улыбкой:
- Господи благослови вас.
- Спасибо, Энджел, – ответила Сьюки.

Да... все, видимо, еще хуже, чем она думала. Сьюки вошла в дом и позвала:

- Мама?
- Я здесь.
- Где – «здесь»?
- В гостиной, Сьюки.

Сьюки заглянула в гостиную. Мать сидела за большим георгианским обеденным столом, окруженным двенадцатью стульями в стиле королевы Анны. На столе перед ней стоял поместительный кожаный сундук, отделанный изнутри бордовым бархатом; в сундуке хранился набор столового серебра «Франциск Первый». Рядом покоилась массивная Библия семейства Симмонз.

- Мама, что происходит?
- Сядь.

Сьюки села и изготовилась ко всему. Ленор возвела на нее очи и произнесла:

- Сьюки, я позвала тебя сюда, потому что не вполне уверена, что ты до конца понимаешь, какое наследство получишь после моей кончины. Как единственная дочь ты унаследуешь все симмонзовское фамильное серебро... но, прежде чем умереть с миром, я хочу, чтобы ты поклялась на

этой Библии, что никогда, ни при каких обстоятельствах не допустишь разбазаривания этого набора.

Сьюки сразу полегчало, что разговор не о звонке в «Вестминстерскую деревню», и она ответила:

– Ой, мама... Я очень ценю... но, вот честно, отчего ты не оставишь это все Банни? У них с Баком жизнь куда более светская, чем у меня.

– Что? – Ленор задохнулась и схватилась за свои жемчуга. – Банни? Оставить Банни? Ох, Сьюки... – И она глянула уязвленно. – Ты хоть представляешь себе, чем пришлось пожертвовать, чтобы сохранить это в семье? (Сьюки вздохнула. Она слышала эту историю тысячу раз, но Ленор обожала ее пересказывать – не без широких театральных жестов.) Бабушка Симмонз сказала, что во время войны между семьей и повальным голодом осталось только прабабушкино серебро. И что она, как ты думаешь, сделала?

– Не знаю, мама. Что же?

– Она решила голодать, вот что! Она говорила, что бывали дни, когда из еды им перепадало по жалкой горстке пеканов. А серебро приходилось каждый вечер перепрятывать, чтобы солдаты-янки не нашли, но она его сберегла! А ты говоришь: «Ой, отдай его Банни»? Которая не только не Симмонз – она даже не из Алабамы? Лучше б уж сразу мне сердце вырезала да и выкинула его на двор.

– О боже. Хорошо... Извини, мама. Просто... в общем, если хочешь оставить его мне, спасибо.

Сьюки, конечно же, не хотела ранить материнных чувств к этому серебру, но ей оно и вправду было ни к чему. Она не знала ни одного человека, кто все еще пользовался бы вилок для солений или ложкой для грейпфрута, и в посудомоечную машину настоящее серебро класть нельзя. Каждый предмет нужно мыть вручную. А драить его целый день уж точно не хотелось. Орнамент «Франциска Первого» – двадцать восемь выточенных фруктов на одной только ручке ножа, не говоря уже о чайном наборе, кофейном наборе и двух наборах канделябров для торжественных случаев.

Сьюки подумалось, что ей стоит больше печься об этом серебре. Как-никак приехало из самой Англии и хранилось в семье столько поколений. Но ей не доставало материнной помпезности. Крылатая Ника преставилась бы от эпилепсии, узнай она, что ее дочь по временам пользуется бумажными тарелками и пластиковыми приборами и терпеть не может чистить серебро.

А вот Ленор серебро драить обожала – раз в месяц усаживалась в

гостиной в белых нитяных перчатках и раскладывала все это богатство перед собой.

– Ничто так не успокаивает, как чистка своего серебра.

Ну и ладно. Теперь-то уж что. Никуда Сьюки от него не деться. Она поклялась на Библии, что не только никогда не отдаст ни одного прибора, но и лично будет все их регулярно полировать.

– Никогда не позволяй окиси тебя опередить, – наставляла Ленор.

Что тут поделаешь? Родившись дочерью Ленор, Сьюки пришла в мир с предписанными обязанностями. Во-первых, гордо продолжать линию Симмонзов, которую, по словам Ленор, можно было отследить аж до Англии XV века. Во-вторых, беречь фамильное серебро.

Стоял такой прекрасный теплый день, что Сьюки, выбравшись от матери, разулась и отправилась домой вдоль бухты босиком. Шагая по песку, она вдруг подумала, сколько же раз за эти годы они с детьми проделывали этот путь от их дома к Ленор и назад. Еще вчера, казалось, дети весь день бегали между двумя домами.

Странная штука – время. Когда дети были младше, она, помнится, любовалась их маленькими следами на песке, но те дни давно минули. Дети выросли... и, благослови их господи, ни у одного не оказалось симмонзовских ступней, зато у троих были пуловские уши. Но то – совсем другая история.

Через несколько минут, соорудив кое-какой макияж, Сьюки выкатилась обратно в город и теперь стояла в очереди к автоокошку банка – внести денег на очередные непредвиденные расходы Ленор. Лет десять назад та вдруг начала возвращать счета направо и налево и, похоже, нисколько об этом не беспокоилась.

– Ненавижу возиться с цифрами, – объяснила она.

С тех пор вся ее почта приходила Сьюки, включая все счета. Разбор одних лишь писем Ленор – работа на полную ставку. Она без конца строчила статьи в газету. В последней эпистоле мать предлагала отнять право голоса у людей моложе пятидесяти пяти, и на нее одну пришло более сотни писем-откликов, отвечать на которые пришлось Сьюки. Ленор на свою почту и взгляда не бросала.

– Ты расскажи мне главное, – говорила она.

Ленор заказывала практически все, что видела по телевизору, а Сьюки должна была отправлять приобретения обратно. Зачем восьмидесяти-слишним-летнему человеку тренажер «БедроМастер»?

Ленор – ее мать, и Сьюки любила ее, но *боже мой*, сколько же с ней

хлопот. Когда Эрл купил свою первую практику и они перебрались в Пойнт-Клиэр, Ленор настояла: прежде чем она переедет вместе с семьей из Селмы, прадеда Симмонза нужно перевезти с кладбища Селмы на солдатское в Пойнт-Клиэр.

– Я просто помру, если не смогу воздавать дедушке Симмонзу почестей. Он был генералом, Сьюки!

Разумеется, возиться с бесконечной бюрократией пришлось Сьюки. Несколько недель она провела в дрязгах с кладбищенскими работниками, подписывая одну бумажку за другой, умоляя их выкопать и прислать кого угодно – пса, кошку, лошадь. К тому времени она уже так устала, что ей было все равно.

Машина впереди сдвинулась на одно место ближе к кассовому окошку, Сьюки подтянулась следом. Вновь посмотрела на себя в зеркальце. Теперь, накрашенная, она выглядела получше, но, конечно, серьги вдеть забыла. Вот честно: со всеми свадьбами и ее матерью чудо еще, что она в своем уме.

Нервы у нее всегда были хрупкие, и в напряженных обстоятельствах Сьюки могла упасть в обморок. А никогда не знать, что мама выкинет в следующий раз, – большое напряжение. Ленор явилась на свадьбу Си Си в огромной желтой шляпе, на которой высилась клетка с двумя живыми неразлучниками. Одному богу известно, где она это раздобыла.

Слава небесам, все отпрыски Пул были славными детьми. Пока они росли, она позволяла им делать почти все что заблагорассудится. Она хотела им беззаботного детства. Ее таким уж точно не было – Ленор ее ко всему принуждала. Сьюки всегда была, в общем, застенчивой. Ее никогда не тянуло попасть ни в ряды «Магнолийных Девиц»^[5], ни в группу поддержки, ни в какую-либо студенческую организацию. Но выбора у нее не было.

Ленор правила железной рукой. «Фамилия Симмонз обязывает тебя быть заводилой, Сьюки!» – говорила она.

Что ж... из этого определенно ничего не вышло. Она знала, что разочаровывает мать, но что ей оставалось делать? Она не понимала почему, но в школе, как ни старалась, никогда выше тройки в среднем ничего не получала, а вот у Бака были сплошные «А». Балетные же классы, в которые ее запихнула Ленор, вообще обернулись полной катастрофой.

Сьюки наконец очутилась перед окошком кассирши, отдала ей депозит и вдруг заметила, что у нее правый глаз странно дергается, – наверное, остатки стресса после свадебной нервотрепки. Спасибо Эрлу – он под конец взял черепашку на руки и вручил ее Джеймсу, иначе они бы,

возможно, все еще сидели на церемонии. Девушка в окне толкнула на нее ящик с квитанцией и сказала в микрофон:

– Спасибо, миссис Пул, хорошего дня.

– Ой, спасибо, Сюзи. И тебе тоже.

– Маме привет передавайте.

– Передам.

После банка Сьюки отправилась в магазин, приобрела свиные отбивные и, поразмыслив, еще и банку ананасных ломтиков. Эрл сказал, что у него для Сьюки припасен на вечер большой сюрприз, и она решила, что ананасы котлетам не повредят.

Сьюки стояла в очереди на кассу для тех, у кого «меньше шести покупок», и тут услышала, как кто-то окликнул ее по имени. Оказалось – Дженис, симпатичная молоденькая блондинка, из свадебных подружек Си Си; та бросилась к ней из овощного отдела с кочаном латука в руках. Обнялись.

– Ой, миссис Пул, я так рада вас видеть! Как вы? Должно быть, выбились из сил со всеми этими треволнениями... но очень уж хотелось сказать, что редко мне доводилось бывать на свадьбе приятнее. И так здорово все вышло! Си Си и Ку-ку в церкви были такие славные, а еще всегда чудо видеть вашу драгоценную маму. Клянусь, она вообще не меняется. Такая красotka до сих пор... и такая забавная. Жалко, что вы не за нашим столом сидели, она смешила нас до визга. А шляпа с птицами! Как она это выдумывает?

– Понятия не имею, – ответила Сьюки.

– Такая оригиналка! И такая милая – привела с собой эту маленькую мексиканочку, свою сиделку. – Очередь к кассе сократилась на одного покупателя, Дженис двинулась за Сьюки. – А, вот еще что, миссис Пул, – я собиралась писать вам записку, извиниться за ужасное поведение Динь-Диня на банкете. Не знаю, что на него нашло. Он обычно обожает котов до полусмерти.

Сьюки ответила:

– Да вы не волнуйтесь, милая... В конце концов, собаки есть собаки.

Дженис секунду обдумывала сказанное и отозвалась:

– Да, пожалуй, вы правы. Ничего не могут с собой поделаться, верно? – Затем состроила печальное лицо. – Вы как, держитесь? Вам, должно быть, так грустно, что Картер и все девочки разъехались, – но, слава богу, у вас есть мама, не так скучно... я уверена, она развлекает вас круглосуточно, да?

– О да, еще как, – вымолвила Сьюки.

Тут подошла ее очередь, и Дженис сказала:

– Ну, я побегу. Пока, миссис Пул, рада была увидеться. Непременно передавайте маме привет.

– Передам, передам, милая.

Выйдя из магазина, она увидела стол – дамы из Ложи Лосей^[6] устроили кондитерскую распродажу – и подошла посмотреть, чем торгуют. За столом дежурила Дот Йейгер.

– Все хороши, правда? – спросила она.

– Это точно.

– Твоя мама чудо как прелестна была вчера в церкви – ярко-синее платье, седые волосы. Я бы мечтала носить такой оттенок, но он меня бледнит до невозможности. У меня с цветами все определено – осень, а вот Ленор – она весна, верно?

– Да, я думаю.

Сьюки пыталась выбрать между лимонным десертом и пирогом с пеканом, а тут у стола очень кстати появилась ее подруга Марвэлин.

– О, привет, Марвэлин. Как думаешь, что лучше пойдет со свинными котлетами? Пекан или лимонный десерт?

– Я бы на твоём месте брала пирог с лаймом, но я вообще его обожаю.

Сьюки такой и взяла.

Встрече с Марвэлин она обрадовалась. Та, похоже, вполне успокоилась. У Марвэлин недавно случился развод, и какое-то время ей было довольно трудно. Она даже встречалась в Мобиле с тренером личностного роста по имени Эдна Йорба Зорбра, и при каждой встрече Марвэлин хотелось лишь во всех подробностях излагать, что именно ей недавно сказала эта самая Эдна.

Несколько месяцев назад Сьюки заскочила в магазин в страшной спешке и попыталась спрятаться, но Марвэлин ее заметила и загнала в отдел замороженных продуктов.

– Сьюки, ты дневник ведешь?

– Что?

– Дневник ведешь? Записываешь всякое?

– Д, типа списков. Да, приходится. Я уже четыре раза в магазин сходила, пока не вспомнила про пармезан.

– Нет, Сьюки, я в смысле серьезно вести дневник. Записывать свои самые сокровенные мысли. Эдна Йорба Зорбра говорит, что это совершенно необходимо для поддержания душевного здоровья. Передать не могу, как это изменило мою жизнь. Я бы никогда не развелась с Ралфом,

если б не начала все за собой записывать. Никогда бы не подумала, до чего не выношу мужа, пока не записала черным по белому. Тебе нужен дневник, Сьюки. Я не знала, кто я такая, пока не взялась вести дневник.

Что ж... Для Марвэлин, видимо, это годилось, думала Сьюки, но сама и представить не могла, чем бы ей хотелось заниматься меньше записи своих сокровенных чувств. Да и кроме того, Сьюки уже точно знала, кто она такая, – к сожалению, это было известно и всем остальным в радиусе пяти сотен миль.

По дороге домой Сьюки проехала мимо кладбища, и там у входа, конечно же, стояла машина Ленор. Каждый понедельник мать возлагала свежие цветы на могилу деда Симмонза, инспектировала участок, а потом обзванивала тех, у чьих родственников цветы на могилах увяли, и отчитывала за неуважение к усопшим. У большинства людей жизнь продолжалась, и их волновали те, кто умер гораздо позднее. Но не у Ленор. Эта женщина была одержима своими предками.

Мать Ленор умерла родами, и ребенка растила бабушка. Видимо, это многое говорило и о Ленор, и о ее склонности жить не просто прошлым, а далеким прошлым. Прадед Сьюки появился на свет во время Гражданской войны, и воспоминания Ленор о том времени еще не зажили и горчили. С раннего детства она, сидя у своей бабки на коленях, слышала, что для выживания необходимо всегда быть сильной и гордой. Да, Юг утопал в крови и был побежден, но не сломлен. Они все потеряли – кроме гордости и славного имени.

В семнадцать лет Ленор отправили в колледж Джадсон, и там она стала президентом сестринства «Каппа Каппа Гамма», а при выпуске произносила прощальную речь. В Джадсоне она познакомилась с отцом Сьюки Олтоном Картером Крэкенберри. Тот учился неподалеку, в Мэрионском военном институте. И с первого мига их встречи в приветственной цепочке перед балом любовь ослепила его на всю жизнь.

Во Второй мировой войне отец Сьюки командовал целым подразделением в Браунсвилле, штат Техас. Однако дома заправляла Ленор. Он страшно ее баловал и делал почти все, чего жена от него хотела. Что бы та ни вытворяла, он лишь смотрел на нее и восклицал, обращаясь к детям: «Вы только поглядите, какое она чудо, а?» До самой смерти он твердил, что Ленор была самой красивой девушкой на Военном балу старшеклассников, и с этим фактом Ленор соглашалась совершенно чистосердечно. И часто.

Добравшись домой, Сьюки разобрала покупки и отправилась на солнечную террасу с газетой, но только уселась почитать, как на колени к

ней прыгнула Ку-ку. Вот же. Пока Си Си не вернется из свадебного путешествия, Сьюки была готова приютить кошку, но привязываться не хотелось, и потому она спустила ее на пол. Но кошка запрыгнула опять. Сьюки вздохнула и проговорила:

– Ой, Ку-ку. Милая... не подлизывайся. Иди-ка. – И она вновь спустила зверька на пол. Но та немедля влезла назад. Бедняжка явно желала поласкаться, и, совершенно вопреки здравому смыслу, Сьюки принялась ее гладить. И минуты не прошло, а Ку-ку уже урчала, топталась у Сьюки на коленях, тарацилась на нее и была совершенно счастлива и довольна. – Ох ты боже мой... Скучаешь по маме, да? Она вернется, не волнуйся. Дать тебе еще перекусить? Хочешь, да, сокровище? Хочешь поиграться?

О господи. Кошка у нее всего двое суток, а она с ней уже сюсюкает. Но что поделаешь? Не пренебрегать же ею... и она такая славная.

Когда Эрл вернулся с работы, Ку-ку уже гонялась за мышкой на веревочке, которую Сьюки таскала за собой по всему дому. Эрл сказал:

– Привет, милая. Что поддельвала?

Сьюки много лет ждала возможности ответить на этот вопрос именно так:

– Ничего. Совершенно ничего.

В ту ночь Эрл уже уснул, Ку-ку – тоже, у нее под боком, но Сьюки, по обыкновению, все еще бодрствовала. Большой сюрприз Эрла – второе свадебное путешествие, в которое он собрался ее взять, и она очень обрадовалась. Она хотела быть рядом с Эрлом как можно больше, покуда могла. С таким неопределенным будущим, как у нее, Сьюки и впрямь не знала, сколько ей осталось.

Над Симмонзами висело это проклятие. Достигнув определенного возраста, некоторым (тете Лили и дяде Бейби) приходилось отправляться в санаторий «Милый холм». Как сказал врач, «когда пятидесятилетний мужчина выходит в город в костюме пастушки, как Дейл Эванз^[7], включая юбочку с бахромой, ему явно пора», а после неудачного случая с мальчишкой-газетчиком стало ясно, что и тетю Лили надо бы сдать. Но с Ленор не разберешь. Когда Сьюки позвонила доктору Чилдрессу в Селму, рассказала о недавних маминых выходках и спросила его мнения, тот вздохнул и сказал:

– Сьюки, милая, я знаю твою мать всю свою жизнь, и штука в том, что с Ленор никогда не угадаешь, какое поведение у нее «восхитительно эксцентричное», а какое – «с полным приветом». Это, конечно, не

официальный диагноз, но у каждого Симмонза, кого я когда-либо знал, хоть один шарик да заезжал за ролик.

Доктор Чилдресс много лет был их семейным врачом, и Сьюки пожалела, что он сказал ей это уже после рождения у Пулов четверых детей, а не до. Кто знает, какие шизанутые гены она им передала? Дети-то ладно – второе поколение как-никак, а вот сама она была генетической часовой бомбой, того и гляди рванет. Сьюки страшилась мысли, что наступит день и она опозорит мужа и детей – на какой-нибудь свадьбе кто-нибудь ткнет в нее пальцем и скажет: «Вон та женщина в углу, которая разговаривает с собой и гоняет воображаемых мух, – мать невесты».

Она пыталась поделиться с Эрлом, до чего ее тревожит проклятье Симмонзов, но муж только отмахивался:

– Ой, Сьюки, не говори глупостей. Не сойдешь ты с ума. Ты такая же вменяемая, как я.

На это и оставалось уповать. Но несколько недель назад она отправилась на примерку платья в Мобил – и забыла его дома. Хотелось верить, в ее-то почти шестьдесят, что это нормальное возрастное явление, а не что похуже. Она не знала, но написала ближайшим родственникам письмо и положила его в банковскую ячейку – на всякий случай.

А еще ей хотелось, чтобы Картер все-таки женился поскорее. Он всегда был нарасхват. Пара его старинных подружек все еще позванивали, спрашивали о нем, и Сьюки это бодрило. Недавно он сказал:

– Мам, хочу жениться... просто пока никого не нашел, и как-то оно обламывает.

– Ох, знаю, милый, но, честное слово, ты встретишь в точности ту, какую надо, а когда это случится – сам поймешь.

– Как?

– Просто поймешь, и все.

Сьюки знала, что это дурацкий ответ, но у нее-то все так и вышло. Ну вроде. С Эрлом Пулом-мл. они были знакомы с начальной школы. Она просто еще много лет не догадывалась, что он – тот самый. Ясное дело, жизнь не всегда казалась ей медом, – а кому она кажется? Но даже если бы жизнь кончалась завтра, она бы все равно была за нее благодарна. И в первую очередь – за Эрла.

Дети же, по большей части, были сплошь радостью. С близнецами Си Си и Ли Ли хлопот никогда не возникало. Всегда довольные – может, оттого, что вместе. Не успели научиться говорить, как принялись болтать друг с дружкой. Вдвоем они будто составляли свое маленькое целое, и Сьюки изумлялась, как отлично они ладят. Она читала, что некоторые

близнецы терпеть не могут одинаковую одежду, а ее – вот нет. Этим нравилось, и они даже носили одинаковое белье и пижамки. И говорили хором. Одна начинала фразу, вторая заканчивала.

С Картером тоже оказалось просто. Он был прямо как ее брат Бак. Вышлешь его на двор с мячиком – и вся недолга. А вот Ди Ди ее тревожила. Она никогда, в общем, не была счастливой девчонкой, а подростком – и подавно. Она вышла чуть упитанной, не то что близняшки и Картер, унаследовавшие идеальную фигуру Ленор, и все старшие классы у нее были жуткие прыщи. Каждый новый прыщик вызывал новый прилив истерики. Почти каждый день Ди Ди приходила из школы, неслась в свою комнату и бросалась на кровать в слезах, потому что очередной мальчик не пожелал с ней разговаривать, или ее не пригласили на вечеринку, или еще что-то в равной мере гибельное. Сьюки часами сидела с ней, держала за руку, а дочь рыдала о том, как чудовищна жизнь.

– Мама, – всхлипывала она, – ты просто не понимаешь, как мне. Все вокруг только и говорят, какие близнецы красотки и милашки. Всю мою жизнь люди влюбляются в них, а меня будто и нету. – И неизбежно подвывала: – Мама... зачем ты родила близнецов? Почему не родила *одного*, как нормальный человек!

Сьюки пыталась объяснить:

– Прости, милая. Я не планировала. Просто оно так вышло. Я и сама очень удивилась. Это первые близнецы во всей семье, с обеих сторон. Чистая случайность.

– Так я надеюсь, ты счастлива! Ты мне всю жизнь поломала. Я всегда буду жирной, никому не нужной уродиной с жуткой кожей.

Так оно и тянулось, и никак не кончалось. Она старалась уделять Ди Ди особое внимание, быть с ней терпеливее, потому что, к сожалению, дочь говорила ей правду. Куда бы девчонки ни шли, особенно когда были маленькие, люди устраивали вокруг близнецов бог весть что, а бедной Ди Ди оставалось только слушать, как все кругом охают и ахают, какое чудо эти две. Глядя на страдания Ди Ди, Сьюки сокрушалась всем сердцем. Растя с Ленор, она всегда чувствовала себя бурым воробьишкой, скачущим за спиной у громадного красочного павлина.

Вторник

7 июня 2005 года

Наутро Сьюки проснулась рано и изготвилась решить задачку с птицами. Не успел Эрл уйти на работу как затрзвонил телефон в кухне – кто бы это мог быть в такую рань? Точно не Ленор: она уехала на водные процедуры в центр для престарелых. О господи, пожалуйста, только бы не Ди Ди – вдруг скажет, что возвращается жить домой. Сьюки знала, что у дочери опять не все ладно в браке, а сегодняшний гороскоп предупредил, что следует «ждать неожиданного». Сьюки встревоженно глянула на аппарат – чей же там номер? Не Ди Ди. Тот самый код региона, что и вчера, – быть может, тот же торговец, и она решила не брать трубку. Нет у нее сейчас времени. Надо сосредоточиться на плане птичьей кормежки. Будет непросто. Она видела, как синие сойки расправляются с едой в считанные минуты, так что придется побегать.

Сьюки быстро сполоснула тарелки после завтрака, сунула их в посудомойку, но телефон не умолкал, и это отвлекало. Был у них когда-то автоответчик, но Ленор сочла его своим открытым микрофоном для рассуждений на любую тему в любое время и оставляла пятнадцати-, а то и двадцатиминутные сообщения, иногда – посреди ночи. Потому от него пришлось избавиться.

Завершив дела на кухне, Сьюки задумалась: насыпать подсолнечника сойкам перед крыльцом или на заднем дворе? Если перед крыльцом, кто-нибудь может проехать мимо, заметит ее и остановится поболтать, а у нее не будет ни одной лишней секунды. И потому она решила начать за домом и бежать к крыльцу. Успех предприятия будет зависеть от того, с какой скоростью сойки разделяются с семечками и смекнут, что и у крыльца есть чем поживиться, – и как быстро она сможет обежать дом.

Во что же ей обуться? Она глянула на ноги и решила, что в шлепанцах не стоит – опасно. Отправилась в кладовку, но и там не обнаружила ничего подходящего: у каждой пары ее обуви имелся хоть и невысокий, да каблук.

Она залезла в шкаф у близнецов в спальне и зарылась в коробку с их старой обувью. Нашла пару изношенных розовых туфель с помпонами. Увы, они были на два размера больше, чем нужно, но всяко лучше, чем носиться в шлепанцах и сломать лодыжку.

Сьюки надела их, зашнуровала ту же некуда и пошла в теплицу, где

наполнила две большущие глиняные плошки в горошек, одну – подсолнечником, вторую – смесью. Плошку со смесью поставила сбоку дома, на пути с заднего двора к крыльцу, чтобы подхватить ее на бегу. Затем вернулась в теплицу, забрала плошку с подсолнечником, глубоко вдохнула и устремилась во двор, где молниеносно загрузила семечки в кормушки.

Разделавшись с кормушками во дворе, бросила плошку на землю, рванула к плошке в горошек с зерновой смесью, побежала к крыльцу, но тут попала ногой в суслицью норку и потеряла левую туфлю. Останавливаться времени не было, и она просто понеслась дальше в одной туфле.

И разумеется, в тот самый миг, когда она оказалась у крыльца, мимо ее дома проезжал новый священник-методист с супругой. Увидев, как Сьюки, в одной розовой туфле с кисточкой, скачет на одной ноге и рассыпает по кормушкам семена из здоровенной лоханки в горошек, притормозили и собрались из вежливости остановиться и поздороваться, но, к радости Сьюки, решили, что не стоит, и поспешно двинулись дальше. Сами они были из Шотландии и не ведали, бегодня в одной розовой туфле с помпоном, в обнимку с поместительной плошкой в горошек и разбрасывание семян – южный ли это ритуал кормления птиц или нет, но побоялись уточнять.

Соседка Сьюки Нетта Верп сидела в халате на боковом крыльце, попивая кофе, и вдруг увидела, что Сьюки мечется по саду адским нетопырем с плошкой в горошек в руках и расшвыривает семена; задумалась, что же это она такое делает. Нетта никогда в жизни не видела, чтобы люди кормили птиц в такой спешке.

Заполнив кормушки у крыльца, Сьюки забежала в дом и уставилась в окно гостиной, ожидая, что мелкие птички слетятся поесть. Ждала-ждала, а те всё не летели. Где же они? Ни единой птахи не видать. Она примчалась в кухню, глянула из окна во двор и увидела, как синие сойки счастливо обжираются подсолнечником, а мелкие птички скачут, как обычно, ниже по кустам. Вот те на. Птички не знали, что их ждет у крыльца. О господи. Это в ее планы не входило. Что же делать? Сьюки выскочила на веранду и принялась махать руками и вопить что было духу:

– Летите к крыльцу, птички, все к крыльцу! Скорее, птички!

Но птицам разве втолкуешь? Вот незадача. Теперь не только мелюзге ничего не достанется, но и куча подсолнечника, похоже, привлекла всех до единой синих соек в округе – их прибывало с каждой минутой.

Нетта наблюдала за соседкой со своего крыльца – та скакала и махала

руками как полоумная, и Нетта терялась в догадках. Поведение, прямо скажем, необычное. Оставалось надеяться, что бедняга Сьюки в одночасье не съехала с катушек, но с Симмонзами поди разбери.

Чуть погода Сьюки подбежала к окну в гостиной – поглядеть, вдруг хоть кто-то из малышни прилетел к крыльцу, но нет: целая ватага здоровенных синих соек уже осадила двор перед крыльцом и поглощала смесь. Да что ж такое! Ей пришло в голову лишь одно решение: добыть старую бейсбольную битку Картера, выбежать да и распугать соек. Однако совсем не хотелось, чтобы на нее донесли в общество гуманного отношения к животным, она там все-таки в совете. Господи, а тут еще и телефон надрывается. Кто бы там ни был, ее номер у этого человека – на автоматическом наборе. Разрываясь между сойками и телефоном, она заработала головную боль – и все же пошла к аппарату.

– Алло!

Человек на другом конце провода, похоже, удивился, что ему наконец ответили, и отозвался:

– Ой, алло! Э-э... подскажите, пожалуйста, с кем я говорю?

– А кому вы звоните? – спросила Сьюки – и увидела, как прилетели еще три сойки.

– Я разыскиваю миссис Эрл Пул-младший.

– Да, это я.

Стоило ей это проговорить, как она поняла, что совершила ошибку. Надо было прикинуться горничной и сказать, что миссис Пул нет дома. А теперь она застряла у телефона. Глядя, как прибывают синие сойки, она вдруг вспомнила про старенькую пневматическую винтовку Картера в чулане. Интересно, удастся предупредительно выпалить разок-другой с крыльца так, чтобы ее не заметили.

Человек в телефоне задал следующий вопрос:

– В девичестве Сара Джейн Крэкенберри?

– Да, была... она самая. – Сьюки поняла, что даже мысль о стрельбе по беззащитным птицам совсем для нее не типична, однако синие сойки эти ее просто бесили – они же обижают маленьких.

– Девичья фамилия вашей матери – Симмонз, среднее имя – Мэрион, зовут Ленор?

– Да, верно.

– Ваша семья проживала в Браунсвилле, Техас, с 1942 по 1945 год?

– Да, угу.

– Нынешний почтовый адрес миссис Ленор Симмонз Крэкенберри – 526, Бей-стрит, Пойнт-Клиэр, Алабама?

– Да, вся ее почта и все счета приходят мне. – Сьюки все еще думала, пугать ей соек старой воздушшкой Картера или нет, и решила, что не стоит. Если случайно собьет хоть одну, никогда себе не простит.

– Почтовый индекс 36564?

Пришла Ку-ку, потерялась о ее ногу. И тут Сьюки озарило: не желает ли Ку-ку могучую жирную сойку на завтрак? Кошку же можно выпустить. Но с другой стороны, если Ку-ку убежит или с ней что-нибудь стряется, Си Си устроит истерику.

– Мэм? Вы меня слушаете?

– Ой, простите, что?

– Ваш почтовый индекс 36564?

– А, да. Правильно. Простите меня. Я несколько занята. У меня тут неувязка с птицами.

Сьюки села, прижала трубку к уху плечом и завязала шнурок на розовой туфле. Почувствовала, как тупая боль разгорается в правой щиколотке. Приехали. Вот как влезла она в эту сусличью норку, так сразу и поняла, что вывихнула себе что-то. Хоть бы не растяжение. Нужно срочно приложить лед, пока не распухло, а еще надо бы уже кончать с этим звонком, но как-нибудь вежливо.

– Простите, сэр, но я, кажется, растянула щиколотку, и мне придется повесить трубку.

– Понял... хм... Миссис Пул, еще один вопрос. Вы будете завтра дома с десяти утра до полудня?

– Что, простите?

– Вы будете завтра по этому адресу?

– Да, наверное. Может, потом поеду в турагентство. А что?

– Мы отправляем письмо на имя миссис Ленор Симмонз Крэкенберри, и нам необходимо знать, что вы будете дома и распишетесь в получении.

Тут Сьюки внезапно подумалось, что это очень странный звонок. Зачем этому человеку знать, будет ли она дома завтра и в какое время? Как-то подозрительно – уж не извращенец ли это? Или вор? И она быстро проговорила:

– Да, буду дома, и муж мой, шеф полиции, тоже. Скажите, пожалуйста, а откуда вы звоните?

– Я звоню из Техаса, мэм.

– Из Техаса? А поточнее?

– Примерно из Остина.

– Из Остина, Техас?

– Да, мэм. Миссис Пул, письмо прибудет по вашему адресу завтра,

между десятью утра и полуднем.

Теперь Сьюки совсем оторопела. С чего вдруг кому-то в Техасе слать Ленор письмо?

– Это из сети «Купи Самоцвет»? Они в Техасе? Она заказала себе еще булавок? Надеюсь, что нет. У нее их уже больше сотни.

– Нет, мэм.

– От Барбары Буш?^[8] Мама считает, что у них много общего, и все пишет ей, бедняжке, и пишет, приглашает в гости приехать. Я ей говорила: мама, Барбара Буш слишком занята и в такую даль к тебе на обед не поедет.

– Нет, мэм, это не от миссис Буш.

– Хм... телефонная квитанция? Опять она кому-то позвонила – и снова за чужой счет? Если так, простите заранее. За ней приглядывает прекрасная сиделка, но она, должно быть, отвлеклась на пять минут. Как бы то ни было, простите и передайте тому, кому она дозвонилась, что мы рады будем оплатить.

На другом конце провода повисло молчание, а потом человек сказал:

– Миссис Пул, у нас заказное письмо, которое мы нынче вечером вышлем, и я лишь хочу удостовериться, что завтра кто-нибудь, уполномоченный за него расписаться, будет дома.

У Сьюки замерло сердце. *Заказное* письмо! Только не это. «Заказное» – значит, что-то юридическое. Сьюки поморщилась и спросила о самом ужасном:

– Сэр, вы сказали «у нас», это, часом, не означает, что вы – юридическая фирма?

– Простите, миссис Пул, я не могу обсуждать это по телефону.

О боже, точно что-то серьезное, если человек даже обсуждать это по телефону не хочет.

– Слушайте... Простите ради бога, как вас зовут?

– Хэролд, мэм.

– Послушайте, Хэролд, это не про ее ли газетные статьи? Она смотрит новости, накручивает себя, и ее потом не остановишь. Но, честное слово, если моя мать угрожала правительству или сказала какую-нибудь глупость, уверяю вас, она совершенно безобидная старушка. В том смысле, что не вооружена или как-то. Она просто не очень в себе, если вы меня понимаете. Это у нас семейное. Знали бы вы Симмонзов. Они все чуть-чуть того. У нее есть брат и сестра, вот те совсем того. Вы и представить себе не можете, какие с этой женщиной неприятности. Ей почти восемьдесят девять, а она отказывается переезжать в дом престарелых и не дает нам оборудовать для нее ванну с калиткой, и я с ума схожу от беспокойства, что

она упадет и сломает бедро. – Сьюки вздохнула. – Простите, что я так расстроилась. Просто мы с моим мужем беднягой пережили четыре свадьбы, а тут еще и мои птички не летят к крыльцу питаться. Тут у меня засилье синих соек, и мне для полного счастья не хватает только очередного судебного разбирательства. У меня нервы в струну и без того натянуты. Ну скажите, что там такое?

– Простите, мэм. Я не имею права предоставлять такую информацию по телефону.

– Ой, ну пожалуйста, Хэролд, не тяните кота за хвост. Вы меня не знаете, но я и впрямь могу поехать крышей не на шутку – в любую минуту. Это семейное проклятье Симмонзов. У дяди Бейби случилось прямо у нас на глазах. Вчера еще был президентом банка, а на следующий день уже плел корзины в «Милом холме». А тетя Лили была совершенно в своем уме и вдруг, без всякой причины, пальнула в разносчика газет. Слава богу, не попала, иначе сидела бы в тюрьме, а не там, где она сейчас.

– Как я уже сказал, миссис Пул, вы завтра утром получите письмо.

– Хэролд, да распечатайте его прямо сейчас и прочтите мне, а? Всех подробностей мне знать не обязательно, просто за что на нее подали в суд. Мы только что вложили все свои пенсионные сбережения в платеж за дом для нашей дочки Ли Ли и ее мужа. Он совершенная душка, но на жизнь зарабатывает игрой на цитре.

– О...

– Да... мы то же самое сказали. Но она его любит, что тут поделаешь? Ну и вот, мы теперь по уши в закладной. Можете хотя бы сообщить мне, какую сумму шьют моей матери, чтобы я как-то приготовилась? Я никому не скажу. Честно.

– Простите меня, пожалуйста, мэм, но я не уполномочен. Мне велено было установить текущий адрес и переслать письмо, вот и все. Это даже не мой отдел. Я просто замещаю.

– А, ясно. Ну хотя бы одним глазком гляньте и скажите мне, оно там в пределах ста тысяч долларов?

Тут он заговорил приглушенно, явно прикрыв трубку ладонью:

– Миссис Пул, мы с женой только что выдали замуж дочку, и я понимаю, что вам пришлось пережить. Не волнуйтесь, это не судебное.

– Нет? Ой, ну слава богу! Дай вам бог здоровья, Хэролд. Не знаю почему, но в отношении мамы я всегда предполагаю худшее, хотя, с другой стороны, может же быть и что-нибудь хорошее, верно? – Хэролд ничего не ответил, и настроение у Сьюки внезапно улучшилось. – Погодите-погодите. Может, она конкурс какой выиграла? Вы случайно не от

Издательской расчетной палаты?^[9] Мне ее притащить сюда утром, наряженную, в макияже или как-то? Мне нужно знать, потому что она точно захочет прическу Фотографы будут? А журналисты?

– Нет, мэ.м.

– О... ну... ну хоть намекните, чего мне ожидать?

В телефоне надолго замолчали, а потом Хэролд сказал:

– Миссис Пул, я могу сказать лишь одно... Вы – не та, кем себя считаете. – И с этими словами повесил трубку.

Сьюки так и села. Сказанное звенело у нее в ушах, но тут в заднюю дверь кто-то забарабанил. Она поднялась, и щиколотку заломило хуже прежнего, однако Сьюки доковыляла до двери и открыла; на пороге стояла Нетта в халате и глядела на Сьюки странно.

– Милая, все в порядке? Я видела, как ты носишься по двору, чем-то будто расстроенная. Пыталась тебе дозвониться, но было занято. Ты забыла на улице вот это.

Сьюки забрала у нее свою туфлю.

– Спасибо, Нетта.

– Все хорошо?

– Да, Нетта. Я просто хотела выдумать кое-что новенькое с кормлением птиц, а тут позвонил этот человек, сказал про какое-то заказное письмо для Ленор, да и к тому же я, кажется, потянула щиколотку Заходи же.

– Нет, не могу, я еще в халате. Пойду-ка я домой, но ты звони, если что.

Проводив Нетту, Сьюки выглянула во двор перед крыльцом – проверить, как там птицы, – и в смятении обнаружила, что весь двор превратился прямо-таки в синее море. Будто у нее тут заповедник синих соек. Ее так отвлек звонок, что она и не знала теперь, досталось ли мелким пташкам хоть что-то. Тьфу ты. Завтра нужно будет еще разок попробовать.

Она доскакала до кухни, сложила в полотенце лед и обернула лодыжку. Сидя с Ку-ку на коленях, раздумывала о звонке и о том, что сказал тот человек. «Вы – не та, кем себя считаете». И тут до нее дошло. Он, должно быть, из «Свидетелей Иеговы» или еще какой-нибудь религиозной группы. Вечно они оставляют у их порога буклеты и спрашивают: «Вы знаете, кто вы?» или «Вы знаете, кто ваш отец?» Господи. Она вдруг почувствовала себя дурой. Ну что она за идиотка – взяла и вывалила ему столько всего личного про семью.

Но с другой стороны, она знала свою мать. Человек мог звонить с

сайта *ancestors.com* или еще какой-нибудь компании, занятой выращиванием генеалогических древ. Сьюки видела их рекламу, та тоже вопрошала: «Кто вы?» да «Как считаете, вы кто?»

Чем больше она обо всем этом думала, тем больше ей казалось, что это Ленор опять пытается раскопать корни семьи Симмонз. «Я просто уверена, что мы как-то относимся к королевской фамилии. Вот прямо костями чувствую», – говорила она. Сколько Сьюки себя помнила, мама изучала этот вопрос и так и эдак, но до сих пор ничего не обнаружила. Даже Ди Ди стала одержима тем же и повесила фамильный герб Симмонзов у себя дома над камином.

Утро шло себе дальше, и Сьюки попыталась расслабиться и выбросить из головы этот звонок, но ее по-прежнему что-то тяготило. Ее беспокоило слово «заказное». Она не любила звонить Эрлу на работу, но все же набрала номер; ответила секретарша:

– Приемная доктора Пула, чем могу?

– Привет, Шерри, это я. Можешь попросить его снять трубку? У меня к нему короткий вопрос.

– Конечно, побудьте на линии. Звякну ему. Как мама?

– Хорошо, спасибо.

– Вот и славно. Подождите.

Через несколько секунд Эрл ответил:

– Привет, все в порядке?

– Да. Мне надо у тебя кое-что спросить.

– Милая, я тут зуб пломбирую.

– Хорошо, я быстро. Только что звонил кто-то из Техаса и сказал, что завтра придет какое-то заказное письмо для Ленор. Мне волноваться? Сказал, что он не юрист.

– Ну, тогда нет.

– Как думаешь, о чем письмо?

– Понятия не имею. Видимо, какое-нибудь жулье пытается что-то продать или хочет, чтобы она куда-нибудь вступила.

– То есть мне не волноваться?

– Нет, выбрось из головы.

– Но оно заказное.

– Ну, милая. Не расписывайся в получении.

– А это разве не противозаконно?

– *Нет*. Просто скажи Питу, что не будешь расписываться. Вот и все. Миленькая, мне правда пора. Вечером увидимся, ладно?

- Эрл, может... Просто не открыть дверь?
 - Хорошо.
 - Но он же записку оставит и попытается еще раз вручить, разве нет?
 - Милая, делай как хочешь. Не открывай ему или просто подпишись и выкинь. Может, обычная реклама. Ладно?
 - В общем, не волноваться?
 - Нет.
 - И не обязательно его принимать?
 - Нет. Плюнь. Мне пора. Люблю тебя.
- Сьюки положила трубку и улыбнулась. Эрл всегда знал, как ее утешить. Даже щиколотка болеть перестала.

Среда

8 июня 2005 года

Сьюки проснулась, спланировала себе день. Решила, что на этот раз попробует разнообразить свой замысел с птицами и насыплет подсолнечник не во все кормушки, а через одну. Есть надежда, что мелкие птицы сообразят поесть, пока синие сойки будут заняты подсолнечником. Она покормит птиц, потом отправится в город в турагентство и узнает, какие есть поездки и круизы. Второй медовый месяц – красота! Ее брат Бак с женой все время ездят в круизы, и накануне Сьюки позвонила Банни в Северную Каролину и попросила совета. Банни сказала, что Прага – «новый Париж», но Сьюки не видала и старого. Она вообще мало где бывала, если не считать колледжа и поездок по магазинам, так что куда бы Эрл ни решил махнуть, ей все сгодится.

В 8.1 °Сьюки наполнила кормушки и, в тех же розовых туфлях, устроилась на заднем дворе за деревом и с биноклем, – но тут вдруг кто-то подошел сзади и похлопал по плечу. Она чуть ли не на пять футов подпрыгнула. То был почтальон Пит.

– О господи, Пит! Ты меня напугал едва ли не до смерти!

Пит, высокий тощий дядька в серых шортах, смутился:

– Извини. Я стучал в дверь, но ты не открыла. – Он залез в сумку и добавил: – У меня тут заказное письмо, но сначала полагается у тебя спросить: «Вы миссис Эрл Пул-младший?»

Сьюки вздохнула. Пит носил им письма всего-то последние тридцать лет.

– Нет, Пит, я королева Румынии. Конечно, это я. Ты знаешь, кто я.

Пит очень серьезно относился к своим обязанностям.

– Да знаю, но это официальное письмо, стало быть, надо спрашивать. Есть ли у тебя полномочия расписываться за миссис Крэкенберри?

– Да. Мне вот что интересно, – ответила Сьюки, – почему ты явился в такую рань? Ты разве не с той стороны пирса начинаешь доставку?

– Правильно, но я подумал, что, может, письмо важное, и потому к тебе пришел в первую очередь. Вот тут распишись.

– Прости, Пит, что тебе пришлось тащиться в такую даль, но я не хочу за него расписываться.

Пит совершенно обалдел:

– Но... оно же заказное.

– Я понимаю, но Эрл сказал, что мы не обязаны, если я не хочу.

– О... что ж... хм... Никогда такого не бывало... видимо, напишу уведомление о первой попытке доставки и завтра еще раз попробую.

– Но я и завтра его принять не захочу.

– Официально мне положено попытаться его доставить трижды.

– Пит, оно мне не нужно. Я даже не знаю, от кого оно.

– Хе... ну, как хочешь. Но, знаешь, не очень красиво – кто-то уж очень расстарался, потратился, чтобы ты его получила. Может, там что-то важное... Похоже на какие-то медицинские выписки.

– Пит! Я правда не желаю знать. Я сейчас занята, я планирую отпуск. Ты в курсе, что мы с Эрлом нигде не были вдвоем аж с 1970 года? И с чего ты взял, что это медицинские выписки?

– Потому что это от Техасского отдела здравоохранения. Вот я и подумал, что это какие-то данные про здоровье.

– Техасский отдел здравоохранения? Ну и дела. Чего им надо?

– Не знаю, – ответил он, разглядывая увесистый конверт. – Никто никогда не болел, не попадал в больницу в Техасе?

– Нет. Я родилась в Техасе... но...

– Ну вот пожалуйста. Может, какой-нибудь просроченный счет или типа того.

– Ой, не представляю, чтобы счет так задержался. Ты же знал папу. Он всегда платил по счетам.

– Тоже верно. Может, возврат переплаты?

– Пятьдесят девять лет спустя? Вряд ли.

– Ну, если оно тебе точно не нужно, я тебе оставлю квитанцию о попытке доставки и пойду.

– Хороню, спасибо, Пит. Извини.

Пит ушел, и Сьюки осмотрела двор. Опять он кишел сойками. Ни единой маленькой птицы. План явно провалился или даже хуже того – все испортил. Пташки, может, собрали вещички и больше никогда не вернуться, да и за что их тут винить? Очень грустно это – они были ее любимцами, сами про то не ведая.

Чуть погодя, устроившись в ванне, Сьюки изо всех сил попыталась забыть о письме, но оно по-прежнему занимало ее мысли. Было бы проще, если б Пит не помахал конвертом у нее перед носом и не ляпнул, от кого оно. Вот напасть-то! Сегодня ей хотелось только расслабиться и ни о чем не думать. Ясное дело, письмо касается ее матери, но о чем оно? Сьюки и

вообразить не могла. Ленор болела или попала в больницу, пока жила в Техасе? Она никогда об этом не упоминала. Может, это такое, чего Ленор не желала ей рассказывать? Все кругом говорили, какой молодой и красивой она выглядит для своих лет. Может, она в Техасе сделала себе мощную подтяжку? Или сбила кого-нибудь и там положила в больницу? Ленор водила машину из рук вон плохо и хотя бы по разу наехала на каждого жителя Пойнт-Клиэр. А может, у нее с головой что-то стряслось, как у тети Лили, и ее сдали «куда надо»? Могла Ленор угодить в психушку? О боже мой.

Когда Сьюки оделась и накружилась, воображение выкрало ее окончательно. Она и опомниться не успела, а уже приехала в город на почту с розовой квитанцией о доставке, забрала письмо и возвращалась с ним к себе. Ни в книжный магазин, ни в турагентство так и не заглянула. Послание лежало рядом на сиденье, и Сьюки посматривала на него всю дорогу домой. Да, так и есть – поперек всего конверта значилось: «Техасский отдел здравоохранения» и, толстыми черными буквами:

«СОДЕРЖИТ ЛИЧНЫЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ».

В 5.15 вечера в дом вошел Эрл.

– Привет, любимая. Я дома.

– Привет, милый, – ответила она, не давая ему присесть. – Эрл, знаю, ты сочтешь меня дурой, но я прождала твоего возвращения весь день. Посиди со мной, пожалуйста, пока я буду вскрывать письмо.

– Какое письмо?

– Заказное.

– А. Я решил, что ты не собираешься за него расписываться.

– Ну... Я попыталась... но, в общем... хотела, чтобы ты был дома.

Эрл улыбнулся:

– Ладно, милая. Сейчас вот налью себе выпить и сразу вернусь.

Сьюки устроилась на веранде, присев на диван, и дождалась, пока он вернулся и сел напротив.

– Ну хорошо, открывай, посмотрим, что там у нас.

Глубоко вдохнув, Сьюки открыла конверт и прочла сопроводительное письмо.

*Миссис Ленор Симмонз Крэкенберри
Для вручения через миссис Эрл Пул-мл.*

526, Бей-стрит
Пойнт-Клиэр, АЛ 36564

Наша контора получила прилагаемое письмо, и в соответствии с запросом пересылаем его Вам.

Х. Уилсон

На вложенном конверте стоял штамп Матамороса, Мексика, и он был подписан от руки неровными, почти детскими каракулями. Внутри Сьюки нашла письмо, написанное тем же почерком.

20 мая 2005 года

Уважаемая миссис Крэкенберри,

Здравствуйте. Я дочь Кончиты Альварес, работавшей у вас в Браунсвилле, Техас, во время войны. С прискорбием сообщаю, что моя мать скончалась прошлой весной в возрасте восьмидесяти пяти лет. Разбирая ее вещи, мы обнаружили эти бумаги, которые она хранила для Вас. Похоже, что-то важное. Кажется, они Вам могут пригодиться. Я не знаю, где Вы живете. Отправляю их туда, откуда они пришли, чтобы оттуда их могли переслать Вам. Мама Вас очень любила. Рассказывала, какая Вы была красивая.

Искренне Ваша,

миссис Вероника Гонсалес

– Ох, да боже ты мой, – сказала Сьюки.

– Что?

– Дама из Техаса, работавшая у матери, померла, а ее дочь нашла какие-то старые бумаги Ленор и переслала их нам. Очень мило с ее стороны.

– А что за бумаги?

– Пока не знаю. Ну-ка. – Сьюки взялась за следующий листок. И тут осознала, что лежит на полу, а Эрл стоит над ней и обмахивает газетой.

– Все в порядке, милая, ты упала в обморок. Расслабься и дыши глубже. Не разговаривай.

Рядом с ней на полу лежала страница, которую она только что прочла.

8 октября 1952 года

Уважаемая миссис Крэкенберри,

В связи с недавним смягчением военными властями некоторых ограничений в части Акта о неразглашении медицинских данных детей, а также в ответ на Ваш запрос от 6 января 1949 года мы теперь уполномочены выслать вам фотокопии исходного свидетельства о рождении Вашей дочери, включая все медицинские записи о состоянии здоровья матери, какие есть в нашем распоряжении, вплоть до даты ее удочерения из Техасского детского дома. Надеемся, эта информация поможет медикам, занимающимся Вашим здоровьем и здоровьем Вашей дочери, в определении рисков любых наследственных заболеваний. Пожалуйста, обращайтесь, если у Вас возникнут дальнейшие вопросы.

Искренне Ваша,

Кэти Кихано,

директор службы здравоохранения

К сему приложены:

- свидетельство о рождении
- медицинская карта
- документы по удочерению

Несколько минут спустя Эрл помог Сьюки устроиться на диване, и она, с влажным полотенцем на лбу, попыталась вникнуть в то, что прочитала только что. В голове застряло только «ее удочерение».

Эрл вернулся с бумажным пакетом, чтобы она в него подышала, и со стаканом бренди.

– Давай, милая, выпей немножко. – Он глядел на нее обеспокоенно и поглаживал по руке.

– Ты прочел? – спросила она.

Он кивнул:

– Да, дорогая, прочел. Вот так новости они вываливают.

– Но что это значит?

Он подобрал письмо и прочитал еще раз.

– Ну что, милая... Боюсь, это значит именно то, что написано. Очевидно, тебя взяли... тут все бумаги... из Техасского детского дома... 31

июля 1945 года.

– Но, Эрл, этого быть не может. Какая-то ошибка.

Эрл проглядел бумаги и покачал головой:

– Нет, милая... Не думаю. Все вполне официально, и вся информация сходится.

– Но тут все равно ошибка. Не могли меня удочерить. У меня симмонзовские ступни и папин нос.

– Ну... может, и нет.

– Но с чего? Что там еще сказано? Ничего не понимаю.

– Милая... ты дыши, а я пока посмотрю еще раз. – Он углубился в документы, а Сьюки все дышала в бумажный пакет, но выражение его лица ей не нравилось.

– Ну? – спросила она между вдохами.

Он взглянул на нее:

– Ты уверена, что готова ко всему этому? Для одного дня тут слишком много информации.

– Да... конечно. Уверена.

– Дай слово, что не разволнуешься и не упадешь в обморок, иначе я не буду ничего дальше читать.

– Даю.

– Что ж... медицинская карта у тебя хорошая. Ты была очень здоровым младенцем.

– А еще?

Эрл взял в руки свидетельство о рождении:

– Ну вот здесь говорится, что твою маму звали Фрици Уиллинка... а фамилия, кажется, вроде... Юрааблалински. Или что-то в этом роде.

– Что?

Он проговорил фамилию по слогам.

– Господи боже! Что это вообще за фамилия?

– Хм... ну-ка, ну-ка. А, национальность матери... полячка.

– Что?

– Польская.

– Польская? Да я даже языка польского не знаю.

– погоди... тут написано... место рождения матери – Пуласки, Висконсин... 9 ноября 1918 года. Вероисповедание матери: католическое.

– Католическое? О боже. А про отца что говорится?

Эрл вчитался и тихо проговорил:

– Хм... тут написано, что он неизвестен.

– Неизвестен? Как же это? Что это значит?

– Не могу сказать. Может значить много чего. Вероятно, она не хотела о нем сообщать... Не знаю.

Сьюки вымолвила:

– О боже мой, Эрл... Я внебрачная. Я незаконнорожденная польско-католическая личность!

– Ой, будет тебе, милая... успокойся. Мы про это ничего не знаем. Не будем делать поспешных выводов.

– Ну же, Эрл, когда люди женятся, отец не может быть неизвестен, верно? Она хоть имя-то мне дала?

– Минутку. Да, вот. Твое имя при рождении... Джинджер Ябервиснски или как оно произносится вообще... и родилась ты в 12.08 пополудни четырнадцатого октября 1944 года, вес... восемь фунтов и семь унций.

Сьюки медленно села и вымолвила:

– Эрл, это ошибка.

– Что?

– 1944-й.

– Ну, милая, тут так написано. Четырнадцатого октября 1944 года. Смотри, черным по белому.

Сьюки, похоже, все это потрясло до глубины души.

– Эрл, ты понимаешь, что это значит? Господи боже, да мне шестьдесят лет! Господи боже, я ведь старше тебя! Господи боже!

– Ладно-ладно, милая, ты успокойся... подумаешь, ничего такого.

– Ничего такого? Ничего такого? Ложишься спать и думаешь, что тебе пятьдесят девять, а на следующий день оказывается, что тебе шестьдесят! – Сьюки почувствовала, как от лица медленно отливает вся кровь. Эрл вовремя успел ее поймать, иначе она бы свалилась с дивана еще раз.

Через несколько минут, придя в себя и выпив еще немного бренди, Сьюки, за всю жизнь не позволившая себе почти ни единого грубого слова, глянула на Эрла и выпалила:

– Кто они вообще, эти Мудобралинские?

И впрямь – кто?

Пуласки, Висконсин

Станислав Людвик Юрдабралински прибыл в Чикаго 5 января 1909 года. Первые несколько лет в Америке он таскал бочки с пивом в местной пивоварне, а по ночам учил английский. Позднее Станислав нашел работу получше – на стройке Чикагской и Северо-Западной железной дороги, проходившей от Грин-Бей, Висконсин, через маленький городок под названием Пуласки.

В те времена Пуласки, Висконсин, был крошечной деревней польских иммигрантов, которых заманил сюда ушлый немецкий землевладелец. Купив землю, он взялся распространять буклеты по всем польским кварталам шахтерских поселений вокруг Чикаго, Милуоки и Пенсильвании в надежде продать земельные участки множеству польских иммигрантов – желал устроить эдакую «маленькую Польшу» в Америке, с костелами и школами. Он даже назвал городок в честь князя Казимира Пулавского, польского аристократа, сражавшегося бок о бок с американскими патриотами в Войне за независимость, – для пущей привлекательности. Первая группа новых землевладельцев прибыла в Пуласки и обнаружила, что костелы и школы, отрекламированные в буклетах, еще предстоит построить, и потому они взялись за дело – и построили их.

В 1916 году Станислав Юрдабралински прибыл в Пуласки, строя железную дорогу: он укладывал рельсы. Пока был в городе, жил в милой польской семье, где была симпатичная восемнадцатилетняя рыжеволосая дочка. Через несколько недель укладка дороги двинулась дальше, а Станислав – нет. Он остался и осел в Пуласки с молодой женой, Ленкой Мари.

Станислав тяжелой работы никогда не гнушался и очень стремился зарабатывать деньги, а потому днем вкалывал на лесопилке, а ночью – на консервной фабрике. Вдобавок по воскресеньям, после церкви, стал готовиться к получению гражданства Соединенных Штатов. Сидя в маленькой съемной комнате над булочной Хлински и штудирюя Конституцию и Декларацию независимости, он так воодушевлялся, что читал жене вслух:

– Ленка, ты только послушай. Тут написано: «право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Только представь, Ленка. Наша страна хочет,

чтобы мы были счастливы... и ты будешь счастлива. Как только разбогатею, сразу куплю тебе шубу.

Ленка смеялась:

– Нам дом надо сначала купить.

– А после того, как я стану гражданином, получу право говорить что захочу, и меня никто не арестует, и я смогу купить дом, и его у меня никогда посмеют не отобрать.

Ленка его поправила:

– Никогда *не* посмеют отобрать.

– Точно. И у меня будет свое дело, как у мистера Спирпински. Подумать только, Ленка, отныне все наши дети будут американцы, и наши внуки, и их дети.

Ленка, к тому времени уже два месяца как беременная их первенцем, урезонивала его:

– Станислав, уймись и учись.

День главной гордости всей жизни Станислава – когда он отправился в Грин-Бей получать гражданство Соединенных Штатов. Не успел он принести клятву, как тут же схватил жену за руку и помчался к громадному дому суда по соседству – подать заявление на американский паспорт. Ленка, едва за ним поспевая, спросила:

– Зачем тебе паспорт так скоро, Станислав? Мы еще невесть когда поедем куда-нибудь.

– Знаю, – сказал он. – Но когда окажусь в Польше, я хочу, чтобы они видели, как давно я уже гражданин.

Через несколько недель, когда паспорт наконец прибыл по почте – с радостной фотокарточкой внутри, Станислав обошел весь город и показал паспорт всем, кого встретил. Он тыкал в графу с ростом и спрашивал:

– Вы знаете, у кого рост шесть футов четыре дюйма? У мистера Эйбрэхэма Линколна, вот у кого!

Через несколько недель Ленка родила их первенца – темноглазую малютку с черными кудрями, которую они назвали Фрици Уиллинкой Юрдабралински, и она стала отцовой гордостью и радостью. К досаде Ленки, тот по временам приходил с работы, сгребал дочурку из кровати и тащил в город, в таверну «Тик-так» – хвастаться.

Двумя годами позже родился сын, его назвали Венцентом Станиславом Здиславом Юрдабралински, а еще через год родились дочери-близнецы. Одна появилась на свет за несколько секунд до полуночи 31 мая, а вторая – через пол минуты, уже 1 июня, и потому девочки получили имена Гертруд

Мэй и Тула Джун. Два года спустя родилась младшенькая, Софи Мари.

Близнецы и их младшая сестра пошли в мать – рыжие, а Венцент, которого в семье звали Винком, вышел крепким блондином. Станислав гордился всеми детьми, но старшая, Фрици, была ему звезда очей. Когда ей было пять, он сажал ее на плечи и гулял с ней по Главной улице, а всем встречным показывал купчую на землю, за которую он так тяжело работал.

– Глядите, – говорил он. – «Продано Станиславу Юрдабралински, два акра». У меня теперь есть земля... что скажете?

Люди в городе любили Станислава. Он всегда был дружелюбным славным малым, на такого можно было полагаться.

Через несколько лет они получили ссуду в банке, и с помощью друзей Станислав отстроил двухэтажный кирпичный дом с большой кухней и длинной просторной верандой. В ближайшие годы, желая еще подзаработать, Ленка, отличный повар, взялась продавать польскую выпечку и колбасы окрестным столовым и готовить для больших церковных событий, а кроме того – растила детей. Было непросто. Оказалось, что старшая, Фрици, – не фунт изюма. Вечно заводная, она прыгала и носилась, играла в мяч с мальчишками, висла на деревьях, прыгала с двадцатифутовых лестниц на спор и вообще оказалась хвастушкой. Но в глазах отца Фрици была ангелом. Ленка рассказывала ему, что успела натворить за день его дочь, а он только смеялся. Даже когда монахини призвали их побеседовать о манере Фрици затевать со старшими мальчиками драки на игровой площадке, Станислав, добрый католик, кивал и делал серьезное лицо. Но потом не сказал Фрици ни слова.

Ну и что с того, что она чуточку буйная? Чужал он, что эта девчонка еще заявит о себе. Он знал, Ленке хотелось бы, чтобы одна из дочек стала монахиней, но Станислав был почти уверен, что это не Фрици.

Меж тем в Пойнт-Клиэр

Эрл все еще сидел со Сьюки, изо всех сил пытаясь ее успокоить, но без толку.

– Ой, Эрл... моя жизнь кончена. Пока я жива, ничто уже не будет как прежде.

– Ох, милая...

– Я не та, кем себя считала... и никогда больше не буду.

– Понимаю, это большое потрясение. Для меня тоже, милая. Но давай найдем в этом хорошее.

– Что именно?

– Ну, для начала, разве ты ни капельки не рада, что ты все-таки не Симмонз?

– Нет, не рада! Пока была Симмонз, я, по крайней мере, знала, кто я такая и о чем мне беспокоиться. А теперь не знаю, кто я... и о чем мне беспокоиться. Меня будто похитили инопланетяне. – Сьюки вдруг задохнулась и схватилась за грудь: – О господи... Кажется, у меня сердечный приступ. О господи... Я умру и так и не узнаю, кто я!

– Сьюки, успокойся. Нет у тебя приступа. Все с тобой хорошо.

– Нет, Эрл, не все... Я чужая в собственном доме!

Эрл дал ей подышать пару минут в бумажный пакет, она немного успокоилась, но сердце у нее все еще колотилось, кружилась голова. Она вдруг стиснула его руку:

– Эрл, ты теперь знаешь, что я – это не я... ты меня разлюбишь?

– Нет! Ты моя жена, я тебя люблю. Ты всегда будешь тем же чудесным человеком, каким всегда была. Ничто не изменилось.

– Как ты можешь такое говорить? Изменилось все. Я теперь совсем другой человек, даже не тот, кем была несколько минут назад.

– Вот и нет.

– Вот и да! Вчера я была человек английского происхождения и южно-методистского вероисповедания, а сегодня – польско-католическая личность и безотцовщина.

– Ой, милая, ну подумайся. Если бы ты ничего не узнала, разве не была бы ты тем же самым человеком?

– Но я же узнала... и теперь знаю, что я – не я. Как же теперь опять стать собой? Да я собой вообще никогда не была! Не понимаю, как ты можешь так спокойно говорить. Ты был женат на мне все эти годы, а сам и

не знал, кто я такая и кто мои родители.

– Милая, это не имеет значения. Я люблю тебя. А не твоих родителей.

– Но... а как же дети? Я, может, дочь преступника или серийного убийцы. Кто знает. (Эрл рассмеялся.) Ничего забавного, Эрл. Ты смейся, конечно, но это у меня гены двух совершенно чужих мне людей носят по всему организму. Я знаю про ДНК – это имеет значение.

– Ох, милая...

– Нет, правда, вот ты бы как себя чувствовал, если б не знал, кто ты такой?

– Но, милая... мы же знаем. Тут вот прямо написано, что ты – дочь Фрици, фамилию произнести не могу, но она-то и была твоей матерью.

– Да, но я с ней незнакома. И не опознала б, даже если бы на нее упала. Она могла быть Дорис, продавщицей помидоров, запросто!

Чуть погодя Эрл наконец смог усадить Сьюки и скормить ей немного супа и кусок тоста, но она ревела и сморкалась весь ужин напролет.

– В голове не помещается, что я не Симмонз. Неудивительно, что я никогда не была хорошенькой.

– Сьюки... ты очень хорошенькая.

– Не как Ленор...

– Нет, иначе... но настолько же, если не более. Не понимаю, почему ты никогда мне не верила.

Но Сьюки не слушала.

– Я даже не Крэкенберри. Неудивительно, что я никогда не была такой умной, как Бак.

– Сьюки, милая, ты умница.

– Нет, не умница. Я проваливала алгебру три года подряд. Это, по-твоему, умница, Эрл?

После супа Сьюки все перечитывала и перечитывала документы, час за часом, и чувствовала себя как в «Сумеречной зоне»^[10]. Все казалось нереальным. Она понимала, что ребенок со странным именем, указанный в свидетельстве о рождении, – вроде бы она, но ей никак не удавалось в это поверить. Эрл ужасно маялся и все заглядывал к ней, спрашивал, не помочь ли чем, но чем тут поможешь.

Примерно в половине четвертого Эрл настоял, чтобы она легла спать. Но даже после того, как Эрл выключил свет, ее мысли продолжали мчаться со скоростью миля в минуту. Говорят, когда умираешь, вся жизнь проносится перед глазами. Видимо, что-то подобное происходило и с ней. Каждый раз, когда она пыталась успокоиться и уснуть, какой-нибудь случай из детства вспыхивал перед глазами, и она вспоминала, как старалась

угодить матери, сделаться той Симмонз, какой хотела Ленор. Волосы у нее всегда были темно-рыжие и прямые, и она помнила, как Ленор по утрам пыталась причесать ее и как смотрела разочарованно и приговаривала: «И унции кудрей не наберется». Она думала, сколько часов проторчала в парикмахерских, делая эти вонючие перманенты, превращая волосы в сплошную кучерявую копну, лишь бы матери понравилось, иначе та плюнет да и обстрижет ее до короткого боба с челкой. Всю свою жизнь Сьюки смотрелась либо как Сиротка Энни^[11], либо как голландский мальчонка, каких рисуют на банках с краской.

Не нравилось Ленор и то, что у Сьюки темные волосы, и хотя бы раз в неделю она глядела на них и молвила с эдаким сожалением: «Ну конечно, в твоём возрасте я была пшеничной блондинкой. И с чего у тебя волосы так потемнели? Светлые были у тебя маленькой...»

Сьюки даже попыталась как-то раз перекраситься в пшеничную блондинку, но вышел очень неприятный розовый оттенок. Почти весь первый класс в старшей школе ей пришлось пережить с ярко-розовыми волосами – задолго до моды на ярко-розовые волосы. А толку?

Конечно, это все ей снится в кошмарном сне, а назавтра она проснется и все встанет на свои места. Ну *не может* это быть правдой.

Жизнь продолжается

Пуласки, Висконсин
1928 год

После Первой мировой войны сонный буколический мир провинциальной Америки начал меняться, а виной тому стал человек по имени Генри Форд. Изобретя первую «модель Т», он поставил Америку на колеса; дороги строились, автомобили совершенствовались, а люди, никогда прежде не выбиравшиеся дальше предместий своих городов, вдруг тысячами ринулись путешествовать. Не успевали прокладывать трассы, а тут вдруг семейные автомобильные поездки стали последним писком моды. Американцы тех времен – первопроходцы и врожденные любители приключений, а потому вскоре они начали кататься по всей стране. Если бы можно было выстроить дорогу через океан, они бы добрались и до Европы, и до Южной Америки.

Новые предприятия – кемпинги, турбазы, гостиницы, мотели и рестораны – расплодились по всей стране, всё для удобства туристов в пути.

В 1920 году в Штатах было всего 15 000 заправочных станций, но уже к 1933-му – 170 000.

Было ясно: за автомобилями будущее, а значит, что может быть лучше заправочной станции? Бензинщики продавали франшизы направо и налево. А у Станислава Юрдабралински был идеальный участок для заправки – пустырь за домом. И вот он, вложив сбереженное, взял еще одну ссуду в банке, закончил двухнедельные курсы по управлению станцией техобслуживания и получил униформу «Филлипса-66»^[12], с фуражкой и черным кожаным галстуком-бабочкой; вскоре в Пуласки открылась новехонькая круглосуточная станция техобслуживания и автозаправки.

Станислав очень гордился наконец открывшимся семейным делом, но когда решал, как назвать станцию, постановил, что «Филлипс-66 семейства Юрдабралински» – длинновато, и потому назвал ее «Филлипс-66 Винка» – в честь сына, который когда-нибудь ее унаследует.

В ночь открытия, когда над колонкой загорелся большой круглый подсвеченный шар, вся семья часы напролет смотрела, как он светится в темноте. Папуля, перебравшийся ночевать на кушетку внутри станции, желая им спокойной ночи, включил и выключил неоновую надпись

«Открыты всю ночь» в витрине.

С тех пор вся их жизнь сосредоточилась вокруг автозаправки. Бодрый шум легковых и грузовиков, круглосуточно подкатывавших к станции, означал, что папуля занят, и это хорошо. Винк и девчонки все детство играли с колесными колпаками, шлангами, старыми свечами зажигания и покрышками, вдыхали запахи бензина. Было весело. Когда Фрици было одиннадцать, а Винку – девять, они уже умели менять колеса, заливать бензин и давать сдачу на кассе. Вскоре Юрдабралински стали известны просто как Семья с Автозаправки. В каждом городе была такая... ну или вскоре появилась.

1936 год, после того как на страну обрушилась Великая депрессия, оказался чудовищным, однако семейству Юрдабралински все удалось лучше многих: у них были молоко и сыр с близлежащих ферм и яйца из-под кур, которых мамуля держала на заднем дворе. А еще у них был Винк – он вырос в здорового сильного парня, любил охоту и рыбалку, и потому еда с их стола никогда не пропадала.

Станислав добыл себе окружной контракт и заправлял теперь муниципальный транспорт – пожарные и полицейские машины, снегоуборщики и все школьные автобусы, – а также обслуживал его, и потому, когда многие автозаправки по стране позакрывались, станция «Филлипс-66 Винка» сумела выжить.

Летом 1937 года в доме Юрдабралински унынием и не пахло. По четвергам мамуля играла в ансамбле аккордеонисток Пуласки, и четыре вечера в неделю они репетировали в гостиной. Младшие девочки участвовали в школьном аккордеонном ансамбле и тоже подыгрывали, а после школы старшеклассники собирались у них на просторном чердаке над вторым этажом с громадным патефоном на столе в углу, танцевали и играли в настольный теннис.

Фрици и ее сестры уже вошли в возраст, и мальчишки либо постоянно болтались вокруг автозаправки, либо сидели на крыльце большущего двухэтажного кирпичного дома по соседству.

Даже у Винка, работавшего с отцом на станции после школы, имелись воздыхательницы, и они набивались в машины и прикатывали поглазеть да похихикать, покуда он устраивал их автомобилю полное техобслуживание: мыл стекла, проверял масло, воду, антифриз и аккумулятор, подкачивал шины. Денег им обычно хватало на галлон четырнадцатцентового бензина, а иногда и всего на полгаллона. Одна местная девчонка, Энджи Брукоски, помладше Винка, брала у своего отца машину, и они с

подружками приезжали чаще обычного – даже когда денег на бензин не было никаких. Папуля говаривал, что шины у старика Бруковски проверяются чаще, чем у любой другой машины в штате Висконсин.

Но в доме Юрдабралински главным магнитом была Фрици – и для мальчиков, и для девочек. Она только что окончила школу, и в выпускном классе ее признали самой популярной ученицей, лучшей танцоршей, главной спортсменкой и заводилой; к тому же она подавала самые большие надежды. В старшей школе Пуласки Фрици и впрямь тянула на знаменитость. Папуля гордился ею, а вот мамуля переживала: если Фрици не сбавит обороты хоть на пять минут – никогда не найдет мужа. Когда не плавала, то играла в кегельбане, или всю ночь каталась на коньках на «Радужном катке», или гоняла бегом по дорогам – проверить, какую скорость могут набирать автомобили, или неслась в кино, а когда ничем подобным не занималась – курила сигареты. Мамуля нашла полпачки «Честерфилда», припрятанные в верхнем ящике шкафа. И, как обычно, когда папуля узнал о дочкиных проделках, он лишь пожал плечами:

– Она девушка современная, мамуля. Они все курят.

Мамуля надеялась, что осенью, когда Фрици пойдет работать на консервную фабрику, то осядет с кем-нибудь из местных мальчиков и уже не нужно будет так волноваться за дочь. Мамуля уже прочитала новену и помолилась об этом святому Фаддею.

Ну что еще?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Четверг, 9 июня 2005 года

Наутро Эрл принес Сьюки завтрак в постель, сел рядом и спросил:

– Милая, хочешь, я отменю прием и останусь с тобой на весь день? Я готов. Мне кажется, тебе не стоит быть одной.

– Нет, иди на работу. Мне надо все обдумать и решить, как быть дальше.

– Хорошо, дело твое... но позвонишь мне и скажешь, как себя чувствуешь.

Эрл уехал, и Сьюки задремала на часок, но потом, проснувшись, все еще чувствовала себя совершенно разбитой и встать не смогла. Позвонила Нетте, сказала простуженной и попросила ее покормить птиц. Все утро она пролежала в постели и проревела. Надо бы с кем-нибудь все это обсудить – с кем-нибудь, кто наверняка не проболтается Ленор, – и потому она перекатилась на кровати и позвонила старой соседке по колледжу Дене Нордстром в Миссури. Дена тут же сняла трубку.

– Дена, это Сьюки.

– Сьюки! Привет...

– Слава богу, ты дома. Ох, Дена, стряслось ужасное.

– Ой, что-то с Эрлом?

– Нет.

– С детьми?

– Нет.

– С матерью?

– Нет... со мной!

– Милая, что такое? Ты болеешь?

– Нет, – всхлипнула Сьюки. – Я – полячка!

– Что?

– Это долгая история... но... ой, Дена... позвонил этот человек из Техаса и сказал, что я – не та, кем себя считала, когда думала, что знаю, кто я такая. Но вчера я получила письмо и обнаружила, что меня удочерили, а Ленор – не моя родная мать, и папа тоже не папа. Но мало того... Я на год старше, чем думала. И я даже не Лев. Всю свою жизнь я читала не тот гороскоп.

- Погоди минутку... ты уверена?
- Да, уверена. Октябрь – это Весы.
- Нет-нет... я про удочерение.

– Да, тут все написано. Прямо передо мной. Тут говорится, что 31 июля 1945 года мистер и миссис Олтон Крэкенберри удочерили девочку по имени Джинджер... Юрдбберлнске или как-то еще по-польски. В общем... это я. Или та, кем мне полагалось быть. Так или иначе, моя настоящая мать родилась в Висконсине, а сама я, вероятно, еще и католичка в придачу. Сама знаешь, какие они шустрые по части крещения.

– Ух ты... ой... а что Ленор говорит?

– Я ей пока не сказала.

– О... ну а детям ты что-нибудь сообщила?

– Нет, ты первая, не считая Эрла, – я же понимала, что ты-то, жена психиатра, меня поймешь. Я просто так растерялась, меня будто предали. Ленор знала, что я не ее дочь, а сама все время вынуждала меня... обманом. И вечно мне из-за нее было худо, потому что я не как она. А я – не как она, потому что я – не как она! И вот, с ее же подачи, я с шестнадцати лет в «Дочерях Конфедерации»^[13], а сама даже родилась не на Юге. Я вообще янки. И, Дена... хуже всего вот что, – Сьюки опять всхлипнула, – я даже не «Каппа».

– В каком смысле? Конечно же, ты «Каппа».

– А вот и нет. Я самозванка. Мне нельзя на встречу «Капп». Придется отказаться от членства. Я его получила как наследница Ленор. Придется вернуть и значок, и все остальное.

– Ой, ну что за глупости, Сьюки, ты «Каппа», потому что ты всем нравилась. Мы же были вместе с самой недели пик^[14], помнишь?

Но Сьюки не слушала и продолжала болботать:

– О господи. Я даже в Загородный клуб Селмы вступила подложно. Я сказала Ленор, что не желаю никаких светских выходов, а она все равно продавала и позволила мне выставить себя идиоткой. Что люди подумают, когда обнаружится, что я не Крэкенберри и не Симмонз, а незаконнорожденная польская сирота-янки?

– Подожди. С чего ты взяла, что ты – незаконнорожденная?

– С того... тут написано, в моем свидетельстве о рождении: отец неизвестен.

– Ой... ну, Сьюки, людям теперь уже, в общем, плевать на такое.

– Но мне-то нет. И я себя чувствую самозванкой, выскочкой какой-то. Да помереть со стыда просто. Смотрю на себя в зеркало и вся свекольная от

позора.

– Да почему же, Сьюки? Ты ничего плохого не сделала. Чего тебе стыдиться?

– Потому что ты же меня знаешь – я всегда гордилась своей честностью и открытостью, а тут вдруг обнаружила, что я подделка, а вся моя жизнь – одно сплошное вранье. Я теперь в глаза людям смотреть не смогу. Мне совершенно точно нужны серьезные лекарства. У меня, может, сейчас нервный срыв. Джерри дома? Может, попрошу его прислать мне каких-нибудь таблеток. Сколько они стоят?

– Сьюки, милая, да нет у тебя никакого нервного срыва. Потрясение просто. Вот и все. Я сама потрясена. Твое расстройство вполне объяснимо. Ну то есть, господи... кто б на твоём месте не расстроился? А что Эрл думает?

– Ой, он такой милый... Но я тебе так скажу: вот у кого будет истерика – так это у Ди Ди, когда она все узнает. Она же вечно бегает на кладбище, помогает ухаживать за могилой прадедушки Симмонза... и тут вдруг выясняется, что он ей совершенно чужой. О боже мой. Дена, откуда ж у меня взялся носу Ленор? Да и не папин у меня нос. Какого-то совершенно чужого человека. С чего я вообще решила, что похожа на папу? Пересмотрела вчера вечером семейные альбомы – совсем ничего общего ни с кем из них. Нет у меня и симмонзовских ступней. У меня ступни Ябервиснских!

– И что собираешься делать?

– Не знаю. Сплошной раздрай. Все с ног на голову. Я и думать-то не могу толком, что делать дальше. Сейчас, с таким сроком давности, что изменишь? Об этом надо сообщать в шесть лет, а не в шестьдесят. Все мои польские родственники уже небось померли. И кому придет в голову назвать ребенка Джинджер? У нас так ретривера звали. Короче, сплошное расстройство.

– Понятное дело. Но все-таки расстроилась ты или нет, ты же всегда говорила мне, что никогда не хотела походить на мать, – вот и не походишь. Разве не славно?

– Эрл тоже так сказал. И видимо, так и есть, но сейчас такое ощущение, что меня сбило поездом. Почему я не на год моложе? А вот и нет! Вчера мне было пятьдесят девять, а сегодня уже шестьдесят, к шестидесяти одному дело идет! Немудрено, что я выгляжу такой старой и усталой. Потому что я старая и усталая! Я самая старая сирота на свете. Господи, стыдобища какая. Хоть иди да с пирса прыгай.

– Сьюки, хочешь, я приеду и побуду с тобой? Я готова. Только скажи.

– Ой, это ужасно мило, но нет, никто тут ничего уже не поделает. Надо разбираться самой.

– Что ж, ладно, но ты же тем временем не натворишь никаких глупостей, правда?

– Не натворю, мне еще Картера женить и обустроить, а уж потом глупости.

– Сьюки, тут одной трудноато справляться. Может, тебе к профессионалам обратиться, чтобы помогли разобраться?

– Тебе-то везет. Ты замужем за психиатром. А я – за стоматологом.

– Хочешь, попрошу Джерри кого-нибудь для тебя найти?

– Нет. О таких вещах я с посторонними разговаривать не буду.

– Но, Сьюки... в этом-то и дело.

– Ладно, я подумаю, но сейчас, вот правда, никому кроме тебя об этом рассказывать не хочу.

– Хорошо, но, прошу тебя, звони и говори, как у тебя дела, идет?

– Идет.

Повесив трубку, Дена подумала было взять билет на самолет да и приехать в Алабаму, но Сьюки сказала, что хочет разобраться сама, – и, может, она права. Дена знала Ленор и всякий раз от нее просто балдела, но и Сьюки ей было в некотором смысле жалко: шутка ли – вдруг обнаружить, что удочерена. Сьюки всегда оценивала себя глазами Ленор. Сколько бы Дена ни пыталась говорить Сьюки, какая она отличная девчонка, та никогда этого толком не понимала. Хоть и была одной из самых веселых и любимых во всем студгородке, Сьюки так в себя и не поверила. Все ее обожали – кроме, похоже, ее самой.

Поговорив с Деной, Сьюки вспомнила, что надо бы покормить Ку-ку, и потому выбралась из постели и спустилась вниз. Пока открывала банку с тунцом, размышляла над словами Дены. Может, она и права, но в Пойнт-Клиэр всего один психиатр – доктор Шапиро, и он, очевидно, прежде никогда не имел практики в маленьком городе. Приемная его располагалась рядом с парикмахерской «Разз-чешем», и хоть зайди к Шапиро, хоть выйди от него – все об этом узнают. Сьюки уж точно к нему не ходок – в противном случае уже через пять минут об этом проведает весь город.

Даже Мобил недостаточно далеко – Ленор там знала слишком многих. За свою жизнь Крылатая Ника побывала председателем каждого комитета, известного человечеству, и была клубной дамой до мозга костей. Если в городе не было симпатичного ей клуба, она его учреждала и всегда оказывалась его избранным президентом. Но, как говаривала Нетта, «Ленор

отлично умеет вести что угодно, так чего бы ей не вести?». Нетта, конечно, права. Ленор, похоже, родилась с председательской колотушкой в руке.

Остаток дня Сьюки все время поглядывала в зеркало. Она знала, что снаружи выглядит как обычно. И словом, и делом – тот же самый человек. Но она не знала, кто или что она изнутри.

Наконец позвонила Эрлу, и тот немедленно снял трубку.

– Эрл, у меня звенит в ушах. У меня случайно не инсульт? Такое ощущение, что он у меня может быть.

– Нет, милая, это просто стресс.

– Да, но сердце прямо выскакивает. Может, это приступ. Звонить в «скорую»?

– Нет, все в порядке. Дыши глубже, милая. Послушай, мой последний пациент отменил посещение, и я постараюсь приехать поскорее.

Когда он вошел в дом, она, конечно же, обрадовалась. Чуть погодя ей даже удалось что-то собрать к ужину, но она все еще была рассеянна. Эрл не отходил от нее ни на минуту.

Позже, когда они улеглись, она попыталась уснуть, но все ворочалась с боку на бок. Даже Ку-ку надоело это терпеть, и она ушла на Эрлову половину кровати.

Но Сьюки ничего не могла с собой поделать. Все думала об этом человеке, которым была раньше, – о женщине в зеркале.

В конце концов Эрл повернулся к ней:

– Милая, уже двадцать минут пятого. Закрывай глаза и попробуй поспать.

– Хорошо-хорошо, но, Эрл, ты уверен, что это не сердечный приступ? Я прямо слышу, как оно бьется. Вот, попробуй. Может, мне поехать в больницу?

Эрл прощупал пульс и погладил жену по руке:

– Нет, детка, простое беспокойство. Попробуй уснуть, и все наладится. Честно.

Эрл оказался прав. Через несколько минут сердце и впрямь успокоилось. Слава богу, она вышла замуж за Эрла. Он был ее надежда и опора – и в горе, и в радости. Но и это Ленор сумела усложнить.

Выпускных оценок Сьюки не хватило для поступления в лучший колледж, как того хотела Ленор, но ее так просто не остановишь: в последний момент она пустила в ход кое-какие связи со своей старой подругой по сестринству «Каппа», и две недели спустя Сьюки отправили в Южный методистский университет Далласа – с новым гардеробом и наставительной запиской в кармане:

*Сьюки, дорогая,
Не можешь быть умной – будь задорной.
Мужчинам нравятся счастливые девушки. И, да, –
свиданья, свиданья, свиданья! Популярные девушки
тоже нравятся мужчинам.
С любовью,*

мама

Не успела Сьюки прибыть в ЮМХ для нее тут же началась неделя пик, и благодаря протекции Ленор она немедленно стала членом «Каппы». А погода, в соответствии с материнскими наставлениями, вступила и во все остальное, что подвернулось под руку И, бог свидетель, на свиданья бегала утром, днем и вечером. Ко второму курсу она уже чуть не угробила здоровье в снискании популярности, а то, что ее соседку по комнате Дену Нордстром выбрали самой красивой девушкой в студгородке, лишь усугубляло положение. Ленор же только приговаривала:

– Ох, Сьюки, ну почему ты не можешь походить на Дену? Эта девушка выбьется в люди.

И, в точности как Ленор предсказывала, Дена ушла из колледжа до окончания и стала одной из первых новостных телеведущих, а Сьюки тем временем вымучивала проходные баллы.

На последнем курсе ЮМУ она приехала домой на Рождество больная в хлам и с нервами в ключья. Через две недели, когда она сообщила родителям, что собирается замуж за Эрла Пула-мл. из Селмы, Ленор устроила феноменальную истерику.

Пулы – милейшая семья. Отец Эрла был врачом. Но, к несчастью, все мужчины Пулы были слегка лопоухи.

– Если тебе плевать на меня, подумай хотя бы о своем будущем, – рыдала Ленор, размахивая носовым платком. – Такие уши у мальчишки, может, и не беда, но, господи царю небесный, Сьюки, подумай, каково будет с такими ушами девочке! Их же не спрячешь. Я всю жизнь ждала, чтобы нарядить внучек и усадить их позировать художнику, и что-то, а пуловские уши на этой картине я видеть не желаю! – Всхлипывая, Ленор бросилась на диван. – Не понимаю я тебя. У тебя такая родословная, ты могла бы заполучить кого пожелаешь. Я душу продала, чтоб ты оказалась в «Каппе» и общалась исключительно с лучшими мальчиками из благороднейших семейств, и это мне твоя благодарность? Замуж за Эрла Пула-младшего? За ушастого студента-стоматолога? С которым ты в школу

ходила? О, зачем мы с отцом потратили столько денег на твой колледж, чтобы вывести тебя в свет? Сколько связей задействовано впустую – думать невыносимо. Хоть снимай саблю прадеда Симмонза со стены да бросайся на нее.

Вот тут-то Сьюки обычно и сдавалась, но теперь, – быть может, из-за болезни и высокой температуры – впервые в жизни не отступила.

– Знаю, мама, ты не желаешь этого слышать, но я не могла выйти замуж за кого хочу. Думаешь, я не пыталась найти кого-нибудь такого, кто придется тебе по нраву? Да я встречалась с каждым, кто меня звал на свиданье. По шесть штук на дню. Ты представляешь, каково это – быть задорной шесть раз в день? Я не такая красавица, как ты, мама. И мальчики не сходят от меня с ума, как сходили от тебя. Я так больше не могу. Эрл любит меня такой, какая я есть, и, да, мы оба не подарок. Он ушастый, а я ни умная, ни красивая, и, если тебе это невыносимо, я схожу за саблей, и делай с ней что хочешь. А я пойду замуж за Эрла Пула-младшего.

Ленор так ошеломил внезапный отпор дочери, что она оторопело воззрилась на Сьюки. А затем села и сказала:

– Что ж, вижу, ты с каждым днем все более походишь на своего отца. – Здесь она обиженно шмыгнула носом. – Это упрямство – точно не с моей стороны семьи. И раз ты отказываешься внимать голосу разума, я ничего поделывать не могу, но вот родишь Хауди-Дуди^[15] – не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Сьюки вышла замуж за Эрла, но на том дело не кончилось. Когда родилась ее первая дочка, Ди Ди, а Сьюки везли в палату, она услышала, как Ленор, стоя у окна родильного отделения, надрываясь, вопит на весь коридор:

– О боже мой, Олтон, у нее уши Пулов! Я знала! Я так и знала!

К несчастью, Пулы, сидевшие в приемном покое за углом, тоже это слышали. После этого семейные сборища никогда не бывали приятными.

Когда Сьюки сообщила матери, что вновь беременна, Ленор откликнулась менее чем восторженно.

– О нет, – вздохнула она. – Что ж, остается надеяться и молиться, что это мальчик.

Через восемь месяцев Сьюки везли по коридору, вымотанную и квелую после рождения не одной, а сразу двух девочек, Ленор шагала рядом с каталкой и нашептывала:

– Мама не хочет, чтобы ты переживала. Я все устроила, моя приятельница Пёрл Джефф знает лучшего пластического хирурга в Новом Орлеане. Говорит, это очень простая процедура, а сравнивать будет не с

чем.

Господи... если б Эрл не вмешался, Сьюки, быть может, позволила Ленор сдать детей пластическому хирургу!

А Эрл любил Сьюки все их школьные годы, и они даже недолго встречались в старших классах, но он знал, что планы у Ленор на будущее дочери куда масштабнее его персоны. И потому, когда Сьюки уехала в ЮМХ он, в общем, махнул рукой.

Но в то Рождество 1966 года, услышав, что она приехала на каникулы и болеет дома, он собрал всю отвагу в кулак и пришел повидаться. Ленор отперла ему и неохотно впустила:

– Только ненадолго, Эрл, ей надо отдыхать.

– Хорошо, мэм.

Сьюки, обложенная подушками, дремала весь день, но вдруг услышала стук в дверь. Через секунду она увидела Эрла Пула-мл. в синем костюме, с букетом цветов и коробкой конфет.

– Привет, Сьюки. Я узнал, что ты дома, и вот зашел поздороваться.

В тот же миг Сьюки вдруг расплакалась. Он был такой нелепый в этом своем галстуке-бабочке и с дурацкой прической. Он всегда ей нравился, но влюбилась она в него именно тогда.

Пойнт-Клиэр, Алабама

Пятница, 10 июня 2005 года

Наутро зазвонил телефон. Сьюки тем временем кормила Ку-ку и от этого звонка чуть из кожи не выпрыгнула. Проверила, не Ленор ли. Если мать, она не будет снимать трубку, однако высветился номер Си Си – та звонила из свадебного путешествия, которое они проводили в Кэллэуэй-Гарденз, Пайн-Маунтин, Джорджия.

– Привет, милая, – поздоровалась Сьюки со всем доступным ей жизнелюбием.

– Привет, мам, ты как?

– Все в порядке, милая.

– Я звоню сказать, что добрались мы отлично и нам тут все нравится. Как папа?

– Прекрасно.

– Ку-ку тебе не докучает?

– Вовсе нет. Она тут, рядом, милая, завтракает, и нам отлично.

– Ну здорово. Ладно, люблю тебя. Папе привет.

– Хорошо, дорогая. И мы тебя любим. Развлекайтесь, увидимся, когда вернетесь.

Повесив трубку, она осознала, что рано или поздно придется рассказать детям, что их бабушка – не очень-то им бабушка. Но, ясное дело, такие вещи человеку в медовый месяц не сообщают.

Во второй половине дня, прихватив бинокль, она забралась на второй этаж и дождалась, когда Ленор докатит чайную тележку до конца пирса – у них с подругами из клуба «Закат» имелась традиция чаевничать в пять часов пополудни. Тогда Сьюки позвонила Энджел и сообщила, что ее свалил ужасный грипп и врач сказал, что он страшно заразный, а для пожилых людей и вовсе смертельно опасен, и порекомендовал не менее двух недель и близко к матери не подходить. Врать Энджел ужасно не хотелось, однако Сьюки было совершенно плевать, встретятся ли, потолкуют ли они с Ленор в этой жизни еще хоть раз или нет.

Вид Ленор расстраивал ее даже издали. Сьюки желала лишь одного – спуститься, достать бутылку водки и всю ее выпить. Она поразмышляла над этим замыслом: искушение было велико, но велик и страх совершенно слететь с катушек и публично опозорить мужа и детей. Увы, в сложных

обстоятельствах Сьюки всегда шла вразнос и делала глупости. При первом выходе в свет она так нервничала и столько выпила, что на торжественном ужине принялась метать ложкой мороженое через стол и угодила одной доброй подруге матери в затылок. В тот же вечер наступила на оливку, проехала по всему танцполу и оказалась под чьим-то столом.

Да и не только с алкоголем такое бывало. В колледже она так огорчилась, когда кто-то из мальчишек не позвал ее на большую вечеринку братства, что съела два десятка пончиков «Хрумкий Крем», которые стянула из кладовки сестринства. Ее соседка вернулась со свиданья и обнаружила Сьюки на кровати в отключке – с недоеденным пончиком в волосах.

Сверх того ей вечно везло на всякие неприятности. В день своей свадьбы, шагая в церкви по проходу, она умудрилась запутаться в фате и упасть; а из всех ее знакомых только ей удалось сломать ногу, упав с неподвижной карусели. С чего Ленор решила, что Сьюки может стать балериной, оставалось для нее загадкой.

Сьюки сидела на кровати, гладила Ку-ку – и тут ее озарило. Все эти годы она ела себя поедом, а может, она тут вовсе и не виновата! Кто знает, вдруг поляки – плохие танцоры.

Эрл поразился новостям почти как и Сьюки, но на следующий день, по дороге на работу, вдруг вспомнил разговор, случившийся у него с тестем. И теперь, задним числом, он думал, не пытался ли мистер Крэкенберри околично сообщить ему, что Сьюки – удочеренная.

В тот вечер Эрл и его будущий тесть удрали с грандиозной помолвочной вечеринки, устроенной в честь Эрла и Сьюки в загородном клубе, и вышли на заднее крыльцо с видом на поле для гольфа – покурить.

Они слушали сверчков, и тут мистер Крэкенберри, высокий осанистый человек, пожалел юношу. Он видел, что Эрл до смерти боится Ленор, но, надо отдать ему должное, будущий зять выдержал даже устроенную Ленор истерику и ее пристальные взгляды на его уши.

После долгого молчания мистер Крэкенберри откашлялся и сказал:

– Эрл.

– Да, сэр?

– Вы со Сьюки собираетесь сделать большой и важный шаг. Однако прежде, чем это случится, мне надо сказать тебе о ней кое-что. Ты должен это знать.

– О Сьюки?

– Да... и это может изменить твои к ней чувства.

Эрл глубоко вздохнул и взглянул на него:

– При всем уважении, сэр, я знаю, что не нравлюсь матери Сьюки, но что бы вы ни сказали о вашей дочери, я не перемену своего решения. Я люблю ее и намерен на ней жениться.

– Рад слышать, сынок... но... как бы это сказать? Помнишь старое присловье: «Хочешь знать, какой будет твоя жена через двадцать лет, глянь на ее мать»?

– Да, сэр. Слыхал такое... и все равно люблю ее. Ой – без обид, сэр.

– Никаких обид. И, я так понимаю, ты осведомлен, что у моей жены брат и сестра в «Милом холме»? И вообще семейную историю знаешь?

– Да, сэр. Сьюки рассказывала.

– А... но потому, естественно, ты, наверное, – закономерно – беспокоишься за Сьюки и за ваших общих детей. Но на твоём месте... я бы не тревожился.

– Я и не тревожусь. А что?

– Ты мне доверяешь, сынок?

– Да, сэр.

– Можешь мне дать слово джентльмена, что этот разговор никогда и никому не перескажешь – особенно матери Сьюки?

– Да, сэр.

– Что ж... не спрашивай, откуда я это знаю, но даю тебе слово. Сьюки – совсем не как ее мать, да и не как Симмонзы вообще. Понимаешь?

– Да, сэр. Кажется. О... ух ты... что ж, пронесло.

– Да, я так и думал.

– Не обижайтесь, сэр.

Он рассмеялся:

– И опять никаких обид. Я отдаю себе отчет – Ленор иногда может казаться странноватой, но говорю тебе, сынок... по мне, так она все та же прекраснейшая девушка на свете. У меня в жизни, с тех пор как я ее встретил, не было ни единой скучной минуты.

В тот самый миг встревоженная Ленор, увитая шарфами, выскочила на крыльцо и позвала его:

– Олтон... ты где? Ах вот он. Ты мне нужен. У нас трагедия. Я только что уронила свое парадное кольцо в пунш. Надеюсь, никто его не проглотил. Это же прабабушкино! Скорей!

Мистер Крэкэнберри глянул на Эрла и промолвил:

– Ну ты понимаешь? – И, закатывая рукава, пошел за Ленор в дом.

Как ни странно, однако после того разговора Эрл больше не переживал

за Сьюки и даже не интересовался всерьез, откуда мистер Крэкенберри все это взял. Но теперь-то понял, что тесть пытался ему сказать.

В тот вечер Эрл приехал домой и рассказал Сьюки о разговоре, который произошел у них с ее отцом на помолвочной вечеринке.

Сьюки оторопела.

– Почему ты раньше не говорил?

– Ну, милая... по правде сказать... я просто забыл.

– *Забыл?* Эрл, ты вообще отдаешь себе отчет, сколько бессонных ночей я провела, раздумывая, что кончу свои дни в «Милом холме»?

– Нет.

– Правильно! Потому что я не хотела тебя волновать. И вот обнаруживаю, что ты и не волновался. Я даже написала тебе и детям прощальное письмо с указаниями, а ты мне говоришь: «Я забыл»?

– Ну, милая, я к тому же дал твоему отцу слово джентльмена, что никому не расскажу. И он не объяснил мне, *почему* ты – не как Ленор.

– Но почему папа никогда мне этого не говорил?

– Полагаю, считал, что тебе лучше не знать.

– Вот интересно, а Бак осведомлен, что я удочеренная? Интересно, он был в курсе все это время, но мне тоже не говорил...

– О, в этом я сомневаюсь, милая...

Сьюки все это потрясло еще больше. Чего *еще* она не знала? Чего еще ей никто никогда не говорил?

Все это было так странно – и бестолково. Бак явно происходил от Ленор, и все же Ленор всегда смотрела на него так, будто он с дерева слез. Брат носился по дому, а она восклицала:

– Что это за странное существо только что бегало у меня в гостиной с грязными ногами? Ясное дело, оно не может быть моим родственником!

Ленор всегда уделяла ей гораздо больше внимания, чем Баку. И Сьюки вечно было от этого неловко. Она даже спросила Бака, не злился ли он на нее, а Бак ответил:

– Шутишь? Да я счастлив, что у нее есть ты – что она помыкает тобой, а не мной.

Но зачем тогда Ленор так ее шпыняла? Потому что Сьюки девочка? Ленор неизменно говорила:

– Мужчины нужны постольку поскольку, а женщины – прирожденные вожди, и в обществе, и дома.

Или, может, Ленор пыталась сделать из нее то, чем *сама* не была? Неужели мать чуть не разрушила Сьюки жизнь только ради сохранения лица?

Сьюки понимала, что не должна сердиться на Эрла за его молчанку про разговор с отцом. Он тогда думал, что поступает правильно, и Сьюки видела, как он теперь сокрушается. Но все равно не понимала, что ей делать, – и надо ли делать что-либо вообще.

«Филлипс-66 Винка»

1937 год

Помимо собственно Винка Юрдабралински, шестифутового чаровника, заполнявшего бензобаки и мывшего стекла, была и еще одна причина, почему «Филлипс-66 Винка» не имела отбоя от клиенток. Чистые уборные! По этой части мамуля опережала национальные стандарты.

Поначалу всеми делами на автозаправочных станциях ведали мужчины, и потому туалеты содержались скверно. Умывальники и унитазы мыли редко, полы обычно бывали загажены. Одна дама, покидая автозаправку в Дир-Парк, штат Мичиган, воскликнула в ужасе:

– Там в грязи на полу можно сад вырастить!

Дамы редко считали эти «удобства» безопасными для здоровья и прибегали к ним лишь в крайнем случае.

Зато на «Филлипсе-66 Винка» мамуля всегда считала, что и мужские, и женские уборные должны содержаться в той же чистоте, что и у нее дома. Все четыре дочери по очереди следили за тем, чтобы на умывальнике всегда был свежий кусок белого мыла, чистое белое полотенце и чтобы каждого входящего ожидали сияющие раковины, унитазы и белый кафельный пол, только что отмытый с «Лизолом». На станции Винка ни один микроб не выжил бы. Весь день кто-нибудь из девочек Юрдабралински бегала от колонки к дому и назад с ведром, щеткой и полотенцем подмышкой. Естественно, они препирались между собой, чей черед мыть, но дело делалось – всегда. Винку, папуле и другим механикам пользоваться гостевыми уборными никогда не позволяли.

– Не желаю я, чтоб вы своими руками в тавоте все залапали, – говаривала мамуля.

Все больше женщин и девушек садилось за руль – топливные компании наконец это поняли и принялись соперничать друг с другом за привлечение женской клиентуры. Знаменитая медсестра и известный на всю страну лектор Матилда Пэссмор сказала: «Нет лучшего способа заманить их на заправки, чем предоставить чистую уборную». «Тексако» организовала Белый патруль и содержала для него целый парк «шевроле» – на этих машинах разъезжали специально обученные инспекторы по чистоте и высматривали в каждом углу грязь. Владельцы автозаправок «Тексако» надеялись успешно пройти проверку и выиграть звание «Белый крест

чистоты», что позволяло им добавить к вывеске надпись «Лицензированные уборные». Вскоре еще одна компания принялась отправлять с проверкой группу под названием «Патруль сверкания». «Филлипс Петролеум» тоже решила не дать себя обскакать и объявила свою кампанию за чистоту, наняв команду привлекательных молодых медсестер – «Хозяек трасс», облаченных в светло-голубые форменные платья, белые туфли и чулки, а также щегольские кепки полувоенного фасона. Руководители «Филлипс» рассчитывали, что «хозяйки трасс» поддержат лояльность клиентов компании своими «изысканными манерами, приятной наружностью и желанием помочь в беде». Девушки также объясняли водителям дорогу, советовали рестораны и гостиницы и находили время проконсультировать путешествующих матерей о гигиене новорожденных.

«Хозяйки» начали свое странствие по магистралям и проселкам в массивных бежевых седанах с темно-зелеными крыльями и логотипом «Филлипс-66» на двери. Им полагалось удостоверяться, что каждая уборная на заправке «Филлипс-66» соответствует стандартам «Аттестованной уборной». Увы хозяевам автозаправок: девушки заявлялись как снег на голову, и никто не знал, когда они могут прибыть, – еще один повод, «чтоб чисто было» все время.

Винк увидел его первым. Громадный бежевый седан с темно-зелеными крыльями так тихо закатывался на станцию, что мог сойти за акулу. Винк почуял, как волосы у него на загривке встают дыбом. Он сморгнул – убедиться, что ему не померещилось, но нет, все взаправду, и выглядел автомобиль в точности как на фотографии из журнала «Филлипс-66». Винк приблизился и спросил:

– Я могу вам помочь, мисс?

Женщина с длинным острым носом отозвалась:

– Да, молодой человек, я желаю говорить с владельцем станции. Сообщите, что уполномоченная медсестра Дороти Фрэйкс прибыла с инспекцией уборных.

– Хорошо, мэм, – ответил он и помчался на зады станции за папулей.

Выглянув в окно на втором этаже, Гертруд Мэй тоже увидела, что происходит.

– Ох ты ж, – сказала она и рванула вниз за сестрой-близняшкой Тулой Джун и за мамулей.

Когда мамуля высунулась из кухонного окна, женщина уже вышла из машины и папуля с ней беседовал. Мамуля никогда прежде не волновалась,

но, увидев, насколько та женщина официально держится – форменное платье, планшет подмышкой, – вдруг запаниковала.

– О милая благословенная Матерь Божья, – сказала она. – Чья очередь мыть была последняя?

– Фрици, – ответила младшая, Софи Мари, и Фрици готова была ее за это убить.

– Ох, ну нет! – Теперь мамуля испугалась не на шутку. Фрици мыла из рук вон плохо. Мамуля схватила ее за плечи: – Фрици, посмотри на меня. Про мыло не забыла?

– Не забыла, конечно.

– Раковину терла?

– Да, но там все равно было чисто.

Мамуля выглянула. Папуля все еще стоял и кивал как заводной. Что он говорил ей? И тут вдруг медсестра резко развернулась на каблуках и направилась в дамскую уборную, воздев планшет, будто изготавившись к бою.

В окнах дома пятеро не сводили глаз с двери, ожидая появления медсестры, но минуты тянулись, а та не выходила. Мамуля мяла фартук.

– Что ж она там так долго?

Тула Джун предположила:

– Может, ей в туалет надо было, ну или как-то.

Прошла еще минута, и они заметили, как медсестра нырнула из дамской уборной в мужскую. Мамуля проговорила:

– Софи Мари, ну-ка неси мои четки. Нервы в клочья.

Чуть погодя мамуля по-прежнему смотрела на заправку и перебирала четки – и тут медсестра вышла из мужского туалета и заговорила с папулей. Тот опять принялся усиленно кивать – и то и дело оборачивался и показывал на их дом.

– Ох ты ж... что он такое делает... господи боже мой, – сказала мамуля.

Медсестра направилась к дому, взошла по ступенькам и постучала в дверь. Софи спросила:

– Она у двери, мамуля, нам прятаться?

– Нет-нет, будьте здесь, девочки, – ответила та, стаскивая фартук и приглаживая волосы. Затем глубоко вдохнула и открыла медсестре.

– Вы миссис Юрдабралински?

– Да, я.

– Здравствуйте, я медсестра Дороти Фрэйкс, из «Филлипс Петролеум». Поздравляю: вы набрали 100 очков – у вас чистейшая уборная из всех, что

я имела удовольствие проверять. Да у вас с пола в туалетах есть можно, миссис Юрдабралински, и потому – в порядке исключения – я желаю лично вручить вам официальную эмблему «Аттестованных уборных».

Мамуля так переволновалась, что аж расплакалась, а Фрици зачирикала:

– Сто баллов. Я тебе говорила. Ха-ха-ха. И почему мне люди не верят.

С того дня уполномоченная медсестра Дороти Фрэйкс стала просто Дотти, и вся семья обожала ее визиты. Она уже больше не проверяла их уборные. Ей просто нравилось заходить в дом, укладывать ноги повыше, курить, отдыхать, болтать с мамулей, спрашивать, как дела у Винка и дочек, и ехать дальше по маршруту инспекции.

– Я тебе вот что скажу, Ленка, – призналась она как-то раз, – знамо дело, филлипсовская «хозяйка трасс» многим кажется престижной работой, но временами ужас как однообразно. Повидала одну уборную – знаешь их все. И если б не такие милые люди, как вы, я бы уже завтра сдала экипировку.

На следующий день

Суббота, 11 июня 2005 года

Сьюки решила закрыть все ставни, запереть все двери, сидеть у себя и спускаться, только чтобы покормить Ку-ку Нервы у нее были натянуты до такой степени, что при каждом телефонном звонке сердце начинало колотиться – особенно если высвечивался номер Ленор, – и потому она просто сняла с рычага трубку.

Примерно в половине первого она спустилась. У Ленор с полудня до часу встреча общества Дочерей Американской революции^[16], и теперь Сьюки ничто не угрожало. Но стоило ей собраться наверх, как в дверь зазвонили. Она услышала, как кто-то зовет ее по имени, и то была не Ленор. Марвэлин. О господи... только этого не хватало – гостей.

Сьюки открыла дверь:

– Привет, Марвэлин.

– А, вот и ты. Я уже собралась уходить. Еду на йогу и подумала, а вдруг ты дома. – Тут Марвэлин взглянула на нее пристально и спросила: – Сьюки, а ты колонотерапию делаешь?

– Что?

– Колонотерапию.

– Нет... и не знаю, что это.

– Это как мощная клизма.

Сьюки скривилась:

– О господи...

– Зря ты так! – отозвалась Марвэлин. – У меня уже было шесть, и я себя чувствую отменно. Эдна Иорба Зорбра говорит: чтобы продвинуться в эмоциональном исцелении, совершенно необходима чистота толстой кишки. В том числе и так мы учимся освобождаться от старой негативности, за которую цепляемся.

– Вон что.

– В общем, я хожу к этой чудесной девчонке в Мобиле. – Марвэлин открыла сумочку. – Сейчас дам ее визитку. Я всем говорю, что знаю ее. Когда будешь звонить, скажи обязательно, что от меня. Она всем моим друзьям делает скидку в десять процентов, а за серию из десяти процедур – пятьдесят. А тебе надо десять. Слушай, можем вместе как-нибудь съездить?.. А потом пообедаем. Позвони.

– Хорошо, Марвэлин. Непременно. – Взяв карточку, Сьюки проводила подругу, однако представить, что может быть менее сообразным, чем колонотерапия и последующий обед с Марвэлин, так и не сумела. Лучше уж на ночь по традиции две столовые ложки метамуцила без сахара и со вкусом апельсина.

Марвэлин всегда была в некотором роде духовным искателем – и искала она по сей день. Десять лет назад она уговорила Сьюки ходить в женскую группу изучения Библии, и Сьюки пережила недолгую стадию «заново рожденной». Ходила счастливая, а Ленор была в ужасе.

– О небо, Сьюки... верь себе в Бога, но совершенно незачем рассказывать об этом всем в городе! Семью позоришь. Того и гляди начнешь укрощать змей и говорить языками!

В конце концов Сьюки сказала Марвэлин и остальной группе, что больше не появится. В церковь она по-прежнему навещала и во что-то верила, хотя сама толком не понимала во что.

А уж теперь-то она вообще ничего не понимала. Жизнь человека, полагала она, где-то спланирована, есть кто-то главный, и он за всем следит. Но чем больше обо всем этом Сьюки думала, тем больше осознавала, насколько все в ее жизни случайно. А в ее особом случае – прямо-таки пугающе шатко!

Младенцем ее, будто какую-нибудь кошку или собаку из приюта, выставили напоказ, чтоб отдать в хорошие руки, а отвечавшие за нее люди всучили ее какой-то сумасшедшей. Они, что ли, не проверяют человека, прежде чем взять да и вручить ему младенца? Знай они о брате и сестре Ленор, точно подыскали бы кого-то другого. Сьюки всерьез вознамерилась позвонить тем людям в Техас и сказать, что надо быть повнимательней.

Но сильнее прочего ее удручало осознание, что всей ее жизнью, каждым движением Ленор управляла, приговаривая: «О, Сьюки, Симмонзы так не делают» да «Симмонзы эдак не делают». Она понятия не имела, как делают или не делают Юрдабралински.

Каждому человеку, понимала Сьюки, положена мать – даже бедным детенышам обезьяны выдают тикающие часы, обернутые полотенцем, взамен. Но теперь, оглядываясь на свою жизнь с Ленор, Сьюки раздумывала, не лучше бы ей было с часами.

Не будешь прежним

*Пуласки, Висконсин
Август 1938 года*

Странное дело: всего одно событие может изменить судьбу целой семьи. Для семьи Юрдабралински из Пуласки, Висконсин, это событие произошло 9 августа 1938 года.

В 1930-е процветали поклонение героям и влюбленность в актеров кино. Фотокарточки блистательных кинозвезд украшали стены спален большинства девчонок-подростков, но из-за высокого стройного летчика по имени Чарлз Линдберг, перелетевшего через Атлантику, началась новая истерия. Повсюду появились его изображения. Он был на экранах и рекламных щитах, и каждый мальчишка хотел вырасти и водить самолет, как Линди. Вся Америка влюбилась в юного красавца Линдберга, а через год все влюбились в его женскую копию – Амелию Эрхарт, такую отважную и ослепительную, с золотистыми взъерошенными волосами и в мужских брюках. Девочки восторгались ее фотографиями и добавляли их к своим коллекциям фото любимых кинозвезд.

Рассчитывая подзаработать на зачине Линдберга и Эрхарт и воспользоваться новой шумихой вокруг полетов, что охватила страну, «Филлипс Петролеум» выступила с рекламной кампанией, на которую все наверняка обратили бы внимание. Это было смело: они наняли «небесных писателей», чтобы те летали над фирменными бензоколонками и рисовали в воздухе над ними «Филлипс-66». Многие из тех «писателей» были старыми пилотами Первой мировой или «трюкачами» – так называли людей, болтавшихся по стране и выполнявших воздушные трюки, тем зарабатывая по выходным на жизнь. Но пилот, приданный автозаправочной станции «Филлипс-66 Винка» в Пуласки, Висконсин, собирал куда больше, чем просто какие-то заработки.

Дядя Билли Бевинза был летчиком Первой мировой войны. Вернувшись с фронта, он открыл свою летную школу и научил Билли летать, когда тому было пятнадцать лет. С тех пор Билли и летал. Неплохой способ зарабатывать на жизнь, а для Билли – еще и знакомиться с девушками. Он умел все: и трюки, и опыление посевов; он даже водил «Уэйко» Дэйвиса для «Воздушного цирка “Крошки Рут”»^[17]. То был прежде невиданный в стране рекламный авианалет. Билли гонял над

ярмарками штатов, ипподромами и людными пляжами на красно-белом самолете и рассыпал сотни крохотных парашютов из рисовой бумаги, каждый с батончиком «Крошка Рут», на толпы внизу.

Отличная была работа, и все же однажды, сильно перепив, Билли вызвался пролететь между зданиями в центре Питтсбурга и вызвал на улицах ажиотаж. Несколько человек чуть не выпали из окон своих контор – так старались поймать летящие мимо конфетки. Транспорт парализовало на два часа: люди выбирались из машин прямо посреди улицы – подбирали батончики «Крошка Рут». На следующий день Билли уволили. И потому теперь он и подрабатывал «трюкачом» и «небесным писателем».

Жители Пуласки ждали появления своего «писателя» не одну неделю. Готовясь к этому событию, папуля и его друзья фермеры даже пригнали тракторы и расчистили обширное поле на задах дома Юрдабралински, а Винк с приятелями убрали с поля все камни и обустроили самолету длинную и ровную взлетно-посадочную полосу. Когда прошел слух, что летчик прибудет в субботу утром, все горожане вышли во дворы или застыли в ожидании на пустыре позади автозаправки. И вот услышали далекий гул мотора. Первой самолет увидела Фрици и крикнула, чтоб все смотрели вверх. Вскоре в небе возникла громадная белая латинская «P». Толпа благоговейно глядела, как возникает слово «*Phillips*», в затем число «66». И, розочкой на торте, пилот направил самолет книзу, а затем снова вверх и изобразил стрелу, указывавшую прямо на бензоколонку. После чего описал в небе широкий круг, вернулся и посадил самолет – под бешеные аплодисменты толпы.

Однако летчик, открывший дверцу и выпрыгнувший из самолета, оказался совсем не похож на того, кого все ждали, – ничего общего с Чарлзом Линдбергом. Билли был невысоким коренастым молодым человеком с широкой улыбкой, и ему явно нравилась его работа.

– Здорово, ребята! – сказал он, топая к заправке с целой свитой зевак.

Фрици была покорена. Такой самоуверенности она в людях отродясь не видала, а еще ей понравилось, как он сказал «Здорово, ребята!» – так стильно. Вот прямо как с киноэкрана сошел.

Билли добрался до станции и там с час позировал фотографам и давал интервью радийщикам и газетчикам. А потом помахал всем рукой и со словами «Пока, ребята» зашел в дом и отобедал с семейством Юрдабралински.

За обедом они узнали, что утром он прилетел из Грэнд-Рэпидз. Винк зачарованно слушал истории Билли о его летных проделках и воздушных

трюках. После обеда они проводили его к самолету и махали ему, пока он взлетал, держа курс на восток. Семья пришла к выводу, что это был самый волнующий день их жизни.

У Билли день тоже удался. Он улетел с громадным бумажным пакетом отличных польских колбасок и домашних сладостей, собранных мамашей семейства, – и кое с чем еще. Он узнал имена всех четырех дочерей.

Вскоре после первого визита Билли кто-то однажды услышал шум самолета, вившего круги над городом. Все выбрались наружу, глянули вверх и увидели там своего «небесного писателя», однако на сей раз в небе возникли громадные белые буквы:

ЭЙ, ФРИЦИ, ПОЙДЕШЬ НА СВИДАНИЕ?

У Билли случилось озарение. Фрици – не самая красивая из сестер. Софи, младшенькая, – та красавица, да и две другие тоже страсть какие хорошенькие, но во Фрици кое-что пришлось ему очень по душе. Был в ней кураж, а он искал куражистую девчонку.

Мамуля тоже вышла во двор, глянула в небо, увидела послание – и покачала головой. Она подозревала, что нечто подобное случится рано или поздно. Боялась, что из всех ее детей именно Фрици удерет из дому в поисках новых приключений. И, судя по тому, как Фрици, растолкав всех, уселась рядом с Билли Бевинзом за обедом и впитывала каждое его слово, так и случилось.

Через два дня, когда семья ужинала, Билли Бевинз позвонил на автозаправку, и Винк помчался в дом – позвать Фрици.

Несколько минут спустя Фрици вернулась в кухню зардевшаяся и взволнованная и объявила всем за столом:

– Билли заберет меня в субботу, и мы полетим в Милуоки – ужинать и танцевать!

Мамуля повернулась к супругу: пусть он скажет свое «нет», но тот лишь кивнул и продолжил есть. Винк и остальные девочки взбудоражились не меньше Фрици и заскакали вокруг. Винк спросил:

– А мне можно?

Тут-то мамуля и поняла, что она в меньшинстве. Да и кроме того, что она могла поделаться? Станислав прав. Фрици – новая порода американской девушки, живет своим умом, и, что бы мамуля ни сказала, ее это не остановит. Оставалось только сходить в церковь Святой Марии, поставить

свечку Матери Божией да помолиться, чтобы Фрици не выпала из самолета.

На следующий день Фрици все разболтала друзьям, и одна девчонка сказала:

– Ой, Фрици, я бы побоялась лететь с незнакомым человеком.

А другая добавила:

– Ага, ты не боишься, что он может вот так поднять тебя в воздух, а там руки распушит?

Но Фрици не боялась. Она уже накаталась на возах с сеном с шести-с-лишним-футовыми висконсинскими сельскими парнями, и уж коли с ними управлялась, то и с этим разберется. Билли и ростом-то не намного выше ее.

И вот в следующую субботу Фрици, облаченная в синий костюм, белую блузку, белые туфли и белую шляпку, забралась на заднее сиденье аэроплана и помахала рукой семье, а мамуля все крестила и крестила самолет. «Ох, Матерь Божья, пронеси». Но мамуля при этом знала: Фрици жила так, что опасность потерять ее существовала всегда. А еще говорили: «Побывал в Милуоки – не будешь прежним».

Письма

Пойнт-Клиэр, Алабама

За неделю Сьюки съела все припасы на черный день. Она не выходила из дома. Но глаза б ее больше не глядели на мороженые креветки. Надо хоть что-то купить. Сьюки дождалась полудня, когда Ленор точно была на обеде с дамами из «Общества красных шляп»^[18]. Добыв продукты, подумала сделать еще кое-что, пока в городе, и, свернув за угол, остановила машину за банком.

В банке она открыла ячейку, вынула два письма, написанные ею почти три года назад, и перечитала их.

Дорогие родственники,

На случай, если что-нибудь случится с моим умственным здоровьем, прощаюсь с вами сейчас, пока я все еще в своем уме. Пожалуйста, знайте: вы – лучшее, что произошло со мной в жизни, моя вечная радость и гордость. Ума не приложу, что я такого сделала, чтобы заслужить таких чудесных мужа и детей. Приглядывайте друг за дружкой и старайтесь вспоминать меня такой, какой была в добром здравии.

Люблю вас всегда,

мама

Затем она распечатала письмо, адресованное Эрлу.

Моему дорогому Эрлу.

Обещай мне: если что-нибудь случится, пожалуйста, не стесняйся развестись со мной и жениться заново. Я хочу, чтобы ты был счастлив и чтобы о тебе кто-то заботился. Любимый, спасибо тебе за волшебные годы, которые мы провели вместе. Когда меня не станет, по мере сил пригляди за мамой, и пусть Ди Ди тебе помогает. Она предана Ленор и будет рада возиться с бумагами.

Всегда любящая тебя жена

Сьюки

Р. S. В «Милом холме» недавно подняли цены, и я подыскала место подешевле. Сначала попробуй заведение Брайса в Тускалузе. Думаю, они принимают страховки «Синего креста».

P.P.S. Марвэлин говорила мне по секрету, что, как ей кажется, ты очень красивый. Просто на всякий случай...

Прочтя это письмо, Сьюки страшно обрадовалась, что Эрл его не видел. Марвэлин? О чем она вообще думала? Марвэлин для Эрла слишком нью-эйджевая. Марвэлин носила танги, что само по себе ничего такого, но для Эрла все же перебор. Сьюки знала: идеальная жена Эрлу – она сама. Он всегда это говорил, а теперь Сьюки отчетливо поняла, что оно так и есть. Она знала, какие именно ему нравятся кукурузные хлебцы – тоненькие и хрустящие. Ни с кем он не будет счастлив, только с ней. Она порвала и выбросила оба письма.

Сьюки осознала, что прямо с сего дня и далее ей придется мыслить по-новому. Она годами жила в страхе симмонзовских генов, но теперь этого страха не стало. Конечно же, она ничего не знала о генах Юрдабралински, но почти не сомневалась, что безумнее Симмонзов быть затруднительно.

По дороге из банка домой она вдруг вспомнила, что сегодня понедельник, и, проезжая мимо кладбища, пригнулась. Машина матери стояла у ограды, но, слава небесам, Ленор ее не заметила. Подумать только, мать принудила ее и ко всей этой кладбищенской возне. Как же бесит, что всю мороку с перемещением прадедушки на этот погост пришлось одолеть ради человека, с которым она никак не связана. Он ей совершенно чужой!

Какая же она дура. Ленор заставляла ее все это делать, отчетливо зная, что Сьюки – не Симмонз. Ну ей-богу!

И все бы еще ничего, но эта женщина ни разу даже спасибо не сказала, ни разу не оценила по достоинству. Ленор будто бы даже не замечала, какие трудности создает дочери.

В прошлом году, после разбирательств с мэром, Сьюки, везя мать из суда, спросила:

– Мама, ты вообще понимаешь, как тяжело быть твоей дочерью?

Ленор глянула на нее в полном изумлении:

– Вот те на. Тяжко? В каком смысле тяжело? По-моему, я была

отличной матерью. Я бы мечтала быть собственной дочерью. Разве не сделала я все, что в человеческих силах, чтоб у тебя в жизни были все преимущества?

– Да, мама, сделала. Но зато у тебя вечно драма, и ты никогда не молчишь.

– Ну извини, если я не какая-нибудь тупая и скучная Бонни-фрикадельки-в-бульоне. Да, говорю я много, зато я в совершенстве владею искусством общения.

– Да дело не в разговорах, мама. У тебя на все есть мнение.

– Очень надеюсь.

– И каждое очень твердое.

– А что, по-твоему, мнение должно быть жидким? Ты в ресторане заказываешь разбавленный кофе?

– Вообще-то, да.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Сьюки. Зачем вообще иметь мнение, если оно не твердое? Да-да, в Доброй Книге сказано, что кроткие унаследуют землю, но я ни минуты в это не верю.

– Но, мама, наверняка есть что-то в промежутке между овечкой и тираном. Просто... ну, что-то нормальное. – И Сьюки, не успев произнести это слово, тут же поняла, что оно опрометчивое.

Глаза у Ленор распахнулись.

– Ты хочешь сказать, что я ненормальная? Допустим, у дяди Бейби и тети Лили есть свои небольшие странности, но я-то нормальнее некуда. Ты, Сьюки, ранишь меня в самое сердце.

Если Ленор полагала, будто стрелять в разносчика газет – «небольшая странность», куда уж ей считать себя с приветом. Ленор никогда не была нормальной. И уж точно не была нормальной матерью или бабушкой.

Как-то раз в Рождество, когда дети еще были маленькими, они с Эрлом оставили отпрысков у Ленор, а сами выскочили за последними покупками, и Ленор умудрилась напоить малышню несколькими чашками эггнога Симмонзов: семьдесят пять процентов рома и двадцать пять – желтка с сахаром и молоком. Вернувшись за детьми, Сьюки и Эрл увидели, как те бродят по бабушкиной гостиной в пьяном отупении.

– Не понимаю, чего ты так огорчаешься, Сьюки, – сказала тогда Ленор. – Подумаешь, никому еще не вредило выпить чуточку эггнога, и уж если не праздновать рождение Господа нашего в Рождество, то я и не знаю, куда вообще катится мир.

В то рождественское утро их дети единственные в городе распечатывали подарки с похмелья. И конечно, что бы Ленор ни вытворала,

дети ее обожали. Особенно Ди Ди. Когда б ее ни наказывали за какую-нибудь выходку, она всегда вопила:

– Уйду жить к бабушке. Она меня понимает!

Ленор со своими детьми вела себя очень жестко, однако все, что делали и говорили внуки, по ее мнению, было «просто прелестным!», «просто бесценным!» или «самым очаровательным на всем белом свете!» – к вящему изумлению Сьюки. Ленор закармливала их конфетами, хотя Эрл как зубной врач просил от этого воздерживаться. Понятное дело, дети ее обожали. Еще бы!

Но их, конечно, не растила женщина, считавшая, что между ней и получением «Оскара» были только Сьюки с Баком. Она говаривала:

– О, Сьюки, я как увидела Барбару Стэнвик в «Стелле Даллас»^[19] – выплакала все глаза. Я б сыграла эту роль безукоризненно. Но что уж тут, – вздыхала она. – У Барбары Стэнвик сложилась карьера, какую могла бы иметь я, но теперь уж поезд ушел.

Куда деваться.

Милуоки, Висконсин

1938 год

Фрици не подала виду, но вообще-то, стоило Билли вырулить к краю поля, как она испугалась до ужаса. Ни разу в жизни Фрици не поднималась в воздух, и когда заревел мотор и Билли изготавился взлетать, она зажмурилась и вцепилась в свою шляпу как в спасательный круг. Самолет побежал по полю, и сердце у нее заколотилось так, что она едва дышала, – но была готова на все, лишь бы пустить Билли пыль в глаза. Он ослепил ее с первого взгляда – так он выпрыгнул из самолета и прошел вразвалочку сквозь толпу. Кроме того, она хотела повидать мир, а уж потом остепениться. Не хотелось ей замуж за местных мальчишек, не хотелось пятерых, а то и шестерых детей к двадцати пяти годам. Многие ее подружки бросили школу, выскочили замуж и уже ходили беременные. И потому, когда Билли влетел в ее жизнь, ей почудилось, что это спасение – не на белом коне рыцарь, а на ярко-желтом самолете.

Шатко прокатившись по полю, самолет оторвался от земли, и Фрици вдруг ощутила нечто совершенно потрясающее. Рев двигателя превратился в ровный гул, и она почувствовала, будто парит. Открыв глаза, она увидела, что они уже высоко в небе, а маленький мир остался внизу. Ее семья еще стояла у забора и махала ей руками, но становилась все меньше и меньше, а они с Билли летели над городом прочь, к Милуоки.

Этот полет стал для Фрици откровением. Билли вел самолет вдоль железнодорожного полотна, и с высоты элеваторы и водонапорные башни походили на старые игрушки Винка, разбросанные по лоскутному одеялу, а видневшиеся там и сям озера – на круглые зеркальца. Крошечные тракторы ползли вдоль рядов кукурузы и пшеницы. Фермерские дома – с простынями и рабочими комбинезонами на веревках – казались не больше крошечных домиков из «Монополии».

Фрици не хотела, чтобы Билли об этом догадался, но она никогда прежде не отъезжала от дома дальше нескольких миль. Приземлившись в Милуоки, они пересели к Билли в машину и поехали в город – ужинать и танцевать в Восточной зале на верхнем этаже гостиницы «Амбассадор». Фрици впервые была в таком большом городе; мимо проносились трамваи,

такси и личные авто, и никогда прежде за всю свою жизнь она не ощущала такого восторга.

В Пуласки практически все закрывалось с темнотой, не считая катка и ночных посиделок с «бинго» у церкви да нечастых полечных вечеринок в Бальной зале Зелински. А здесь все кипело и куда-то несло. Все магазины, некоторые с целый квартал длиной, все еще были открыты, в витринах – изящно облаченные манекены в модных одеждах. Фрици глазела в изумлении, как мимо них проплывали цветочные магазины, лавки сладостей с маленькими розовыми неоновыми вывесками и не менее шести, а то и семи кинотеатров с громадными навесами.

Ух ты... если уж Милуоки такой, что говорить о Чикаго или Нью-Йорке? Она и представить их себе не могла, но поняла одно: теперь она уже никогда не сможет обрести счастье дома, работая на консервной фабрике.

Когда пришли в «Амбассадор», Фрици немного занервничала. Она впервые в жизни находилась в гостинице с мужчиной и уповала на то, что это и впрямь вечерний клуб, а сама она в конце концов не окажется в номере. Но волноваться не стоило. Двери лифта распахнулись на двадцать втором этаже, и они услышали музыку. А когда вошли в Восточную залу, Фрици совершенно оторопела. Она словно ступила на киносъёмочную площадку и даже не удивилась бы, увидев тут Фреда Астэра и Джинджер Роджерз^[20]. Никогда прежде не видела она ничего элегантнее. Вдоль стен тянулись лаймово-зеленые кожаные кабинки. Над танцполом висели красные и зеленые китайские фонарики, а вокруг сновали официанты в желто-черных шелковых китайских пижамах, подавали напитки в стаканах с крохотными бумажными зонтиками. Люди веселились под оркестр Спида Хупера. Фрици заметила, что в оркестре нет ни одного аккордеониста. Певица в длинном белом платье с блестками и гарденией в волосах источала изысканность.

Их проводили к столику в кабинке сквозь толпу, где все, похоже, знали Билли и здоровались с ним: «Здорово, Билли!»

И он отвечал им: «Здорово, ребята!»

Среди этих шикарно одетых женщин Фрици вдруг почувствовала себя неотесанной деревенщиной. Они уселись за столик, и Билли заказал коктейль с шампанским для нее и двойной скотч для себя.

Погодя, когда Билли с Фрици вернулись с танцпола в свою кабинку, к ним подошла хорошенькая девушка в короткой юбке и с фотоаппаратом и спросила Билли, не хочет ли он парное фото. Еще одна барышня

расхаживала с подносом, заваленным сигаретами, сигарами и цветочными браслетами. Билли купил такой Фрици. Весь вечер та сохраняла невозмутимость и притворялась, будто ей это все не впервой. Виду старалась не подавать, но сама совершенно ошалела. Все правда: увидев Милуоки, она уже не будет прежней.

В тот вечер, когда Билли вез ее обратно в Пуласки, Фрици посмотрела вниз, увидела огни автозаправки и опечалилась, что свиданье закончилось. Лучше бы длилось вечно. Они уже давно приземлились и Билли вернулся в Грэнд-Рэпидз, а Фрици Юрдабралински все еще витала в облаках – во всех смыслах. Где-то по дороге она потеряла шляпу, но ей было плевать. Она потеряла не только шляпу, но и сердце. В тот вечер Фрици влюбилась в полеты – и в Билли Бевинза.

Откуда я этого набралась?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Проснувшись на следующее утро, Сьюки поняла, что ей действительно нужно выяснить побольше про ее национальное происхождение. Она всегда считала, что наследует черты Симмонзов либо Крэкенберри. А теперь ей хотелось узнать и разобраться, какая часть ее поведения – от польских генов, а что – от воспитания. Жаль, что она так мало внимания уделяла мировой географии. Она даже толком не знала, где она, эта Польша. Кажется, это где-то в Европе, рядом с Россией, – или с Францией, а? Но о поляках она не имела совсем уж никакого понятия. Насколько она помнила, ее связи с чем-то хоть отдаленно польским сводились к колбаскам, которые подавали в «Вафельном доме». Так что, приняв ванну и покормив Ку-ку, Сьюки включила компьютер. Набрала слова «черты поляков», щелкнула мышкой.

«Обычно поляки – люди веселые и работающие». Что ж, пока все хорошо, но ей стало интересно, как они выглядят, и она набрала в поиске «знаменитые поляки». Первые два имени – Фредерик Шопен и Либерачи^[21], оба пианисты. И на фотографии последнего ей показалось, что у них носы похожи. Она почитала дальше и, выяснив, что Марта Стюарт^[22] – тоже полячка, самую малость воспрянула духом.

Сьюки подождала, когда Ленор отправится на сеанс водной терапии, после чего выбралась во двор – впервые за все эти дни. Там она увидела Нетту, подрезавшую азалии, подошла поближе и поздоровалась:

– Привет, Нетта.

Та вскинула голову:

– О, привет, подруга... тебе лучше?

– Да. Но маме не говори, ладно?

– Не скажу.

– Спасибо, Нетта. И спасибо, что кормила моих птиц.

– Запросто, милая. В любое время.

– Нетта, скажи-ка мне, что ты знаешь о поляках?

– О поляках?

– Да.

– Хм, ну... сейчас, – сказала Нетта, отрезая усохшую ветку с куста. – Я знаю, они любят квашеную капусту. А еще петь любят, но певцы из них так

себе.

– Правда?

– Ага. Как-то раз слыхала, но не помню где. А! Еще они любят играть на аккордеоне и плясать польку.

– Ты когда-нибудь знавала поляка лично?

– Что-то не припомню, нет... а если и да, то я о том не знала. А что?

– Да нет, просто так. Ну ладно, до скорого.

Нетта глядела, как Сьюки не спеша, словно во сне, уходит в дом. То розовые туфли, то вот это – Нетта забеспокоилась. Может, все из-за гриппа, но Сьюки явно сама не своя.

Прелестный роман ^[23]

Пуласки, Висконсин

Билли Бевинзу Фрици показалась отличной девахой. Но, как выяснилось, мотивы приглашать на свиданье у него были иные, не романтические. Он пока ей не говорил, но на самом деле подыскивал себе новую девчонку для воздушного представления. Мощное преимущество любого спектакля в воздухе – женщина-крылоходка, и Фрици отлично подходила на эту роль. Восхитительная фигура, дивная улыбка и уйма самоуверенности.

Они слетали еще на несколько свиданий, и он повез ее на представление «Воздушного цирка Билли Бевинза», после чего спросил Фрици, не желает ли она в таком участвовать – он научит ее кое-каким трюкам. Она ответила ему пылким «да!».

– Отлично! – сказал он, похлопал ее по спине и добавил: – Фрици, подруга, я покажу тебе, как делать в самолете такие вещи, о каких ты и не мечтала.

Фрици стрельнула глазами и сказала:

– Ага, ты-то уж точно!

Он рассмеялся, но, к разочарованию Фрици и как бы она того ни хотела, дальше поцелуя на прощанье дело не заходило.

Время шло, и Фрици совсем растерялась. Она понимала, что нравится ему, но что-то было не так. Не случалось еще такого, чтоб парень не попытался распускать с ней руки. Может, он думал, что она еще маленькая или недостаточно искушенная? И Фрици попыталась вести себя так, будто она старше и матерее. Даже брови выщипала, как Джин Харлоу^[24], но все без толку. Она заказала себе рыже-коричневые джодпуры, белую шелковую сорочку, кожаный шлем и длинный белый шарф. Расхаживала по городку в таком виде и впрямь смахивала на настоящего летчика. Так, во всяком случае, говорили жители Пуласки.

Каждый понедельник Билли прилетал в Пуласки и устраивал для Фрици летные уроки. Его крылоходки должны быть грамотными пилотами, и он даже сделал Фрици одолжение – дал несколько уроков и Винку.

Винк боготворил Билли, принялся копировать его походку и, как щенок, всюду таскался за ним следом. У Винка все получалось, но Билли в

первую очередь интересовали успехи Фрици – и она его не подвела. Сильная, спортивная, с прекрасной координацией и, что самое главное, – он это выяснил еще на первом свиданье – отличная танцовщица. Прежде чем натаскивать девчонку, он первым делом вез ее танцевать.

Билли знал по опыту: люди без чувства ритма – паршивые пилоты. Фрици же была не только прилежной ученицей и все схватывала на лету, в отличие от многих других девиц, она еще и не боялась пачкать руки. За много лет наглядевшись, как отец работает на автозаправке, Фрици могла разобрать и собрать мотор и поменять колесо за три минуты.

Через несколько месяцев, когда Билли прилетел в очередной раз и Фрици выбежала навстречу, изготовившись к следующему уроку, он начал с обычного:

- Ну, другая, какое твое первое правило?
- Безопасность.
- Кто твой лучший друг?
- Мой механик.
- Что ты делаешь, прежде чем взлететь?
- Все проверяю.
- Сколько раз?
- Дважды.
- Правильно!

Билли был высококлассным пилотом, но при этом совершенно повернутым на безопасности. В тот день, когда они приземлились, Билли обернулся и сказал:

– Вот что, детка. Ты уже можешь соло. Машина – твоя. Тащи ее вверх, делай что хочешь и веди назад. До скорого. – И с этими словами ушел и оставил ее у самолета.

Фрици не предполагала, что это случится так скоро, и ударилась было в панику, но понимала: если сейчас не возьмется, Билли она может никогда больше не увидеть. Сердце у нее колотилось, но она обошла самолет и все проверила – дважды. А когда наконец залезла в кабину, так волновалась, что аж ноги тряслись, и ей захотелось выскочить и удрать, но она вдохнула поглубже, завела мотор и покатила по взлетной полосе, прокручивая в голове все, чему учил Билли. К ее изумлению, она и глазом моргнуть не успела, как уже поднялась в воздух и глядела вниз на Билли, а тот показывал ей большие пальцы. Она полетала двадцать пять минут кругами и мысленно десять раз повторила посадку, в точности как Билли учил ее: «Взлетай, набери побольше высоты и представь, что посадочная полоса –

прямо перед тобой. Повтори в мыслях все посадочные процедуры, и тогда, как будешь садиться, ты уже столько раз это сделала, что настоящая посадка тебе раз плюнуть».

И впрямь: первая посадка далась ей неплохо. На следующей неделе папуля отвез ее в Грэнд-Рэпидз и она получила летное удостоверение. Папуля так ею гордился, что всем, кто приезжал на станцию, показывал этот документ. Фрици ходила счастливая, но сердце ее было разбито. Забрав удостоверение, она попросила папулю отвезти ее в гостиницу к Билли – устроить ему сюрприз. Дверь им открыла жилистая женщина с курчавыми рыжими волосами и в ночной сорочке. Так Фрици узнала, что все это время Билли жил с Гасси Минц, запасной крылоходкой из Алтуны.

Что же она за дура такая. Он ею нисколечко не интересуется – и, видимо, никогда не увлечется. После этого с ним рядом было трудно, однако Билли никогда не морочил ей голову и ничего не обещал, что ж теперь поделаться?

С той поры Фрици начала время от времени участвовать в представлениях. Билли звал ее, когда Лиллиан Бэсс, его основная крылоходка, была занята, а Гасси слишком напивалась.

Вскоре Билли заметил, что Фрици не только удается летать и проделывать трюки, но и свои изобретать. И она не простые девчачьи штуки выделывала. Она выходила на крыло и делала стойку на голове, прыгала через обручи и плясала джиттербаг в пяти сотнях футов над землей. Как-то вечером в баре гостиницы Билли сказал своему механику:

– У этой полоумной детки пороху больше, чем мозгов. Черт бы драл. Она мне напоминает меня в ее годы, а это нехорошо. – Билли отхлебнул и добавил: – Будь я славным парнем, я бы уже сейчас отправил ее подальше, но я, похоже, не славный парень.

Механик, знавший Билли одиннадцать лет, отозвался:

– Ты бы присматривал за ней, приятель. Оглянуться не успеешь, как эта девчушка сможет тебя гонять через обручи.

Через несколько месяцев Лиллиан уволилась с концами – собралась замуж; Билли позвонил Фрици в Пуласки и сказал, что работа первой крылоходки – за ней, если она хочет.

Хотела ли она? Да она вцепилась в эту возможность. Мамуля, ясное дело, была против, но видела, как Фрици несчастна. Три другие ее дочери – такие домашние, но не Фрици.

На консервной фабрике Фрици подала заявление. Неделю спустя Билли снял для нее комнату в той же гостинице, где жил сам, она переехала в Грэнд-Рэпидз насовсем и начала странствовать с «Воздушным цирком». К

папулиному восторгу, в Пуласки этот карьерный рост стал главной новостью.

МИСС ФРИЦИ ЮРДАБРАЛИНСКИ,
АМЕЛИЯ ЭКХАРТ ИЗ ПУЛАСКИ, -
ТЕПЕРЬ В «ВОЗДУШНОМ ЦИРКЕ»

Где этот Пуласки?

Пойнт-Клиэр, Алабама

На следующее утро, когда Эрл уехал на работу, Сьюки устроилась за кухонным столом и зарылась в здоровенный дорожный атлас Соединенных Штатов, пытаясь найти город Пуласки, – и тут в заднюю дверь постучалась Нетта. Сьюки пошла ей открыть.

– Привет, Сьюки, я увидела, что доктор Пул уехал, и решила заскочить и спросить, не надо ли тебе чего в магазине.

– Ой, спасибо, Нетта. У меня все есть, заходи, выпей кофе.

– Нет, не могу. У меня еще сетка для волос на голове. – Нетта глянула на стол: – Ты, вижу, карты изучаешь. Собрались ехать куда-то?

– Да нет, вот на карту Висконсина смотрю. Ты была когда-нибудь в Висконсине, Нетта?

– Не-а, точно. А ты?

– Нет, ничего о нем не знаю. А ты?

– Толком ничего, кроме... оттуда же вроде эти лошади со здоровенными копытами? Кажется, это они тянут фургон с пивом «Бадвайзер». Оно как раз называется «Лучшее милуокское», да?

– Кажется.

– А еще они свой сыр любят. И наверное, Довольная Корова Дэйзи – из Висконсина, но я могу ошибаться. Но если ты туда не собираешься, чего глядишь в карты?

– Да просто так. Проснулась, и что-то вдруг стало интересно, где это, вот и все. Поразительно, что он так сильно к северу, почти Канада. Интересно, насколько там холодно зимой?

– Вот уж не знаю, милая. Ну ладно, разбирайся дальше. Звони, если что-то нужно.

Нетта шла через задний двор к своему дому и размышляла, с чего бы кому-то в своем уме просыпаться по утрам с мыслями о Висконсине. Но может, Сьюки не в своем уме? Может, бедняжка чокнулась? О боже. Еще одна Симмонз для «Милого холма». Стоит только этому их гену до них добраться, так шарахнет кувалдой – и все, пиши пропало. Храни ее господи. Нынче в рассудке, а завтра ни с того ни с сего рассматривает карту Висконсина. Бедные дети ужасно огорчатся, а уж что станет с доктором Пулом. Никогда не видала она человека, настолько преданного жене. Но

ведь ничего неожиданного, предположила она. Когда у тебя мать – Ленор, запросто дойдешь до ручки. Нетте Ленор нравилась, но как же хорошо, что они не родственники.

Сьюки вновь углубилась в поиски Пуласки и наконец обнаружила его: «Пуласки: родина самого масштабного праздника польки в стране». Рядом с Грин-Бей. Ох ты, это ж как раз там, где люди раскрашиваются в зеленый и примерзают на жутком холоде к футбольным трибунам с кусками сыра на головах^[25]. Что ж. Не ей судить. Картер и дочери учились в университете Алабамы – и Картер с друзьями носили шляпы в виде слонов^[26]. Всякому свое, подумала она, но все-таки странно представлять, что люди на трибунах с кусками сыра на головах могут быть ее родственниками. Тут ее посетила еще одна мысль. Ей всегда нравился сыр, особенно сэндвичи с острым плавленым. Это у нее генетическое или она просто любит сыр? Когда Эрл вернулся домой, она спросила у него:

– Эрл, ты обращал внимание: я ем много сыра или мне мерещится?

– Сыра? Да нет, не замечал я, что ты ешь больше сыра, чем все остальные. А что?

– Да просто интересно.

На следующий день, когда Ленор совершенно точно играла в бридж и никакой опасности напороться на нее не было, Сьюки поспешила в городской книжный – потолковать с хозяйкой.

– Привет, Кэрин, как дела?

– Хорошо, миссис Пул. Вы разминулись со своей мамой. Она заходила недавно с этой ее маленькой мексиканочкой-сиделкой, покупала открытки ко дню рождения.

Да что ж такое.

– Слушайте, Кэрин, мне тут стало интересно... Где можно глянуть книгу о Польше?

– О стране Польше?

– Да. Или о Висконсине.

– Так. И та и другая – в разделе путешествий, но если не найдете нужной, скажите. Всегда могу заказать. Собираетесь ехать куда-то, раз уж все свадьбы отыграли?

– Ну, в общем, вполне может быть. Пока не выбрала куда.

– Вы скажите, если чем помочь нужно.

Роясь в книгах, Сьюки вдруг осознала, что мама покупала здесь поздравительные открытки, и, возможно, на ее день рождения в том числе, отлично при этом зная, что 31 июля – ненастоящий день рождения дочери.

Ну ей-богу!

Пуласки, Висконсин

1939 год

В 1939 году большинство американцев, особенно молодежь, пребывали в блаженном неведении, что происходит за пределами их мирка. Зато граждане Пуласки от мала до велика остро осознавали, какая ужасная война гремит по всей Европе. По ночам целые семьи приникали к радиоприемникам, слушали новости из Польши. У многих там все еще оставались родственники и друзья, и днем мужчины собирались у доски объявлений на стене аптеки и, не веря глазам своим, читали новые сообщения. Поляки сражались храбро, надеясь на подкрепление из Англии или Франции. У Станислава двоюродный брат работал в телеграфной конторе варшавского «Гранд-отеля “Европейский”», и ему удавалось сообщать о немецких бомбардировках города. Он докладывал, что нацисты высылают бомбардировщики еженощно, и к утру целые районы города оказываются уничтожены. Мужчин, женщин и детей убивают сотнями и бросают на улицах, вместе с дохлыми лошадьми. А потом, после 1 сентября, новости резко прекратили поступать, и из Польши более ничего не было слышно.

Девятое сентября выдалось холодным и серым, и весь Пуласки вдруг стал смертельно тих: объявили новости. Отец Собьески, чья семья все еще была в Варшаве, медленно подошел к колокольне Святой Марии и принялся бить в колокол – и все бил и бил, а по лицу у него струились слезы. Польша сдалась нацистам. Как и многие, он мечтал однажды вернуться домой, но мечта умерла. Любимой Польши не стало.

Чуть погодя оглоушенные люди стали потихоньку выбираться из домов на улицы и, не зная, куда еще податься, шли к церкви на особую мессу, прочитанную полностью на польском. А после службы все встали и спели польский национальный гимн.

Через несколько недель в кинотеатре Пуласки, в еженедельной кинохронике «Глаза и уши мира», показали падение Варшавы, и одна женщина закричала: ей показалось, она узнала человека, которого гнал, руки за головой, по изуродованным войной улицам немецкий солдат.

– Это мой брат! – громко причитала она, и ее пришлось увести домой.

Польша пала, а жизнь в Америке продолжалась своим чередом. Дети по-прежнему играли в бейсбол, а на Всемирную выставку в Нью-Йорке

съехалась толпа народу, желавшего поглазеть на чудесные изобретения современности. «Мир завтрашнего дня» обещал исключительно восторг будущего. По всей стране женщины и девушки смотрели кино и млели от Кларка Гейбла в «Унесенных ветром», а мужчины и юнцы замороженно глядели, как Джон Уэйн странствует по дорогам Запада в «Дилижансе». По ночам люди все еще хохотали под Чарли Маккарти и «Фиббера Макги и Молли»^[27]. Подростки повсюду выплясывали джиттербаг под «Бурый кувшинчик» Гленна Миллера^[28], а сестры Эндрюз выдали могучий шлягер «Полька на пивной бочке»^[29] – в Пуласки он завоевал особенную популярность.

К лету Хертруд Мэй и Тула Джун закончили старшую школу Обе всем страшно нравились, участвовали в Дамском ансамбле аккордеонисток Пуласки по четвергам вечером и даже прошли в его составе с парадом на празднике «Дни польки». И у Тулы, и у Хертруд были постоянные ухагеры, девочки жили дома и помогали мамуле на кухне. Младшая, Софи, перешла в старшие классы. Все три девочки мамулю радовали. Хертруд – ширококостная, добродушная и громогласная хохотушка, как ее отец. Тула – просто дурашливая и смешливая. Софи – красотка, и мальчишкам так нравилась, но была застенчивая, тихая и очень домашняя, мамуле утеха. Фрици та уже потеряла и хотела остальных своих цыпляток держать к себе поближе – чтобы пригляд был.

Мамуля ничего не сказала, но заметила, что из всех ее деток Софи Мари – самая набожная, службу в церкви никогда не пропускает и каждый вечер уже читает по четкам. Мамуля не удивилась бы, окажись у Софи религиозное призвание. Надеялась, что так и будет. Монахиня в семье – это чудесно. Хлядя, как Винк строит глазки барышням, особенно Энджи Брукоски, она понимала, что из него священника никогда не выйдет. Чтобы с ним позаигрывать, девчонки ездили аж из самого Грин-Бея.

К концу 1939 года люди в Вашингтоне, включая Франклина Рузвельта, убоявшись, что Соединенные Штаты все-таки окажутся втянутыми в войну, обеспокоились неподготовленностью страны. Корпус армейской авиации выпускал всего триста пилотов в год, и правительство втихаря и без особых фанфар разработало новую программу для колледжей – Подготовки гражданских летчиков; семейству Юрдабралински она только на руку сыграла. У них уже был скромный аэродром, организованный для Билли, а местному колледжу требовалось место для стоянки небольших самолетов и подготовки студентов. Они спросили Станислава, можно ли построить в

его владениях маленький ангар, взяв землю в аренду, а он усмотрел в этом возможность для Винка и дочек и ответил, что даст попользоваться своей землей за так. Единственное условие: инструктор должен давать Винку и дочкам уроки – в свободное время. Девчонки пришли в восторг. Фрици они боготворили и хотели быть как она. А вот мамуля не обрадовалась. Хватит и того, что Фрици летает где желает.

Дорогие балбески,

Папуля написал мне о вашей новой затее. Жду не дождусь, когда вы возьмете меня покататься по бескрайним синим просторам. Билли говорит: «Будьте осторожны, берегите себя, веселитесь на всю катушку».

Фрици

У всех трех девочек получалось неплохо – кроме Тулы. В сольном полете она спустилась при посадке так низко, что переломала уйму кукурузы. После этого случая Тула решила, что все же лучше ей играть на аккордеоне и кататься на коньках.

Женщина-невидимка

Пойнт-Клиэр, Алабама

Не успела Си Си вернуться из свадебного путешествия, как тут же понеслась к маме – повидаться и забрать Ку-ку.

– Мама, медовый месяц вышел просто чудесный. Спасибо тебе еще раз, что приглядела за Ку-ку.

– Ой, милая, я с радостью.

Поболтав немного и рассказав о поездке, Си Си взгляделась в мать и спросила:

– Мама, все в порядке? Ты будто сама не своя.

– Ох, ну нет. То есть... ну... дети разъехались, и я занялась некоторой переоценкой, только и всего.

– Переоценкой чего?

– Ну вот как я горжусь своими доченьками. У Ли Ли и Ди Ди прекрасная карьера, ты вот учишься на ветеринара. И получается вроде, что я немного неудачница. Ничего в жизни не добилась.

– Мама, что ты говоришь такое? Ты работала и помогала папе учиться стоматологии.

– Ой... ну не так же долго. Да и потом – простая возня с бумагами.

– А еще ты четверых детей вырастила. Ты всегда оказывалась рядом, когда была нам нужна. Ты готовила, убирала и приглядывала, чтобы мы всегда ходили в чистом. Я вообще не понимаю, как ты все успевала.

– Ох, милая, да это все домохозяйское. Любая так может.

– Нет, не любая. Я не могу. Бабушка уж точно не может. Не понимаю, почему ты себя совсем не ценишь. И ты никогда не жаловалась.

– Еще как жаловалась.

– Значит, не нам. Мы ни разу не слышали, чтобы ты ныла.

– Правда?

– Правда. Ты всегда была такая радостная, такая милая. Со всем соглашалась.

– Да?

– Еще как.

Под вечер Сьюки позвонила Дене:

– Дена, прошу тебя, говори мне правду и можешь быть жестоко

откровенной. В колледже мы были не разлей вода.

– Да, верно.

– Что ты скажешь про мои главные человеческие качества?

– Ну... они у тебя *отличные*. Тебя все любили, Сьюки.

– Но за что?

– За что? Да с тобой весело, и ты всегда была такая...

– Сговорчивая?

– Да... всегда со всем соглашалась.

– Я так и знала!

– Что?

– Я никто. У меня самой никогда не было никаких настоящих человеческих черт. Я безлика. Просто чего-то набралась. Если б Ленор не слепила меня как человека, все бы увидели меня насквозь, а я – всего лишь серая, безликая масса, не более.

– Ох, Сьюки, это неправда.

– Нет, правда. Все эти годы я подражала другим людям. А сама я – пустой костюм.

– Сьюки, что случилось? Ты на себя не похожа.

– Именно. Я *не есть* я. Просто здоровенный ком плазмы, плавающий в пространстве... Женщина-невидимка. Почему я не выяснила все это в молодости, когда была возможность измениться? А теперь слишком поздно. Я уже слеплена. Я – на подпевках, и навсегда такой и останусь.

– Ой, Сьюки, это неправда. И меняться никогда не поздно, и что-то делать иначе.

– Нет, поздно. Во всяком случае, для меня. Мне кажется, я со школы вообще нисколько не изменилась. Просто снаружи постарела, вот и все.

– Ох, милая.

– Нет, все так и есть, Дена. И нет никого противней шестидесятилетней девочки из команды поддержки, которая по-прежнему пытается быть задорной. Меня от самой себя тошнит. Даже не знаю, нравятся ли мне по-настоящему люди или это все сплошь притворство. Ну да ладно, спасибо, что дружишь со мной.

Дена положила трубку. Ей было ужасно обидно за Сьюки, но она могла понять, почему та себя так чувствует. Она всегда считала, что Ленор смешная и с ней весело, но она ж ей не дочка. А рядом с Ленор – всяк на подпевках.

Грэнд-Рэпидз, Висконсин

Билли Бевинз видал немало девиц, но ни одна не походила на Фрици. Он был старше ее на двенадцать лет, но довольно скоро после представлений, когда они отправлялись в бар, она шла с ним по выпивке ноздря в ноздю, крепкое словцо – за крепкое словцо, а недавно еще и своих добавила, каких он раньше ни разу не слышал. А сверх того стала почти таким же классным летчиком, как он сам.

Первые несколько месяцев в Грэнд-Рэпидз Фрици жила в отдельном гостиничном номере и все у них только шло в гору. Но со временем Хасси Минц, крылоходка из Алтуны, с которой жил Билли, поняла, что дни ее сочтены. Она видела, как Билли смотрит на Фрици и как на него поглядывает она. Он все отрицал, конечно же, но Гасси-то не дура. И вот однажды в субботу, пока Билли с Фрици показывали представление, она собрала вещи и уехала домой, в Алтуну. Но оставила Фрици записку.

*Дорогая Фрици,
Ну, я поехала. Удачи и будь осторожна. Говорят,
стоит полетам попасть тебе в кровь, их оттуда не
вымоешь. Я ухожу, пока могу.
От души твоя,
Гасси Минц*

*P. S. На тебя я не злюся, Фрици, но скажи Билли,
что он, по-моему, самое что ни на есть дерьмо.*

Гасси, может, и была не самой утонченной барышней, но Фрици она всегда нравилась. Если отставить в сторону косметику, выпивку, пьяные истерики и паршивую грамматику, было в старушке Гасси что-то благородное, и Фрици ее будет не хватать.

И как бы Гасси ни обзывала Билли, она явно его по-прежнему любила. И уехала она не потому, что этого *хотела*. Вообще же когда-то ведь и она выпихнула ту девушку, что была с Билли до нее. И все равно – будь у нее ружье, Гасси пристрелила б его на месте. И ей бы полегчало, и, вероятно, сберегло бы Фрици от многих сердечных напастей в будущем. Билли был не из тех, кто женится, – и никогда таким не стал бы.

Как и предрекала Гасси, у Билли с Фрици все развивалось и дальше, а через несколько месяцев она уже проводила у него в комнате больше времени, чем у себя.

– Зачем платить за два номера, если ты все время в одном? – рассудил он.

Ничего ближе к предложению руки и сердца ей не получить. Она уже тогда понимала, что они не поженятся. Билли не верил в брак. Выбор за ней. Она знала, что это грех, но давно уже бросила ходить в церковь, а потому съехала с Билли. Ее волновали всего две вещи: не узнали бы мамуля с папулей и не залететь бы. Лиллиан, вторая крылоходка, предупреждала ее:

– Милая, ты осторожнее. Забеременеешь – прости прощай полеты.

Кто я?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Перед Сьюки и впрямь возникла дилемма. Она знала, кем, как ей казалось, она была последние шестьдесят (о господи) лет. Но то все была ложь. Теперь же вопрос встал ребром: если она – не тот человек... кто же она? И тут она вдруг кое-что вспомнила. Сняла трубку и набрала номер.

– Марвэлин, это Сьюки.

Они поболтали пару минут, а потом Сьюки спросила:

– Как твои дела с тренером, Марвэлин? Все хорошо?

– О да. Я к ней хожу на личные занятия два раза в неделю, а еще раз в неделю – на группу «Богиня Внутри». Ой, Сьюки, вот бы тебе со мной. Это изменит твою жизнь. Мы встречаемся по вторникам у нее в саду, в юрте.

– В юрте?

– Да. Она ее заказала аж из Внешней Монголии, и, клянусь, Сьюки, у нее особенная энергия. Я ее чувствую в первую же минуту. Мы все заходим в эту юрту нагишом – освобождаемся от поверхностных оков западной культуры – и там бьем в барабаны и поем, пробуждаем женское божество у нас внутри. Всего несколько занятий – ну меня сознание поднялось на высшие уровни.

– Ясно. Ну, я подумаю. Мне вот что интересно. Ты еще ведешь дневник?

– Разумеется. Это путешествие длиною в жизнь. А ты начала?

– Пока нет. Но ты сказала, это тебе помогло разобраться в том, кто ты есть.

– Еще как, Сьюки. Тебе просто *необходимо* начать дневник! Во-первых, Эдна Иорба Зорбра говорит, что всех женщин воспитывают в обществе подавления, и поэтому у нас низкая самооценка, и для этого надо заводить Дневник Признательности и от него отталкиваться, после чего начинать Дневник Ярости. До первокрика не добраться – только докричаться.

– Ясно.

– И оно действует. Поначалу вся моя ярость уперлась в Ралфа, а потом оказалось, что я злюсь на такое, о чем и не подозревала, – и лично, и вообще, – а после того как весь гнев вышел, начинается вознесение к состоянию «инь». Но, Сьюки, было бы все-таки здорово, чтобы ты пришла

в группу – или хотя бы на йогу.

– Давай я начну с дневника, погляжу, как это. С чего начинать?

– Ну, начинай каждое утро со списка из десяти пунктов, что тебе в себе нравится.

– Ой...

– Ну вроде... «Мне нравится моя грудь» или «Мне нравятся мои стопы» – такое вот.

В тот вечер Марвэлин распечатала для Сьюки рекомендации и оставила для нее, приложив записку:

Сьюки,

Какой восторг, что ты отправляешься в это магическое странствие внутрь себя, и для меня это честь – быть твоим проводником в самореализацию и осознанность. Во-первых, тебе необходимо создать личное Священное Пространство и соорудить в нем алтарь с твоей детской фотокарточкой, свечкой или чем-то еще, что тебя трогает. У меня две фотографии – далай-ламы и Опры Уинфри^[30]. Тебе как новичку стоит начинать с простого дневника самоуважения и признания. Помогает открыть чакры – для дальнейшей более интенсивной работы. Каждое утро выписывай десять черт, которые тебе в себе нравятся, и пять – которые хотелось бы изменить. И, Сьюки, будь добра к своему внутреннему ребенку. Помни: ей нужна поддержка от тебя взрослой. Говори ей, что любишь ее и что все будет хорошо. Эдна Йорба Зорбра считает, что на пути к Счастливой Судьбе нам нужно учиться удочерять себя.

Благословений тебе и Белого Света,

М.

P. S. Имей в виду: Эдна Йорба Зорбра планирует на этот четверг песнопения и медитацию, а также вегетарианский стол вскладчину. Хочешь прийти? Дай знать.

Наутро Сьюки занялась созданием Священного Пространства. Устроить алтарь она решила в теплице. Нашла свою школьную

фотографию из третьего класса, взяла свечку и блокнот и пошла. Зажгла свечу, поставила на полку фото. Господи, она и впрямь похожа на Сиротку Энни. Такая жалкая. Устроившись в кресле-качалке, Сьюки открыла блокнот и принялась писать.

Что я люблю в себе

1. *Мой муж*
2. *Мои дети*
3. *Мой дом*

Она сроду не думала о частях своего тела – ни об одной, если не считать волос, которые ей никогда не нравились, но надо было придумать еще семь пунктов. Эрл всегда говорил, что у нее красивая кожа, но сама она терпеть не могла свои веснушки. Прошел час, а в списке ничего не поменялось. Никуда не годится.

Может, пропустить эту часть и выписать пять пунктов о том, что ее бесит? Ага, один есть.

1. *Синие сойки*

Да нет... они ее, в общем, не бесили. Просто обозлилась на них в тот момент. Что ж им с собой сделать, раз они такие. Не может она злиться на природу, верно? О господи.

Через два часа свеча догорела, а Сьюки все еще сидела в теплице. «Ведение дневника» явно не получалось. Как бы ни пыталась, не могла она выдумать ничего больше трех пунктов в списке «Десяти черт, которые я в себе люблю». Может, завтра попробует перечитать какую-нибудь книжку о взаимной зависимости из тех, что ей дала Марвэлин.

Несколько лет назад, до того, как Марвэлин добыла себе тренера личностного роста, она посещала двенадцатишаговую программу для психологически зависимых и подбросила ей кое-какие книжки. Сьюки прочла их и даже какое-то время честно пыталась быть чуть более решительной с матерью, но прогресс наблюдался не очень. Ленор чертовски давила. И желала быть в центре внимания, в любых обстоятельствах.

Каждый День матери случался спектакль для августейшей Ленор. И совершенно неважно, что Сьюки тоже была матерью четверых детей. Ленор говорила:

– Сьюки, ты, может, теперь и мать, но помни: я стала ею первой!

Боже, подумать только: все эти годы она неукоснительно покупала маме бутоньерку на День матери и следила, чтобы все дети запаслись для Ленор подарками и наряжались, потому что надо же выглядеть перед бабушкой идеально, а потом все отправлялись на масштабный праздничный банкет в гостиницу: туда прибывали все друзья Ленор и ей хотелось хвастаться внуками. И, как обычно, Сьюки просто была гостьей за столом, а царила за ним Ленор.

В дни рождения Ленор Сьюки всегда обязана была спланировать пышное торжество и озаботиться обилием подарков. Даже в день рождения самой Сьюки Ленор загребала все внимание, и все вынуждены были слушать про ее сорокавосемичасовые родовые схватки и про то, каким крупным младенцем Сьюки оказалась. В этом вся Ленор: невеста на любой свадьбе, покойник на любых поминках.

Может, с родительскими умениями у Ленор все так скверно оттого, что сама она никогда не знала матери.

А может, как считал Бак, она просто псих ненормальный. Но за чем бы дело ни стало, Сьюки не сомневалась: жизнь с Ленор разрушила ей нервную систему Слава богу, Эрл построил Сьюки теплицу и она могла уйти и посидеть в тишине хоть пару часов.

Когда бы ни жаловалась она Баку на выходки Ленор, тот всегда говорил:

– Ой, сестрица, выкинь из головы. Бери пример с меня – не обращай на нее внимания.

Но Сьюки не могла не обращать. Слишком уж они близко друг от друга. Даже сейчас она слышала разговоры Ленор на пирсе. Неудивительно. При соответствующем направлении ветра люди в Мобиле слышали ее через весь залив.

Это несправедливо. Ее настоящая мать, возможно, была милой, тихой, маленькой полячкой.

Звезда родилась

Следующие несколько лет Билли и Фрици устраивали представления почти каждые выходные – по всему Среднему Западу и даже добирались до Канады. Через Билли Фрици познакомилась со многими замечательными маститыми «трюкачами». Она даже летала со знаменитейшим Клайдом Пэнгборном^[31] по прозванию «Перевертыш», и тот рассказал ей, как усовершенствовать штопоры и петли и не сваливаться на крыло.

Конечно, это было опасно, а к тому же стало понятно, что полеты с цирком – это и житие, и питание во все тяжкие. Но и весело было, и волнующе – Фрици говаривала: «Чертовски лучше, чем огурцы солить на консервной фабрике».

Утром почти любого понедельника, после представлений выходного дня, у Билли случалось суровое похмелье. Тут уж не до полетов, и потому Фрици одна летела в следующий город, где им предстояло выступить, и оставляла там листовки с рекламой представления. Но ей нравилось. Такой восторг – быть в воздухе одной, наедине с самолетом, ветер в лицо. Бывало, не управляясь вернуться дотемна, один на один со звездами, она думала, что могла бы жить там вечно. Она обожала влетать и вылетать из серебристых облаков и смотреть на огни городков внизу. Конечно, иногда ужасно скучала по семье, но, если не считать этого, жизнь ей нравилась и делалась лучше день ото дня. Совсем скоро она уже доросла до заголовков афиш.

Идите смотреть
ВОЗДУШНЫЙ ЦИРК БИЛЛИ БЕВИНЗА
ФРИЦИ

Главная воздушная знаменитость современности
представляет
смертельные воздушные номера

ВОСТОРГ И УЖАС!
Знаменитый летчик Билли Бевинз и Фрици,
Женщина-Сорвиголова,
покажут потрясающие трюки
и воздушные действия

ПОРАЗИТЕСЬ!

В эту субботу на Лиджн-Филд

Начало в 2 часа дня

Потеха для всей семьи

Полет: \$5 за 10 минут

Трюки и впрямь потрясали. Фрици, облаченная в пурпурный летный костюм, в длинном белом шарфе, высоких сапогах и шлеме выбиралась на крылья, выделявала номера, танцевала. А потом Билли вдруг выравнял самолет и с парашютом за плечами выбирался из кабины на другое крыло, доходил до конца и спрыгивал. Люди внизу вопили от ужаса:

– О нет! Он оставил там девицу одну! Она убьется!

А Фрици тем временем залезала в кабину и бралась за рычаги. А затем, к изумлению толпы, она выделявала бочки, петли и штопоры чуть ли не до самой земли, но в последний миг возносила самолет и проделывала все заново, а люди то вопили, то затаивали дыхание, думая, что вот сейчас она разобьется, а Билли меж тем неспешно плыл к земле на парашюте.

Смена пилота в воздухе зрителям казалась опасной, но Билли, ничего не пускавший на самотек, рассчитал ее до секунды.

Когда Фрици наконец сажала самолет, его облепляли поклонники. Ей это нравилось – нравилось и Билли. Пока Фрици оставалась на поле, раздавая автографы, позируя фотографам и катая людей по десять минут за пять долларов, Билли отдыхал в баре аэропорта, выпивал и пересчитывал барыши. В некоторые выходные доля Фрици выходила чуть ли не семьдесят пять долларов.

Фрици радовалась, что может что-то послать семье. Мамуля все еще волновалась за нее денно и ночью, но папуля говаривал:

– Она счастлива, Ленка.

– Да, форсись-то она счастлива, – отвечала мамуля, вздыхая. – Но хоть форсит за деньги.

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки волновало, как сказать детям про все это, и она пыталась придумать наилучший способ. Как бы смягчить удар? Она взялась за новую поваренную книгу – «Польская кухня». Может, позвать их всех на ужин и приготовить исключительно польские блюда, а если им понравится, сказать что-то вроде: «Ну, я рада, потому что, оказывается, у всех вас польские ДНК». Она почитала рецепты – разобраться, что приготовить, – и выяснилось, что там сплошная свекла и квашеная капуста.

Она знала своих детей: им точно не понравится ни «голонка» – свиные хрящи с овощами, ни «зразы» – фаршированная говядина с рубцом. Более того, она даже не знала, что такое «рубец». Она изо всех сил пыталась найти какое-нибудь занятное блюдо, но все без толку. На кушанье под названием «чернина» – супе из утиной крови – она сломалась окончательно. О боже. Из этого точно ничего не выйдет. Надо изобрести что-то еще. Ей подумалось, что первой из детей придется рассказать Ди Ди. И вот это будет очень непросто.

Ленор забила Ди Ди голову семейной историей Симмонзов и всякими глупостям про Первые семьи Вирджинии^[32], и Ди Ди иногда позволяла себе даже некоторое высокомерие. Когда ей было тринадцать, Сьюки услышала, как дочь говорит новенькой девочке по соседству:

– Моя бабушка – шестое поколение Симмонзов из Англии. А твои родственники кто?

Сьюки заставила Ди Ди немедленно извиниться перед соседской малышкой. И попросила Ленор прекратить говорить Ди Ди, что та лучше всех.

– Ты хочешь, чтобы я врала ребенку? У животных порода имеет значение. Так почему и не у людей?

Шли дни, и Сьюки начала себя чувствовать несколько устойчивее. К счастью, если не считать того раза, когда она ехала мимо кладбища, ей удавалось успешно избегать встреч с матерью. Но вот однажды утром она заскочила на секунду в город забрать вещи из химчистки – и столкнулась с ней нос к носу.

Сьюки выдавила милое «привет», но Ленор вытаращилась на нее и сказала не «Как ты себя чувствуешь?» и не «Тебе лучше?», а:

– Господи боже, Сьюки, у тебя жуткая кожа. Ты когда ходила к косметичке?

Сьюки смогла только одно – не удавить ее прямо перед скобяной лавкой. Пошла своей дорогой, но сердце у нее колотилось, а руки вспотели. Тогда она поняла, что расстроена сильнее, чем думала.

Добравшись до дома, позвонила Дене.

– Сьюки! Я так рада твоему звонку. Как ты, милая?

– Ужасно.

– Ох. Трудности?

– Ну, если желание убить кого-то посреди бела дня в полуквартале от полицейского участка называть трудностью, то да.

– Ой, милая, совсем это на тебя не похоже.

– Не похоже, верно. У меня, может, нервный срыв, а я и не ведаю.

– Ты обеспокоена?

– Да, обеспокоена. Учítывая, что я понятия не имею о своем генетическом устройстве, кто знает, на что я способна? У меня могут быть еще живые родственники в тюрьме. Я, может, представляю опасность для себя самой и окружающих.

– Ой, Сьюки, я уверена, что это не так.

– Правда?

– Конечно. Я уверена, что ты приходишь из милой, очаровательной семьи. Иначе это была бы не ты.

Вешая трубку, Сьюки понадеялась, что слова Дены – правда. Она изучила вопрос и выяснила, что у человека по двадцать три хромосомы от каждого родителя. Она, вероятно, никогда ничего не узнает о своем неведомом отце, но предположила, что ради детей и их здоровья – да и ради себя самой – ей надо найти хоть что-то о семье по материнской линии. При малейшей вероятности, что у нее есть склонность к домашнему насилию, ей надо знать об этом сейчас, а не потом.

Через несколько часов Сьюки все-таки собрала волю в кулак, позвонила в справочную и спросила номер телефона Торговой палаты Пуласки, Висконсин. Запаслась небольшим бумажным пакетом – на случай, если опять начнет задыхаться. Набрал код региона 920 и номер, услышала женщину с очень густым и отчетливым выговором, на слух Сьюки – чужим:

– Это Мэриэн. Чем могу помочь?

– О... здравствуйте. Вы меня не знаете, но я звоню поинтересоваться о Юрдабралински.

– О ком?

Сьюки произнесла по буквам:

– Ю-Р-Д-А-Е-Р-А-Л-И-Н-С-К-И.

– А, Юрдабралински. Семья с Автозаправки.

– Что, простите?

– Они когда-то владели городской автозаправочной станцией.

– А, ясно... А вы случайно не знаете, здоровая ли была семья?

– Здоровая?

– Да. Не было ли в семье диабета, болезней сердца, умственных отклонений, онкологии или алкоголизма?

– Ох ты. Я ничего об этом не слыхала. Моя мама ходила в школу с парой девчат Юрдабралински, и, насколько я помню, в семье было четыре дочки и сын, две девочки – близнецы.

– Близнецы? Правда? О боже.

– Ну да. Одна дочка подалась в монахини. И все были здоровы, насколько я знаю.

– А вы не знаете, кто-нибудь из них еще жив?

– Сейчас посмотрим... Мне кажется, Тула Танавски была Юрдабралински, пока не вышла за Норберта, но они переехали в Мэдисон. Вы родственница?

– Ой, нет. Я учусь в колледже, собираю материалы для исследования по польским семьям.

– Ну, у нас тут в Пуласки их навалом. Если хотите, я поищу для вас еще что-нибудь о Юрдабралински, где они и что с ними, но это займет несколько дней. Мы на этой неделе очень заняты. У нас Дни польки в Пуласки, и тут по уши событий – парад и все прочее.

– Ой, ну да, не буду вас задерживать. Позвоню на следующей неделе.

– Как вас зовут, дорогуша?

– Меня? – Сьюки запаниковала. – Элис. Элис Зяблик.

– Ну хорошо, Элис. На той неделе созвонимся.

Врать этой женщине было противно, и Сьюки понимала, что голос у нее не студенческий, но ей надо было не выдать ни свою подлинную мать, ни Ленор. Как она уже поняла, одно вранье плодит сотни новых. Но хоть какую-то информацию добыла. Женщина сказала, что Юрдабралински были здоровы – насколько ей известно. Сьюки большего вообще-то и не требовалось. Руки у нее тряслись. А если стала монахиней именно ее мама? Тогда она Сьюки точно не захочет видеть. И что ее ребенка воспитывали не католичкой, ей тоже не понравится. Сьюки стала теперь осведомленной. Более чем. Повторного звонка она боялась. Кто знает, что она еще обнаружит?

О боже. Дена права. Сьюки нужна профессиональная помощь.

Помощь

Пойнт-Клиэр, Алабама

– Алло, доктор Шапиро?

– Да?

– Вы меня не знаете, но я вот хотела спросить. Я живу в десяти минутах от вашей приемной. Вы на дом не выезжаете?

– О, вы не выходите из дома? – спросил он с некоторым беспокойством.

– Да... ну, в некотором смысле. У меня проблема, которая, по массе причин, не должна стать достоянием общественности.

– Понимаю, но уверяю вас: все, что мы обсуждаем на приеме, конфиденциально. Хотите назначить встречу?

– Я бы хотела, но не могу. Знаю, это трудно понять, но моя проблема связана с моей матерью. И если кто-нибудь увидит, как я захожу к вам в приемную, она об этом проведает. Она всех знает.

– Ясно. Вы все еще живете с родителями?

– Ой, нет. Я пятидесяти... хм... шестидесятилетняя женщина, замужем, с четырьмя взрослыми детьми.

– Простите. У вас голос звучит моложе. Вы не могли бы поподробнее?

– Этот звонок не записывается, верно?

– Не записывается.

– Со мной недавно случилось кошмарное потрясение. Я обнаружила, что, возможно, я – дочь польской монахини из Висконсина и не та, кем себя считала.

Моя подруга Дена сказала, что мне нужна профессиональная помощь. Она сама замужем за психиатром. А сегодня я хотела удавить свою мать и поняла, что Дена права. Она уже советовала мне позвонить вам, но я не стала. А теперь боюсь, что у меня нервный срыв. Мне, наверное, лекарства нужны, но кто знает. Вы мне можете что-нибудь прописать по телефону?

– Нет, мне нужно с вами увидеться.

– Ох... черт.

– Давайте, наверное, встретимся у вас дома, если хотите.

– А вы сумеете?

– Да.

– Чудесно. Когда?

– Секундочку... хм... У меня завтра после обеда есть часовое окно, в четыре. Годится?

– Совершенно. Запишите адрес. Ой... знаете, доктор Шапиро, я тут подумала, и, кажется, зря я все это. Моя мать живет через дом от меня и может объявиться в любую минуту. И она никогда не стучит. Я понимаю, что прошу слишком многого, но можем мы назначить встречу в каком-нибудь другом месте?

– Хорошо. Если вам так удобнее. Где?

– Так, сейчас подумаю. О! Давайте в «Вафельном доме» на трассе 98?

– Идет. Как вас зовут?

Повисла пауза.

– Я бы предпочла... если вы не возражаете. Я бы предпочла, чтобы никто не узнал о моих свиданьях с психиатром.

– Ладно, договорились. Но как я вас узнаю?

– О боже. Хорошо, давайте так. На мне будет шляпа – и розовые туфли с помпонами. Идет?

– Идет.

– А, и сколько это будет стоить?

– Ну, давайте сначала встретимся и поглядим, что потребуется делать дальше.

Положив трубку, доктор Шапиро крепко призадумался. Он никогда не встречался с пациентами вне приемной, а в «Вафельном доме» и подавно, однако эта бедная дама по телефону – или параноик-шизофреник, или самый сумасшедший человек из всех, с кем ему приходилось разговаривать. Так или иначе помощь ей нужна точно.

Пуласки, Висконсин

Май 1941 года

Винк окончил школу и трудился теперь на заправке полный день вместе с двоюродным братом Флорианом. Он знал, что родителям он нужен дома. Отец теперь работал чуть меньше и уж был не такой сильный, как прежде. Он годами спал на кушетке прямо на станции, день и ночь на ногах, на жутком морозе, – все это уже начало его доканывать. Но у Винка было летное свидетельство, и он рвался на фронт. Кое-кто из его друзей проник в Канаду, поступил в ВВС Великобритании, отправился в Англию и уже был в гуще боев. Но Винк пообещал своей девушке Энджи, на два года моложе, что пойдет с ней на выпускной бал, теперь она получила все, что желала, и ему не хотелось оставлять ее, незамужнюю, в городе с мужланами вроде себя самого. Он не очень понимал, что делать, а потому позвонил Фрици и спросил ее. Она сказала:

– Ну, Виник-Краник, брачные колодки – не по моей части, но если тебе так хочется, то вот у тебя отличная деваха. Ты же знаешь, мне Энджи всегда нравилась, так что давай, полный вперед.

– Хорошо! Спасибо, Фрици.

– Эй, тебе денег-то на кольцо хватит?

– Ой... забыл совсем.

– Не волнуйся. У меня сейчас как раз привалило. Повезло в покере в Де-Мойне на прошлой неделе, так что пришлю немного, когда она тебе кивнет, – а она кивнет.

– Вот спасибо, Фрици. Но я не знаю. Может, тянул слишком долго. Она тут пользуется спросом последнее время.

– Так слезай с телефона, дубина, и дуй к ней.

Винк зря беспокоился. Энджи Бруковски была от него без ума аж с восьмого класса. Винка она считала самым красивым, самым чудесным и милейшим парнем на свете. В жизни у нее была лишь одна цель – стать миссис Венцент Юрдабралински, и поэтому она, конечно же, сказала «да», и они сговорились на июнь. От обеих семей на свадьбе было не меньше двухсот родственников, а на банкет собралось столько народу, что его устроили в Бальной зале Зелински, за городом.

Фрици приехала домой за несколько дней до церемонии – помочь с приготовлениями, и все в городе ей обрадовались. Начав летать с «Воздушным цирком Билли Бевинза», она удостоилась нескольких статей в местной газете, и горожане ею страшно гордились. Считали ее своей личной польской кинозвездой. Ее младшие сестры, никогда не выезжавшие из Пуласки, выросли в платьях, в основном пошитых мамулей, и с трудом верили, что у них такая блистательная сестрица, побывавшая аж в Чикаго.

Они сидели у нее в комнате и благоговейно глазели, как она облачается в одежды, какие они только в журналах и видали. Фрици даже носила тоненький золотой браслет на щиколотке, а это, им казалось, вершина утонченности; и вот, когда они вроде уже на все поглядели, она вытащила из коробки маленькую белую коктейльную шляпку с кружевами, да такую изящную и модную, что они завопили.

Наутро Винк пришел в кухню и спросил, где Фрици, а мамуля ответила:

– Ой, ты же знаешь свою сестру Они с отцом уже гуляют по городу, осеняют присутствием. – Мамуля сказала это так, будто не одобряет, но на самом деле она радовалась. Папулю таким счастливым мамуля не видела очень давно.

Фрици попыталась притащить Билли на свадьбу, но тот отказался. Заявил, что у него аллергия на все, связанное с церковью, а также на галстуки.

И все-таки в день свадьбы Фрици поняла, что он либо раскаялся, либо напился, либо и то и другое: молодожены вышли из церкви, а над ними кружил Билли – писал в огромном сердце «Винк и Энджи, поздравляю», после чего улетел обратно в Грэнд-Рэпидз. Хоть он и псих, Фрици посмеялась над этим балбесом. Угнал самолет прямо с поля небось: в эти выходные он не работал. Но вот такой он, Билли.

«Вафельный дом»

Доктор Шапиро, милый молодой человек в очках, прибыл на место на несколько минут раньше и гадал, появится ли дама вообще. Но вдруг в витрине показалась и стала всматриваться внутрь женщина в розовых теннисных туфлях с помпонами, огромных пластиковых очках от солнца в белой оправе сердечками и мужской рыбацкой шляпе, утыканной блеснами. Затем она вошла и, быстро оглядев зал, заметила его, поспешила к нему в кабинку и уточнила:

– Доктор Шапиро?

– Да.

– Это я. Ваша пациентка.

Он чуть не ляпнул: «Кто бы мог подумать!», но жена ему говорила, что людям с Юга не нравится его нью-йоркский юмор, и потому он ответил:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Она забила в дальний угол их кабинки. В ту же минуту к ним подошла обширная официантка в розовом форменном облачении и дружелюбно поприветствовала:

– О, здравствуйте, миссис Пул, давно вас что-то не видно.

«Вот тебе и анонимность», – подумала Сьюки.

– Привет, Джуэл, – сказала она вслух.

Та глянула на доктора Шапиро и спросила:

– Это ваш красавец-сын, о котором все время рассказывает ваша мама?

– Нет, просто... знакомый.

– Ой. Так что вы сегодня будете?

– Просто кофе, пожалуйста. Без кофеина, – ответила Сьюки.

Доктор Шапиро добавил:

– Два.

Джуэл ушла, и Сьюки сказала:

– Перво-наперво спасибо вам большое, что согласились встретиться.

– Ну что вы. Чем могу помочь? Вы сказали, у вас проблема?

– Да. И это очень долгая история. Начну с начала. Несколько недель назад я кормила птиц. Синие сойки – просто кошмар какой-то. Я решила, что насыплю подсолнечник на заднем дворе, а смесь «Красавчик» – перед крыльцом...

Полчаса и три чашки кофе спустя, когда она добралась наконец до рассказа о том, кто ее мать, он внезапно все понял. Неудивительно, что у

этой дамы нервный срыв. Он знает ее мать. Да кто ж ее не знает?

В восемь часов первого же утра после переезда в новый дом доктор Шапиро с женой проснулись от шума на крыльце, походившего на колокольца кришнаитов. Он открыл дверь, и на крыльце его приветствовала крупная, властного вида женщина в накидке и с громадной корзиной, украшенной лентой. Она громогласно объявила:

– Доброе утро. Я Ленор Симмонз Крэкенберри, президент комитета «Фургона гостеприимства»^[33] в Пойнт-Клиэре, и от лица всего комитета хочу сказать... – И тут же запела со всей мочи на мелодию «Пошуршим до Баффало»^[34]: – Здрасьте! Здрасьте! Здрасьте! Как вам! Сделать! Счастье! С переездом к нам! – Затем сунула ему корзину и сказала: – Остальные барышни явятся с минуты на минуту, но я хотела прибыть первой. – С этими словами она ворвалась в дом, выкрикивая: – Миссис Шапиро-о-о... ставьте кофе. У вас гости!

Он провел с Ленор всего час, но и этого хватило, чтобы понять со всей очевидностью: лечить надо мать, а не эту несчастную женщину. Но он дал пациентке выговориться – та была в совершенном расстройстве.

– И вот я сказала Дене, что иду вразнос. То я злюсь на мать, то чувствую себя виноватой и опять злюсь. Как вы думаете, это нервный срыв?

– Думаю, в таких обстоятельствах гнев и растерянность совершенно естественны.

– Правда? Вы считаете *естественным* желание удушить свою мать?

– В некоторых обстоятельствах – да. Вы чувствуете, что вас предали и обидели, и, естественно, желаете дать отпор.

– Верно. Да, хочу.

– Никому не нравится, когда ему врут.

– Ведь правда, никому, да? Ой, мне уже гораздо легче. Доктор Шапиро, вы профессионал, вы бы распознали нервный срыв, да?

– Да.

– По вашему мнению, я того и гляди не слечу с катушек?

– Думаю, это крайне маловероятно.

Сьюки выдохнула с огромным облегчением:

– Прямо и не знаю, как вас благодарить. И оказалось все не так страшно, как я думала. Уверена, вам это уже говорили, но все-таки: вы прекрасный слушатель.

– Ну спасибо.

– И наверное, думаете, что я грубиянка. Все талдычу про свои

проблемы, а про вас ничего не спросила.

– Все совершенно в порядке, миссис Пул. Я тут для того, чтобы слушать вас.

– Ой, пока не забыла, сколько я вам должна? Наличные сойдут? Не хочу, чтобы люди в банке знали, что я встречаюсь с психиатром. Может, ничего и не скажут, но кто ж их разберет. Мне так понравилось, увидимся еще раз? В это же время на следующей неделе, в этой же кабинке?

К собственному удивлению, доктор Шапиро согласился.

Вернувшись в приемную, доктор Шапиро набросал кое-какие заметки.

Новая пациентка: легкая ситуативная тревожность, очень милая дама.

Мать пациентки: нарциссистка с легкой или тяжелой формой мании величия.

Война

Пуласки, Висконсин

Воскресенье, 7 декабря 1941 года

Перед началом воскресной службы отец Собьески выглянул из ризницы и поманил Станислава Юрдабралински, всегда сидевшего в первом ряду. Служба сегодня не явился, требовалось его кем-то заменить. Забавно было смотреть на священника ростом пять футов и девять дюймов и Станислава (шесть футов и четыре дюйма) в черно-белом алтарном облачении, которое на нем смотрелось как блуза, но служба прошла без сучка и задоринки. А после Юрдабралински шли домой вместе – все, кроме младшенькой, Софи: та всегда оставалась помочь монахиням стирать и гладить облачения для службы на следующей неделе.

В тот же день вечером Гертруд и Тула репетировали на Радужном катке программу для грядущего конкурса, и тут вдруг миссис Ванда Вшнски, органистка, прервала аккомпанемент, прямо посреди «Синих небес»^[35]. Что случилось? Через несколько секунд по громкоговорителю прозвучало сообщение: японцы только что атаковали Пёрл-Харбор, каток закрывается. Оторопелые фигуристы побрели вон, а миссис Гшнски заиграла «Боже, благослови Америку»^[36].

В нескольких кварталах от катка, в театре Пуласки, публика смотрела «Как зелена была моя долина»^[37], с Морин О'Хара и Уолтером Пидженом. Жена Винка Энджи и ее подружка смотрели по второму разу, когда экран постепенно погас и в зале включили свет. Администратор театра вышел на сцену и объявил:

– Дамы и господа, мы только что узнали, что японцы напали на Пёрл-Харбор, и все военнослужащие обязаны немедленно явиться в расположение своих частей.

Смущенная публика встала со своих мест, собрала вещи и стала молча расходиться – и тут на экране внезапно возник американский флаг.

Многие понятия не имели, где он, этот Пёрл-Харбор, и какое он имеет к ним отношение, но те, кто понимал, посуровели. Кто-то сказал:

– Ну что, теперь мы завязли по уши.

В церкви одна монахиня велела Софи идти домой, к семье, немедленно, но не сказала почему. Дома Софи застала мамулю и сестер в кухне, и мамуля, только ее завидев, сразу обняла и прижала к себе. Папуля сидел за

столом, прильнув ухом к приемнику, и все качал головой, не веря тому, что слышал, – сообщение меж тем повторяли снова и снова. На миг он отвлекся и потрясенно взглянул на жену:

– Ох, Ленка, нельзя нам терять Америку. Уж если ее потеряем... – Тут голос у него надломился, и этот крупный сильный мужчина, всегда бывший им надежей и опорой, уронил голову на стол и зарыдал.

Дочери сгрудились вокруг, обняли его, а жена беспомощно стояла рядом. Она знала, что он прав. Потеряют Америку – потеряют надежду, и не только они, но и весь мир.

Накануне в субботу Фрици и Билли как раз отработали представление под Экроном, Огайо, и, как обычно воскресным утром, Билли валялся в постели с похмельем. Фрици уже встала и спустилась в гостиничное кафе – и там услышала новости от посыльного. Тот вбежал и завопил:

– Япошки разбомбили Пёрл-Харбор! Вроде как война! – И тут же помчался дальше, рассказать всем в гостинице и на улице.

Когда Фрици поднялась в номер, Билли уже проснулся. Она села рядом на кровать, подала кофе.

– Милый, ты слышал?

Он кивнул:

– Ага, какой-то пацан только что носился по коридору. Так все и есть, верно?

Фрици отозвалась:

– Похоже на то.

Билли отхлебнул кофе, глянул на нее и сказал:

– Ну что, со мной всё.

Он встал, принял душ, побрился, оделся и отправился к ближайшему призывному пункту. Фрици пыталась дозвониться домой, но все линии были заняты.

Добравшись до центра города, Билли увидел очередь новобранцев, а контора еще даже не заработала, однако ребята сказали, что откроется того и гляди. Билли оказался старше многих в очереди, но рвался в строй. Да что там – еле сдерживался. Как и все парни в тот день, он был взбешен. Как эти ублюдки посмели напасть на Америку! Они вообще понимают, черт бы их драл, с кем шутки шутят?

В то воскресенье новость облетела страну, и люди, у которых и в мыслях ничего такого не было, теперь ощущали то, о чем вчера даже речь не заходила. На большом хоккейном матче в Мэдисон-сквер-гарден после

объявления все мужчины в форме поднялись со своих мест и повалили со стадиона – к своим военным частям, а все остальные встали и устроили им овацию и не прекращали аплодировать, пока не проводили со стадиона последнего.

С того дня национальный гимн перестал быть для американцев тем, что слушают перед спортивными играми. Теперь шляпы долой, руки к сердцу, а овация в финале – от души. Они уже прошли через одну войну и Депрессию, никто не желал второй, однако ж вот она, и можно лишь в нее влезть и с нею покончить как можно быстрее.

В воскресенье вечером Винк пришел домой с заплаканной Энджи. Они уселись в гостиной с мамулей и папулей, и Винк – год назад он окончил школу, а теперь вдруг впервые стал похож на взрослого мужчину – сказал:

– Папуля, ужасно не хочу бросать тебя одного у нас на станции, но ты же понимаешь – меня все равно рано или поздно призовут, и, если я пойду сейчас, может, попаду в армейскую авиацию.

Мамуля возразила:

– Винк, но у Энджи ведь будет ребенок.

Энджи взглянула на мамулю:

– Я пыталась его отговорить, но он меня не слушает.

Папуля посмотрел на Винка:

– Делай что считаешь правильным, сынок. За станцию не тревожься. Не пропадем.

– Спасибо, папуля. Вот еще что: пока меня не будет, можно Энджи поживет в моей комнате наверху, у вас, до моего возвращения?

– Конечно, – ответила мамуля. – Мы с радостью.

– Я помогу с готовкой, – сказала Энджи. – Домой возвращаться не хочется. Вдруг не так буду скучать по нему, если буду здесь жить.

В шесть утра на следующий день Винк, а с ним чуть ли не все его одноклассники стояли в снегу у аптеки и ждали, когда школьные автобусы подберут их и повезут в Грин-Бей на призывной пункт.

Билли проходил медосмотр в Грэнд-Рэпидз, и ему светил бы «4Ф»^[38] из-за печени, но армии нужны были все до единого опытные пилоты – и чем скорее, тем лучше, а потому и он со своей больной печенью получил приказ явиться 15 декабря в Пенсаколу, Флорида. За несколько следующих дней он официально распустил «Воздушный цирк» – и, к счастью, смог продать все самолеты летной школе.

Вечером 12 декабря Фрици проводила его на вокзал, и он, забравшись в поезд, сказал:

– Не знаю, когда увижу тебя, другая, так что следи за собой и иногда пиши мне письма, ага?

– Буду писать.

Поезд тронулся, и Билли крикнул ей, перекрывая вокзальный шум:

– Эй, кто твой лучший друг?

– Ты! – крикнула она в ответ.

Он показал ей большие пальцы, и больше она его не видела. Она ушла с вокзала, но улицы были запружены, такси поймать не удалось, и она пришла в гостиницу пешком, под снегом. По пути заметила, что многие витрины украшали к Рождеству и некоторые бросили недоделанными.

Они с Билли долго пробыли вместе, но никаких обещаний не давали. Она давно знала, что Билли не из тех, кто женится, да и сама она, очевидно, такая же. И все-таки без него было как-то потерянно. Добравшись до гостиницы, она увидела на тумбочке конверт. Внутри была сотенная купюра и записка:

С Рождеством, пострел. Купи себе новую шляпку.

Билли

Фрици села на кровать и задумалась, чем бы заняться дальше. Просто груши околачивать и чего-то ждать не хотелось. И, черт бы побрал, несправедливо это. Она ведь тоже умеет летать не хуже многих знакомых парней. Фрици попыталась записаться в армию и показала свое летное свидетельство человеку на призывном пункте, но тот ее уведомил, что ни армейская авиация, ни иные войска женщин-летчиков не принимают.

– Почему? – спросила она. – Самолету все равно, мужчина его ведет или женщина.

– Таковы правила, – ответил он. – А теперь позвольте мне заниматься своим делом. Тут война, дамочка, а на войне женщинам не место.

Тут у нее из-за спины вклинился какой-то парень:

– У меня есть для тебя местечко, милая, в любое время.

Остальные парни тоже заржали.

Фрици забрала свидетельство, сунула в сумочку и сказала:

– Ладно, как хотите. Вам же хуже. – И, выходя, добавила: – Покедова, дубины, почитаю про вас в юморесках.

Но все это ее обозлило и задело; придя к себе в комнату, она села и проревела все глаза.

Из журналов она знала, что Англия и Россия задействовали женщин-

пилотов на перегон самолетов, а вот тут – никак. В тот же вечер она сложила свой пурпурный кожаный летный костюм и остальные вещи и уехала в Пуласки – как раз вовремя, чтобы попрощаться с Винком. Его приняли в армейскую авиацию и отправляли в Скотт-Филд, Иллинойс, на сборы.

Теперь у Фрици появилось еще больше причин ненавидеть япошек. Они испортили ей блестящую карьеру, Билли и Винк уехали, а она застряла на земле – невесть на сколько. Вот так падение. Но ничего, кроме полетов и трюков в воздухе, она не умела и потому чуть погодя вернулась на конвейер – на консервную фабрику.

Обед с Ленор

Пойнт-Клиэр, Алабама

День намечался весьма трудный. Некогда Сьюки и Ленор каждую среду ходили на обеденный фуршет, и Сьюки не могла больше откладывать его, не создавая себе при этом еще больших неприятностей. Ленор уже оставила Сьюки в почтовом ящике свою фотографию и записку: «Если ты вдруг забыла, это твоя мать. Ты где?!»

Сьюки вздохнула, глянула на часы и позвонила. Миг – и мама сняла трубку:

– Привет, это Ленор. С кем имею удовольствие разговаривать?

– Мама, это я.

– О... привет, ты.

– Как твои сеансы водной терапии?

– Очень мокро. Ты где?

– Дома. А что?

– Я подумала, ты переехала в Китай. Мы идем уже наконец сегодня обедать? Или ты позвонила сообщить, что тебя внезапно скосило еще какое-нибудь загадочное заболевание?

– Нет, мама, идем. Куда бы ты хотела?

– Ой, да все равно. Выбирай.

– Ну, может, гостиница «Фэйрхоуп»?

– Нет, она мне надоела.

– Хорошо. «Бей-Кафе»?

– Нет, давай в «Колонию». Что-то мне хочется пирога с крабом.

– Ладно. Я за тобой заеду.

Повесив трубку, Сьюки почувствовала, что у нее разболелся живот. Ленор одним лишь своим тоном играла у нее на нервах.

Ленор влетела в ресторан и помахала всем, кого знала. Как обычно, если рядом оказывался кто-нибудь незнакомый, она подходила и представлялась. Как глава комитета «Фургона гостеприимства» она была уверена, что все, конечно же, хотят свести с ней знакомство.

Наконец усевшись, Ленор сказала:

– Какая милая пара вон там в углу – они приехали аж из Канады, можешь себе представить? В общем, она была душкой и сказала, что ей

нравится цвет моих волос, на что я ответила: «Уж если приходится сесть, так уж лучше серебриться». Дала ей телефон Джо Эллиен. Ты заказала мне пирог с крабом?

– Да.

Ленор еще раз помахала паре и вновь повернулась к Сьюки:

– Ей бы не повредил новый оттенок. Возьмем тебя, к примеру, Сьюки. Тебе пятьдесят девять, у тебя ни единого седого волоса. Считай, повезло, девочка моя. Я в твои годы была уже совершенно седая, но это, думаю, во мне английское. Королева Елизавета тоже поседела рано.

– Ну разумеется.

– Как тебе известно, я была пшеничной блондинкой.

– Да, мама, ты мне это говорила практически ежедневно всю мою жизнь.

– Ну вот так оно и есть. Я была всем известной единственной пшеничной блондинкой на всю Южную Алабаму. На Балу старших офицеров, когда зазвучала «Кейси с блондинкою вальс танцевал, а оркестр играл»^[39], все в зале замерли и уставились на нас. Твой отец танцевал чудесно. Оба мы были хороши, и ту мелодию все повторяли и повторяли. Остальные юноши норовили перехватить меня на танец, и один, помню, сказал: «Ленор, с вами танцевать – прямо как с перышком». Поступь у меня всегда была легкой. – Она оглядела Сьюки и вздохнула: – Ох, Сьюки, какая жалость, что ты бросила занятия танцами.

– Я не бросила занятия, мама. Если помнишь, мисс Уизли сказала, что всему классу будет лучше, если я займусь чем-нибудь другим, к чему у меня природная склонность.

Ленор скривилась и отвела взгляд.

– Гейдж, дочь миссис Бушнелл, – прима-балерина в Нью-Йорке. На ее месте могла быть ты, Сьюки.

– Ага, при том, что я каждый раз падаю с пуантов? Не думаю, мама.

– Да ты просто не старалась, вот и все.

Сьюки уставилась на нее:

– Что?

– Ну ты уж прости меня, пожалуйста, но это не я забросила многообещающую карьеру ради брака с Эрлом Пулом-младшим.

– Мама, какую многообещающую карьеру? В какой профессии?

– Ой, Сьюки, да ты могла быть кем угодно, если б захотела. У тебя была возможность добиться хоть чего-то, но увы. Ты все это выбросила на ветер ради Эрла Пула-младшего. У меня таких возможностей не было. В Джадсоне я делала блестящие успехи в сценическом мастерстве. Доктор

Хауэлл сказал, что я могла бы стать профессиональной актрисой, если бы пожелала, а он учил Таллулу Бэнкхед^[40] и талантливую актрису определял с ходу. Конечно, папа Таллулы все ей позволил, а мой меня на сцену не выпустил бы. Какая досада, вот правда, – мне всегда было интересно, что бы из меня вышло. Кто знает, чего б я добилась, если бы мне дали следовать природному дарованию. Может, со сцены – напрямиком в кино, однако я вышла за твоего отца и удовлетворилась ролью простой домохозяйки.

– Мама, ты никогда не была простой домохозяйкой.

– Да вот была. Готовила, убирала, растила двоих детей, и кто же это был, если не я?

– Мама, ты никогда не готовила и не убирала.

– Ну, я за всем присматривала, да и вообще не в этом дело. Я потому тебя и подталкивала становиться кем-то. Но у тебя сроду не было амбиций, и я этого не понимаю. Ты же приходишь из старинного рода вожаков. Твоя прабабушка единолично спасла семейный очаг от янки, а тебя устраивает просто сидеть весь день дома да возиться с птицами. Тебе скоро шестьдесят, а чего ты достигла? Я тебе говорила не раз и не два. Тебе надо думать о долге перед Симмонзами – и хотя бы попытаться добиться чего-то, чем можно гордиться, пока не поздно.

Сьюки слышала эту речь раз сто, но сегодня она явно была лишней.

– Мама, прекрати, а? Вся эта дребедень про Симмонзов – полная чепуха, и ты это знаешь! – Сьюки сама ошалела от своей вспышки.

Ленор тоже оторопела и долго смотрела на Сьюки, после чего сказала:

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Ты сегодня, очевидно, сама не своя, и потому я еду домой. – Ленор встала, вышла вон и уселась в машине дожидаться.

Сьюки, все еще несколько потрясенная, заплатила по счету и в полном молчании отвезла мать домой. Когда подъехали, Ленор выбралась из машины и сказала:

– Когда и если вернешься в чувство – позвони мне.

Сьюки было до того тошно от своего срыва на мать, что она тут же набрала номер доктора Шапиро, и тот согласился на внеочередную встречу. Однако не нашел в ее поведении ничего тревожного.

– Вполне ожидаемо, – сказал он.

Сьюки понимала, что подобное поведение может быть ожидаемым где-то еще, но не в Пойнт-Клиэр, Алабама, и хоть от огорчения, хоть нет, но на публике она голос никогда не повышала. Леди так себя не ведут, да и кроме того, она замужем за стоматологом, ей полагается держать марку.

Рождество

Пуласки, Висконсин 1941 год

Мамуля расстаралась. Она, как обычно, напекла «оплаток» – польских рождественских вафель, но Рождество в 1941-м все равно выдалось унылым. И все песни о мире на земле и благоволение в человецех, что играли между мрачными военными новостями, звучали в этом году чуточку неискренне. Всю страну, казалось, заботит только одно. Каждая крупная компания Америки переобустраивалась, мобилизовывалась и собиралась с силами, чтобы вложиться всеми ресурсами в военный успех. Всем хотелось сделать хоть что-нибудь для победы в войне, чтобы мальчишки вернулись домой.

Фрици дома пробыла всего месяц, и тут проявилась старая подруга семьи, медсестра Дотти Фрэйкс, инспекторша уборных, и сообщила, что назавтра уходит в отпуск из «Филлипс Петролеум» и собирается податься в военные медсестры. После плотного обеда папуля вернулся к работе, а мамуля с дочками прибрались в кухне. Дотти предложила помощь, но мамуля отказалась:

– Нет, вы обе отдыхайте.

Дотти встала и сказала:

– Давай-ка, Фрици, посидим в гостиной, потрепемся о том о сем.

В гостиной Дотти хорошенько закрыла сдвижные деревянные двери и озабоченно взглянула на Фрици:

– Давно ли твой отец вот так кашляет?

– О, порядком, думаю. Он сильно простудился. А что?

– Не хотела тревожить твоих мать и сестер, но не нравится мне этот кашель.

– В смысле?

– Я работала в больницах и знаю, что такой кашель значит.

– Ох... и что же?

– Ему нужно поговорить с врачом – и чем скорее, тем лучше.

В тот же вечер Фрици попыталась уломать отца показаться врачу, но тот сказал:

– Ох, Фрици, не могу я бросать станцию из-за всяких глупостей. Ты же знаешь, как нам сейчас не хватает рук. Я в порядке. Завтра будет лучше.

Она положила ему руки на плечи и взмолилась:

– Пожалуйста, папуля. Ради меня.

Он рассмеялся:

– Если не поправлюсь через неделю – схожу. Честно.

Только вернувшись к родителям, Фрици заметила, каким тощим и усталым отец выглядит, но, взяв его за плечи теперь, почувствовала одну кожу да кости.

Как же не хотелось ей так поступать с папулей, но все-таки пришлось передать мамуле, что сказала Дотти, – может, мамуля ему втолкует. Не успела она договорить, как мамуля уже сбросила фартук, натянула шапку и пальто и зашагала к двери автозаправки. А еще через пять минут они с папулей были в городе, у доктора Реншоке. Мамуля – жена старомодная и мужу не перечила ни в чем. Кроме этого.

Анализы подтвердили диагноз, которого опасалась Дотти, – прогрессирующий туберкулез, и лечить его надо немедленно. Но когда врач взялся рассказывать о разных лечебницах, специализирующихся на туберкулезе, Станислав взбунтовался:

– Дайте мне просто каких-нибудь лекарств. У меня дело простаивает.

– Станислав, вас для дела в живых не будет, если не станете меня слушаться. Отправляйтесь домой и ложитесь в постель, отдыхать, пока мы с Ленкой решим, куда и когда вы поедете.

Станислав послушался, и главным на автозаправке стал его девятнадцатилетний племянник Флориан. Через три дня Станиславу организовали поездку в лечебницу. Труднее всего оказалось его туда доставить. Все поезда и автобусы заняли военные, добравшиеся в свои части. И тогда Фрици позвонила в Грэнд-Рэпидз одному из с Билли приятелю по цирковым временам, тот прилетел и забрал папулю в Хот-Спрингз, Арканзас. Бедный папуля. Он улетал с двумя комплектами чистых пижам, с целым чемоданом колбасы и четками, которые Софи сунула ему в карман. Когда самолет поднялся в воздух, мамуля, никогда не расстававшаяся с ним даже на одну ночь, стояла и плакала в фартук и не знала, увидятся ли они снова.

Час от часу не легче: Флориана вскоре тоже призвали, как и папулиного механика. Еще один парень, которого они только-только наняли в помощь, уволился – ушел работать в Стёрджен-Бей, там платили больше, и мамуля совсем испереживалась.

Через неделю, когда Фрици вернулась домой с работы, мамуля пришла к ней в комнату, закрыла за собой дверь и сказала, что получила от какого-то человека из Ошкоша предложение о выкупе станции.

Фрици оторопела от одной мысли, что мамуля вообще может думать о продаже.

– Нельзя, мамуля.

– Но, Фрици, что мы будем делать, когда Флориан и остальные ребята уедут? Нам придется закрыться. Некому будет работать. Как подумаю, сколько папуля трудился ради этого места... это его точно убьет.

– Нельзя продавать, мамуля.

– Фрици, а счета за больницу? Станцию придется закрыть. Кто знает, сколько папуле еще быть не с нами или сколько война продлится. А нанимать-то некого – мужчин не осталось. Все уйдут – либо в войска, либо на заводы. У нас нет выбора.

Фрици ответила:

– Есть.

– Что?

– Станцию буду вести я!

– Ох, Фрици, сама? У тебя не получится.

– Нет, не сама. Всей семьей – все кто есть. С готовкой тебе помогает Энджи, а Хертруд, Тула и Софи будут помогать мне.

– Но, Фрици, как можно девичьими силами держать автозаправку? Никто к нам не будет ездить.

Стоило мамуле сказать это, как что-то сомкнулось в голове у Фрици и она сказала:

– Ты, мамуль, погоди – сама увидишь.

Вскоре Фрици созвала на кухне совет всех девчонок и поделилась замыслом. Сестры отнеслись с некоторым недоверием.

– Мы же не знаем, как чинить мотор или что там в карбюраторе и всякое такое, – возразила Хертруд.

– Зато я знаю.

Тула вставила:

– Но это же грязюка. Я не хочу вся промаслиться.

– Да ну же, девчонки. Нельзя нам подводить ни мамулю, ни Винка. Мы все понемногу работали на станции, чего не умеем – тому научимся. Флориан не уедет еще пару недель. Научит вас, чему надо, а я – всему остальному. У нас получится, я знаю. Ну, что скажете?

Сестры повернулись к мамуле:

– Что думаешь, мамуль?

Та ответила:

– Я думаю, надо вам слушать, что Фрици говорит. Она у нас теперь глава семьи.

На следующий день Фрици подала заявление об уходе с консервной фабрики. Вечером зарылась в документы по станции и нашла старые папулины инструкции со времен его обучения на курсах автомехаников. Засела за бумаги на всю ночь. Вроде ничего сложного. Нужно просто следовать инструкциям:

1. Приветствие, мойка лобового стекла.
2. Заправка бензином.
3. Проверка радиатора, проверка масла, проверка аккумулятора, проверка давления в шинах – включая запасную, проверка смазки, чистка пылесосом (по требованию).
4. Детализированный расчет, доброжелательное прощание, благодарность за пользование услугами.
5. Обслуживающий персонал всегда опрятен и чист, ногти, форменная одежда и т. д.

«Да запросто», – подумала Фрици. Ничего сложного. Большую часть всего этого она и так знала.

Девчонкам потребуется форменная одежда, и мамуля достала все старые форменные штаны и рубахи папули и Винка и подогнала их на сестер. И даже для пущей красоты каждой на рубахе вышила красным слова: «Привет, я Фрици», «Привет, я Гертруд» – и так далее.

Фрици более-менее разобралась, как организовывать командную работу, еще по старому «Воздушному цирку» и разработала план. И уже к концу недели каждая получила свой набор обязанностей.

Туле поручили работу механика. Гертруд, самая сильная, будет менять колеса и накачивать шины. Фрици – заливать бензин, лазать под капот и водить тягач, если потребуется. Софи хорошо давалась математика, и потому ей место за кассой. Внутри продавались сласти, картофельные чипсы, холодные напитки, горячий кофе и мамины колбаски, домашние сэндвичи и выпечка. А еще у них можно было купить мелкие безделушки, брелоки, фонарики, стеклянные пепельницы и игрушки и взять бесплатно дорожные карты и открытки.

Уже через три недели Фрици и ее сестры, облаченные в новенькие формы, шляпки и симпатичные черные галстуки-бабочки, были готовы начать. Стоило пойти молве, что автозаправку теперь держат четыре сестры-красотки, как дело пошло в гору. Воздушные представления научили Фрици рекламе, и вскоре в местных газетах замелькали

объявления с фотографией четырех улыбчивых девчонок на фоне автозаправки и текстом:

БУДЕТЕ В ПУЛАСКИ – ЗАЕЗЖАЙТЕ
НА «ФИЛЛИПС-66 ВИНКА»
ДЕВИЧЬЮ АВТОЗАПРАВКУ
На бензоколонке только девушки

Они организовали на трассе указатели: логотип их автозаправки, а под ним обращение:

*Автомобиль хворает?
Дайте мы его поцелуем, и все пройдет.
Автомобиль испачкался?
Дайте мы его помоем, как дома.
Самые симпатичные автомеханики штата
Висконсин.
Вернем искру вашим свечам.
Свежий кофе, сэндвичи, домашние сласти и
польские колбаски.
Мамочки, сменим вам дворники, а вашей детке –
подгузники.*

В качестве дополнительной приманки Нард Танаваски, ухажер Гертруд, перед тем, как уйти на флот, подсоединил проигрыватель к четырем здоровенным уличным звукоусилителям. С тех пор над автостанцией весь день играл свинг в исполнении джазовых оркестров. Холодными зимними днями стало хоть чуточку веселей.

Девичья автозаправка набирала популярность: водители-дальнобойщики вдруг стали в обязательном порядке пролагать свои маршруты через Пуласки, а у многих автолюбителей от Грин-Бея и аж до Мэдисона загадочным манером в машинах вдруг возникали неполадки.

Автомобили, битком набитые ребятами и девчонками, вместе ехавшими на фабрики, заезжали заправиться перед работой. Музыка, да и четыре девчонки с широкими улыбками делали их счастливее. А вскоре начали появляться и здоровенные лесовозы, перебиравшиеся через канадскую границу, – только глянуть.

Фрици втайне беспокоилась, справятся ли сестры, но те, к ее удивлению, резво взялись помогать. И пусть Софи Мари все еще немного

смущалась, она была красотка, а потому – серьезный ресурс. Ничто так не содействовало продажам, как хорошенькая девушка, а на девичьей автозаправке их было четыре.

Дорогой Виник-Краник,

Ты наверняка уже знаешь, что станцией заправляют твоя покорная с сестрами, так что не волнуйся. Мы удержим бастион до того счастливого дня, когда ты вернешься и примешь ее назад насовсем. Надеюсь, вскоре.

Ясное дело, оставаться красоткой и ходить на свиданки с грязными ногтями и волосами, от которых несет бензином, непросто. Мамуля с Энджи готовят практически круглосуточно. Мы продаем колбаски с той же скоростью, с какой они их стряпают. А вот с нормированием сахара нет у нас теперь ни пончиков, ни каких других плюшек, и Гертруд поэтому печалится.

Целую,

Фрици

Р. S. Вести от Билли. Он в Пенсаколе тренирует морских курсантов, говорит, они его пугают до чертиков. Я, понятно, по нему скучаю и хотела бы сегодня сидеть во Флориде на солнышке, это уж точно. Шлю тебе фотокарточку нас четверых, сняли на станции для газеты. Правда, мы миленькие?

«Вафельный дом»

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сидя в кабинке № 4, Сьюки крепко задумалась, а потом склонилась к собеседнику и сказала:

– Доктор Шапиро, я понимаю, ей не хотелось бы, чтобы я знала о своем удочерении, но все эти годы она не только мне, но и моим несчастным детям твердила, какое везение, что мы Симмонзы. Это все вранье, и она в итоге поставила нас в ужасное положение. Не могу я сказать Дочерям Конфедерации и «Каппам», что мы с Ди Ди – ненастоящие Симмонзы, так, чтобы Ленор об этом не узнала. Терпеть не могу притворяться, но и ее огорчать не хочу. Вы меня не знаете, но я никогда еще так ни на кого не злилась, и от этого мне очень худо, но как это преодолеть, я просто не знаю. Ума не приложу.

– Ну, для начала, как мы уже выяснили, ваш гнев и обида на мать совершенно естественны, и, да, поступать так с ребенком – ужасно, но, думаю, вам станет легче от мысли, что, вероятно, она вела себя так ненамеренно. Представьте человека, родившегося без ступни. Иными словами, вашей маме недостает чего-то – способности видеть и чувствовать за пределами самой себя, сопереживать другому человеку, даже собственным детям. В большинстве случаев такие люди не догадываются об этом в себе.

– Может быть... но я по-прежнему не понимаю, как она могла врать мне все эти годы.

– Я бы не сказал с уверенностью, что это ложь, – по крайней мере, для нее. Вы сами говорили, что если ваша мама во что-то верит, факты не имеют никакого значения.

– Да, верно. Она убеждена, что приходится родственницей английской королеве.

– Именно. А иногда подобное бредовое мышление – эдакий вывихнутый инстинкт выживания. Что вы знаете о ее детстве?

– Немногое... ее растила бабушка. Ее мать умерла родами, и Ленор говорила, что в детстве папа почти не появлялся дома. Он был сенатором штата и едва ли не все время проводил в Монтгомери.

– Понятно. А о своей матери она рассказывала?

– Всего раз...

– Один?

– Да.

Уходя из «Вафельного дома», Сьюки осознала нечто странное. Уж насколько Ленор с ума сходила по фамильной истории Симмонзов, она никогда ничего не говорила о своей матери – откуда она, во сколько лет умерла. Ее имени даже не было в семейной Библии. И когда бы Сьюки ни заводила о ней разговор, Ленор ясно давала ей понять, что разговор этот нежелателен. Ленор не поминала мать вплоть до того единственного дня, когда родились близнецы. Сьюки вымоталась и желала только одного – не выбираться из постели, отдохнуть, но Ленор вломилась к ней в комнату и распахнула ставни.

– Пришла тебя порадовать. Ты сейчас встанешь, и мы пойдем обедать.

– Мама, не сегодня, пожалуйста.

– Тебе после этого будет существенно лучше.

– Но мне не хочется. По-моему, я никогда больше не захочу вставать.

– Ой, ну что ты как маленькая. Я твоя мать, и ты должна меня слушаться. Это хамство – не слушаться мать. Кроме того, я же всегда бываю права. Тебе повезло – твоей матери не все равно. И не забудь: ты производишь из старинного рода военных вождей, а мы всегда наступаем. Никогда не пятимся.

Этот разговор происходил между ними много раз, но в этот день прямо посреди беседы взгляд у Ленор вдруг сделался до странности рассеянным – такого Сьюки у нее никогда прежде не видывала. Словно мать внезапно что-то вспомнила. А затем она сказала печально:

– О, Сьюки, ты просто не представляешь себе, каково это – расти без матери. Я даже завидовала несчастному белому отребью, этим исполицкам, что жили в селах. Нищие, зато с матерью. Была мне дана жизнью возможность, и я ее упустила, а уж если упустила... – На долю секунды Сьюки показалось, что у матери на глаза наворачиваются слезы, но Ленор быстро сменила тему.

Сьюки попыталась вытянуть из нее еще хоть что-нибудь, но Ленор сказала:

– Не о чем тут больше говорить, кроме того, что вам с Баком надо пасть на колени и благодарить счастливую звезду за то, что у вас есть я. Ничто так не уязвляет, как неблагодарное дитя, знаешь ли. А теперь вылезай из постели и оденься во что-нибудь понаряднее. Поедем обедать – и никаких «если», «и» или «но». Жизнь ждет тебя за порогом, моя девочка, и в постели ты ее не профилонишь.

Пуласки, Висконсин

Фрици совсем недавно вернулась домой, но вскоре обнаружила, что старушка Гасси Минц еще тогда, в Грэнд-Рэпидз, была права. Полеты вошли ей в кровь, и, как ни урабатывайся на станции, внутри было неприкаянно. Она скучала по Билли, но вокруг все еще толклось сколько-то симпатичных парней, работавших на оборону. А рыжий здоровяк-ирландец Джо О'Коннор из Мэнэтоуока, вечно пытавшийся выманить ее на свиданье, и *впрямь* шалопаем был симпатичным. Он ей очень нравился, но она не влюбилась, а к тому же совсем не стремилась замуж или, того хуже, рожать детей. У них с Билли слишком много дел будет после войны, но Джо отлично танцевал, а ей совершенно не претило слегка развлечься. В конце концов, она видала Милуоки и знала правду жизни. К тому же Билли говаривал: «Жизнь слишком коротка для сожалений».

Шли дни, и автозаправка в Пуласки стала центром сбора помощи фронту. Дяде Сэму требовались все мыслимые припасы для войск. Чтобы подстегнуть всеобщее рвение, Фрици учредила целовальную кабинку, и за все, что могло понадобиться Дяде Сэму, от охапки бумаги до жестянок, даритель получал поцелуй одной из девчонок. И, как и все прочие автозаправки, их станция была официальным пунктом сбора резины, и все окрестные ребята ради назначенной награды тащили любую резину, какую только могли найти, – от старых покрышек до водяных шлангов, от затычек для ванн до прокладок для стеклянных консервных банок. Один так хотел поцелуя от девчонок, что утащил у жены резиновый пояс и принес на станцию, и миссис Луцак осталась страшно недовольна. Она пришла на автозаправку, забрала пояс и сказала:

– Фрици, я такая же патриотка. Но пояс мне *нужен*.

В тот вечер мамуля уселась, как обычно, писать мужу в лечебницу.

Дорогой папуля,

Мы по тебе скучаем, но знаем, что ты занят выздоровлением, и ждем не дождемся твоего возвращения. Ой, папуля, ты б так гордился своими девочками. Они все работают не жалея сил, чтобы мы выиграли эту клятую войну как можно скорее и Винк и все ребята смогли вернуться по домам. Дочки такие взрослые. Даже Софи Мари теперь совсем другая

девочка. Она осознала, какая она хорошенькая. Все мальчишки хотят ее поцелуя, но она по-прежнему все та же хорошая девочка, никогда не пропускает службу. Хотела бы я сказать то же про остальных, но, знаю, Бог простит им, что они спят по воскресеньям. Они так тяжело работают всю неделю. Чуть не забыла: добрые новости о Фрици. Она стала гораздо больше встречаться с тем милым юношей-ирландцем, про которого я тебе говорила. Молюсь, чтоб у нее все эти возждения самолетов выветрились из головы, чтобы она вышла за него и осталась дома. Получили сегодня милое длинное письмо от медсестры Дороти Фрэйкс. Она где-то за рубежом, говорит, так много наших бедных мальчиков убито и ранено, однако все сестры трудятся не покладая рук, чтобы спасти как можно больше. Отдыхай, папуля, и ни о чем не тревожься. У нас все хорошо.

Люблю,

мамуля

«Вафельный дом»

Пойнт-Клиэр, Алабама

На этой неделе у доктора Шапиро отменился пациент, и они назначили встречу раньше обыкновенного. Джуэл приветствовала их радушной улыбкой:

– Вот и вы к нам опять. Два кофе?

Доктор Шапиро ответил:

– Да, а еще, может, у вас и бублик найдется?

– Что?

– Бублик. – По выражению ее лица он понял, что бубликов у них нет, и попросил: – Тогда давайте английскую булочку.

– Хорошо. А вам, миссис Пул?

– Ничего, спасибо, Джуэл. Я только что завтракала.

Джуэл ушла, и доктор Шапиро спросил:

– Как вы?

– О, получше вроде бы, но стоит Ленор опять начать про Симмонзов, как я едва сдерживаюсь. Каждый раз вспоминаю все эти годы и как мне было от этого худо. Эта женщина вечно мне все припоминает. Все говорит и говорит о том, что я делала не так.

Доктор Шапиро ответил:

– Понимаю вас, но, знаете, это все типично для поведения вашей матери.

– Но потом мне начинает казаться, что я сама запоминаю только плохое.

– А можете вспомнить о своей матери что-нибудь хорошее?

Сьюки покопалась в памяти, но без толку.

Джуэл принесла кофе и булочку.

– Спасибо, – сказал доктор Шапиро.

Сьюки добавила в кофе сливки и подсластитель, нахмурилась.

– Хм-м... хорошее. Ну, у меня чудесные отец и брат, а в старшей школе мой класс стал чемпионом штата по футболу.

– Нет, именно о матери.

– Ну, с Ленор никогда не бывало скучно, я бы сказала. И она забавная. Надо признать, она умеет говорить и делать потешнейшие вещи. Когда у нас с Баком в детстве выпадали зубы, мы клали их под подушку – чтобы

нашла зубная фея, а Ленор всегда облачалась ею, надевала высокую шляпу и брала волшебную палочку, приходила к нам в комнату, танцевала, пела дурацкую песенку и оставляла нам под подушкой подарок. Помню еще, как было приятно, когда все нам с Баком говорили, что у нас самая красивая мама на всю школу. И от нее всегда чудесно пахло. Как-то раз, когда мне было четыре или пять лет, я ужасно разболелась, с температурой, и помню, как она всю ночь просидела у моей постели, гладила по голове. Я просыпалась, а она всякий раз была рядом. И приговаривала: «Не волнуйся, мама здесь». – Тут вдруг у Сьюки навернулись слезы, и она застеснялась и схватила салфетку. – О боже, извините меня. Не понимаю, с чего плачу.

– А вы как думаете, с чего?

– Наверное, вспомнила, как была счастлива просыпаться – а она рядом. Ужасно жалею, что так ее разочаровывала. А у вас, доктор Шапиро, было счастливое детство?

– Давайте вернемся к вашему последнему замечанию – о том, что вы разочаровывали свою мать. Ваш брат ее тоже разочаровывал?

– О да, но по-другому. Ей не очень понравилась Банни – девушка, на которой он женился.

– А до этого? Когда вы были младше?

– Она его более-менее не трогала. Думаю, загвоздка была именно в том, что я девочка, и она хотела бы, чтоб я была как она, а я не могла. И теперь мы знаем почему.

– А если бы у вашей мамы была родная дочь, думаете, она бы дотянула до ее ожиданий?

– Думаю, да. Да.

– Как?

– Ну, она, возможно, была бы и красивее, и умнее. Волосы б вились. Вероятно, у нее был бы талант и уж точно больше амбиций.

– Или ничего из этого. Одно лишь кровное родство не гарантирует наличие всех этих качеств. Вам никогда не приходило в голову, как Ленор с вами повезло? Меня поражает, как вы получились такой сильной и здравомыслящей.

– Я? Не чувствую я себя сильной...

– А с чего бы? Ваша мать сформировала у вас неверное мнение о себе самой, и вы, естественно, с ней согласились. Дети всегда считают, что их родители правы. Но в данном случае ваша мать совершенно не права. Задумайтесь. Ваша мать – властная личность, однако вы ухитрились создать устойчивый брак и вырастить четверых детей.

Сьюки ответила:

– Ну да, наверное. И – постучим по дереву – ни один не сел на наркотики, насколько я знаю. Уже кое-что, правда?

– Конечно. Вы, может, не тот человек, какого хочет видеть ваша мать, но вы – это вы. И наша задача – отделить зерна от плевел и разобраться, кто вы, а не тот человек, которого в вас мнит ваша мать.

Сьюки преисполнилась озабоченности и спросила:

– Ой, а мне надо будет вести дневник?

– Нет, если только сами не захотите.

– Нет. Мне нравится разговаривать.

– Хорошо. В это же время на следующей неделе?

– Буду здесь.

В тот вечер Сьюки позвонила Дене.

– Прости. Я знаю, что обещала, но на встречу «Капп» в этом году не приеду.

– Ох, ну вот. Почему?

– Ну, во-первых, я не смогу никому в глаза смотреть, зная, что я самозванка.

– Ой, Сьюки. Ты же знаешь, что это неправда.

– Да хоть бы и так. Я сейчас не могу уехать. Мне нужно встречаться с доктором Шапиро, бедняжка он. Такой славный, и, вот честно, Дена, думаю, я – его единственная пациентка, не могу подвести человека. Он на меня полагается.

Девичья автозаправка

Пуласки, Висконсин

Той весной, когда работы на станции прибавилось, Гертруд и Тула придумали, как можно ускорить обслуживание клиентов. Они представили свой замысел Фрици, и та его одобрила.

Теперь Гертруд и Тула в ту же минуту, когда машина вкатывалась на заправку, выпархивали в миленьких шляпках и коротких юбках с оборками из здания станции на роликовых коньках и, пока Фрици заправляла автомобиль, мыли все окна, фары и номера быстрее чем за две минуты. А иногда, если мальчики в машине им нравились, добавляли к своим пируэтам еще поворот-другой и, пока мыли, ездили задом.

Мамуля, наблюдая за этим из окна, как-то раз сказала Фрици:

– Тебе не кажется, что вот так кататься – некоторый перебор с выпендрежем?

– Нет, не кажется.

Мамуля рассмеялась:

– Ну еще бы.

– Зато клиенты так и валят.

– Как считаешь нужным, Фрици. Не знаю, что б мы без тебя делали. Если со мной или папулей что-то случится, могу помирать спокойно, потому что уверена – ты позаботишься о девчонках.

– Само собой, мамуль.

– Но мне тревожно, что ты всю ночь спишь на станции. Ты уверена, что так надо?

– Уверена, уверена. Не волнуйся ни о чем, мамуля.

Фрици ей этого не сказала, но сама-то понимала, что кататься по станции на роликовых коньках опасно. Тула как-то выскочила из домика автозаправки под «Горниста буги-вуги»^[41] с тряпкой в руках и въехала в масляную лужу. Ко всеобщему изумлению, она прокатилась под здоровенным восемнадцатиколесным тягачом, вылетела с другой стороны и оказалась на той стороне улицы. Как ни в чем не бывало вернулась на станцию и закончила мыть стекла «пакарду».

Невзирая ни на какое свое нытье поначалу, Гертруд и Тула полюбили работать на автозаправке. Дружок Гертруды Нард сделал ей предложение письмом, она ему ответила согласием и потому с мальчиками не

встречалась, а все Тулины дружки ушли в армию, так что заняться, кроме работы, было, в общем, нечем. А вокруг Фрици постоянно происходило веселье, включая пятничные танцы на большой платформе рядом с их станцией. Как-то раз Фрици притащила из самого Мэнэтоуока, Висконсин, Квирена Колбека и его «Оркестр апельсинового сока», и они сыграли в кузове грузовика; в ту ночь город Пуласки продал больше облигаций военного займа, чем любые пять городов вместе взятых, и все этим страшно гордились.

По большей части девочки плясали джиттербаг с девочками, но и ребят сколько-то все же явилось – из тех, кто работал на ближних фабриках, а также из береговой охраны в бухте Стёрджен. Бывало, музыка играла далеко за полночь, но никто в городе не жаловался. Все работали изо всех сил и заслуживали хоть каких-то развлечений. Даже монахини из церкви Святой Марии приходили посидеть с мамулей на крыльце и поглядеть на увеселения.

Все были заняты. Когда мамуля с Энджи не возились со стряпней, они скатывали бинты для Красного Креста или занимались «огородом победы»^[42] за домом. В свободное время все девчонки писали военнослужащим и слали посылки с доброй польской едой всем ребятам из Пуласки.

Младшая, Софи Мари, только-только закончила школу и все никак не могла определиться с занятием. Ей казалось, в ней есть религиозное призвание, и собиралась пойти в монастырь немедля, но понимала, что нужна девчонкам – помогать на станции. Когда сестра Мэри Патриша сказала, что ей придется дожидаться Винка с войны и передать ему дела, Софи Мари расплакалась. Сестра Мэри Патриша отнеслась с пониманием.

– Софи, может, все к лучшему, – сказала она. – Я приняла монашество в семнадцать и, конечно, не жалею о своем решении, но часто думаю, что надо было мне чуть подольше пожить в миру. Это помогло бы мне разобраться, каково это – быть девушкой. И иногда лучше служить Ему, служа семье и стране.

Фрици ничего не говорила – не хотела портить ребенка, – но сама радовалась, что Софи пока остается. Клиентам она очень нравилась. И Фрици знала, что после войны никому из девчонок станцией уже не заниматься. Кроме того, у Софи вся жизнь впереди, еще успеет побыть монахиней, так чего бы не порезвиться, пока можно? Одна только незадача: рядом с Софи Фрици приходилось выбирать выражения, а ее это бесило. Ну нравилось ей сыпать ругательствами и шокировать водил грузовиков.

Все девчонки Юрдабралински, включая мамулю и Энджи, сбивались с

ног с утра до ночи, но за Винка все равно волновались. От него уже некоторое время ничего не было слышно. А когда наконец пришла от него микропленка, у них так отлегло от сердца, что они позвонили папуле в Хот-Спрингз и прочли ему сообщение прямо по телефону.

Дорогая семья,

Знаете что? Пишу вам письмо с военного корабля. Всю нашу часть отправляют за океан. Не ведаю пока, куда именно, но, уверен, Дяде Сэму известно, где от нас будет больше всего пользы.

Океан – это что-то. Я не знал, что на свете бывает столько воды. Ребята порядком страдают морской болезнью, но я пока ОК. Вот бы сюда мой спиннинг. Тут небось здоровенная рыба всюду плавает. За меня не беспокойтесь. Я в надежных руках, харч сносный. Не мамулин, конечно. Думаю, эта война скоро кончится, и я вернусь домой, глазом не успеете моргнуть.

Целую,

Винк

P. S. Вот вы молодцы, девчонки, что занялись станцией, пока нас с папулей нету. Я показал ребятам в части вашу фотографию, и они все говорят, что у меня сестры что надо. А еще и красотки. Кое-кто даже собрался после войны в Пуласки, повидать вас живьем.

Пуласки, Висконсин

Дорогой Винк,

Не знаю, где ты теперь, но мы по тебе страшно все скучаем, друган. Мамуля все ставит за тебя свечку в церкви, и они с Софи никогда ни одной службы не пропустили, так что в этом смысле ты в надежных руках.

Хотелось бы только, чтоб и ты сам за собой приглядывал. Понятно, ты уже большой мальчик, но уж извини. Ты по-прежнему младший братик мне, и, несмотря ни на что, я тебя вообще-то люблю, так что давай не геройствуй особо. ОК?

Фрици

Р. С. Папуля вроде скоро вернется. Только не слишком скоро, надеюсь. Тут вчера было минус восемь, насосы опять замерзли. Ну ладно, мне пора. Следи за собой хорошенько, Винк. Мы тобой так гордимся... и врежь от меня фрицам как следует, ну?

С днем рождения

Пойнт-Клиэр, Алабама

Каждое утро Сьюки наполняла птичьи кормушки. Морить голодом синих соек ей не хотелось, но она скучала по мелким птичкам. Они не летели и к тем кормушкам, которые предназначались им. Ну может, иногда одна-две прилетали поклевать зернышек, выпавших на землю, но синих соек было все равно больше. Мистер Нэдлшафт из магазина «ПтицыНам» сказал, что у всех эта напасть, но никто пока не нашел от нее избавления.

Сьюки вернулась с заднего двора и услышала, что в кухне звонит телефон. В трубке раздалась песня – в исполнении Ленор:

– Я знаю одну малышку, у которой тридцать первого большой день рождения.

Сьюки хотелось спеть в ответ: «А вот и нет», но она не стала.

– Что мы в этом году будем делать, хочу я знать? Ты уже подумала? Я-то наметила, куда нам надо пойти.

– Мама, я подумала и ничего в этом году делать не хочу. Пропустим.

– Что? Пропустим твой день рождения? Не глупи.

– Я не глуплю. Хочу просто быть с Эрлом и провести с ним тихий вечер дома.

– Тихий вечер дома? В день рождения? Сьюки, что вообще с тобой такое? Ты, что ли, пьешь? Клянусь, ты день ото дня все страннее. Можешь тихо сидеть дома с Эрлом когда хочешь, но день рождения ты не пропустишь, ради всего святого. Да и вообще это не только твой день. Я тебя родила. Так что не вынуждай меня заявиться и устроить тебе трепку. Кроме того, я уже написала уморительнейший стих и положила его на музыку. «Розы красны, зеленеют листья, сорок восемь часов – и вот она ты!» Ну и так далее, долго.

Тысяча остроумных ответов немедля пришла Сьюки в голову, но что толку? Что бы она ни сказала, эта женщина вознамерилась длить ложь вплоть до своей могилы.

– Сьюки, ты меня слушаешь?

– Да, мама.

– Думаю, в этом году надо устроить вечеринку у меня на пирсе.

– Ясно. Ты будешь готовить?

– Конечно, нет. Всё закажем. И давай начинай думать, кого хочешь

позвать.

Наверное, придется и дальше подыгрывать матери. Она пока не понимала, как ей быть, и ссориться с Ленор ей все еще не хотелось. Опять придется отпраздновать неправильный день рождения. О господи, ну дела.

Сьюки оказалась в странном положении. Она была признательна Ленор за то, что та ее удочерила, но вместе с тем знала, что она – не Симмонз, и притворяться дальше было нелегко. Сьюки мотало между благодарностью к Ленор и желанием ее убить, но, как говорил доктор Шапиро, это естественно. И тем не менее слушать, как Ленор без умолку болтает про то, до чего она гордится, что у Сьюки маленькие изящные симмонзовские ступни, давалось ей с трудом.

У самой Ленор уже давно не было никакой симмонзовской ступни. Она просто не догадывалась об этом. Ленор с ее суетностью до очков не снисходила, и потому, когда Сьюки возила ее по магазинам и Ленор просила показать туфли шестого размера, она тихонько шла на склад и просила ту же модель, но седьмого с половиной. Такая вот маленькая святая ложь, но Сьюки знала, что только так Крылатая Ника не устроит скандала и не расскажет всем, что у них все неправильно. Стоило Ленор во что-то поверить, ее не разубедишь.

Ленор также считала, что совершенно самодостаточна, но и это не было правдой. Ленор не ездила бы на сеансы водной терапии, если бы дала установить у себя ванну с калиткой.

– Это для инвалидов, – сказала она, после чего упала, выбираясь из своей ванны, потеряла сознание, чуть не сломала бедро и в итоге загремела в больницу. Очнувшись в палате, Ленор подумала, что умирает, обзвонила всю семью и сказала, что, если они хотят видеть ее живой, пусть немедленно приезжают. – Я сомневаюсь, что доживу до утра, – заявила она.

Дети побросали дела и помчались домой из колледжа, а Бак и Банни прилетели аж из Северной Каролины. На следующий день, проснувшись живой, Ленор обратила взор на Сьюки и сказала:

– Сьюки, звони Джо Эллен и скажи ей, чтоб пришла сюда и сделала мне прическу, а еще вели санитарам полить тут цветы.

В тот вечер, когда все уехали домой, Сьюки спросила ее:

– Мама, ты понимаешь, сколько наделала неприятностей? Всех напугала своим звонком до полусмерти. Картер чуть не разбился по дороге сюда, лишь бы не опоздать.

Ленор ответила:

– Так это же удача, что я выжила, а вот если бы померла, они бы все

тут понадобились. – После чего добавила: – Боже милосердный, Сьюки, такое ощущение, что тебе *жалко*, что я не умерла.

– Я не это имела в виду, мама, и ты это знаешь.

Но Ленор не слушала.

– Мне что-то не нравится эта палата. Сьюки, сходи вниз и попроси что-нибудь с видом получше.

Авария

Пуласки, Висконсин

Работа на автозаправочной станции – штука всерьез небезопасная. Бензин легко воспламеняется. Колпаки слетают и могут ударить в лицо. О перегретый двигатель можно обжечься. Покрышки могут рвануть, если их перекачать. А капотом при невнимательности можно перебить себе пальцы.

Фрици сто раз говорила девчонкам, чтоб не отвлекались ни на что, когда работают. Пока на станции произошла всего одна авария. И разумеется, не без участия мужчины.

Тула вся трепетала: Арти Ковалиновски, симпатичный дылда из школы Пуласки и звезда футбола, приехал из армии на четырехдневную побывку. И – восторг-восторг! – позвал ее в пятницу вечером в кино. Он-то не знал, что Тула все средние и старшие классы исписывала свои девичьи дневники словами «миссис Арти Ковалиновски» и каждую ночь смотрела о нем сны. Но вот он впервые позвал ее на свиданье, и она была на седьмом небе. Тула еще даже не сходила на это свиданье, но уже слышала звон подвенечных колокольцев и начала сочинять себе наряд. Что-нибудь такое из белого тюля, думалось ей.

В тот вечер, в четверг, она несколько часов мыла голову и не раз, пытаясь отбить запах бензина, выскребала машинное масло из-под ногтей и подбирала облачение. Наутро, не желая поцарапать ни один свеженакрашенный ноготок, явилась на работу в здоровенных толстых рабочих перчатках.

И настолько она весь день была в тумане, что Фрици с трудом заставляла ее вообще хоть что-то делать. И Туле не понравилось, когда ближе к вечеру на станцию въехал громадный черный «шеви» 1936 года с барахлившей коробкой передач. Тула хотела отложить его до завтра, но Фрици не позволила. Тула была старшим механиком, и пришлось ей, ворча, вкатываться под машину на деревянной тележке, но перчаток она все равно не сняла.

Тула была отличным механиком, но в тот день думала только о своем свиданье с Арти Ковалиновски, а потому, лежа под машиной, открутила не тот клапан, и на нее вылилась пинта грязного масла пятилетней давности – прямо на лицо.

Она так заверещала, что мамуля услышала из дома. Первой добежала Гертруд и выволокла ее за ноги из-под машины – Тула фыркала и плевалась черным маслом.

А потом устроила такой вой, что приехали пожарные и полиция. Через пять минут она все еще истерила, а они вели ее, капающую маслом, в дом, чтобы там как-то отмыть.

Пять часов вечера, до свиданья – два. Она знала, что Арти уедет на следующий день и другой возможности может не выпасть никогда.

Но масло пропитало все: волосы, ресницы, попало в нос и уши. Даже после часа оттираний лицо у нее было странного серого оттенка. Они с мамулей трижды вымыли ей голову с «Оксидолом», но и после этого от нее воняло старым, испорченным маслом. Тула взглянула в зеркало и поняла, что все впустую. Не может она пойти так.

– Я похожа на дохлую крысу, – сказала она.

Через полчаса Арти Ковалиновски стоял у театра Пуласки, ожидая свою барышню, и тут вместо нее явились Фрици и Гертруд. Тула пригрозила, что убьет обеих, если они проболтаются, и они сказали просто:

– Тула не придет.

Он расстроился, но они все равно зашли вместе внутрь, купили попкорн и посмотрели фильм «Китти Фойл»^[43] с Джинджер Роджерз, а потом и мультик.

Пока они смотрели фильм, Тула сидела дома наверху, в громадной ванне на гнутых ногах, отмачивала волосы и оплакивала свою судьбу, жалуясь мамуле и Софи.

– Я умоляла Фрици, чтоб дала мне сделать эту работу завтра, но она же вся из себя начальник. Не разрешила. Сказала: «Нет, надо сделать сегодня». Ненавижу ее. Просто ненавижу.

– Ладно тебе, Тула, она ж тебе сестра. Ты ее не можешь ненавидеть. Это грех.

– Мне плевать. Арти Ковалиновски – единственный парень, которого я взаправду любила, а из-за нее я упустила единственное свиданье с ним. Он теперь, может, встретит другую девушку, а я останусь в старых девах. И это все она виновата.

Вернувшись вечером домой, Гертруд и Фрици поднялись к Туле; та, увывы, по-прежнему смотрелась серо.

– Мы тебе попкорн принесли, – сказала Гертруд. – И Арти велел тебе передать, что ты разбила ему сердце, не придя.

– Правда?

– Да, – подтвердила Фрици. – Мы ему дали твою фотокарточку, и он сказал, что будет на нее глядеть и думать о тебе каждый день, пока не вернется.

– Так и сказал? – переспросила Тула, потянувшись за попкорном.

– Ой да...

Наглое вранье, но Туле полегчало.

«Вафельный дом»

Кабинка № 7

При их следующей встрече доктор Шапиро оторвал взгляд от заметок и задал Сьюки неожиданный для нее вопрос:

– А что ваш отец?

– А что он?

– Я много чего слышал о вашей матери, но его вы не поминали.

– Правда?

– Да.

– Ой... ну, он был такой милый, боже его благослови.

– Он же видел, как ведет себя ваша мама. Неужели никогда не вмешивался?

– Нет. Но вы не знали папу. Он считал, что мама – чудеснейшая женщина на свете. А когда я жаловалась, как она мною помыкает, он говорил: «Ой, милая, я знаю, что ты не хочешь в этот клуб – или что-то там еще, – но она тебя туда пихает лишь потому, что очень любит и это для нее очень важно». Так что нет, особой помощи от него я не видела.

– И как вам это?

– В смысле, не злилась ли я на него? О нет. Что он мог поделать? У бедного папы во всем, что касалось мамы, было слепое пятно. Когда они встретились, она, очевидно, была первой красавицей всего бала... и, кажется, папа так никогда и не оправился от того, что мама вышла за него замуж. Каждый год, в годовщину их свадьбы, он ставил песню, под которую они танцевали на Балу старших офицеров... и они кружились по комнате.

– Иными словами, вы с братом росли с властной матерью и отцом, который либо почти, либо никак не заступался за вас.

По пути домой Сьюки размышляла над словами доктора Шапиро. И правда ведь. Ее отец видел, какая она несчастная из-за Ленор, и при этом ни разу не вступился. Злиться ей на Ленор или теперь на папу? Или на обоих? О боже. Ей не хотелось вообще ни на кого злиться. Что-то внутри нее противилось вот этому нытью о детстве. Стыдно, вообще-то, в ее годы. Но доктор Шапиро сказал, что это важно. И все же ей было жутковато, будто она делала что-то скверное, выдавая секреты Симмонзов, а секретов-то хватало.

Симмонзы, как и многие семьи Юга, потеряли на войне все – им остались только гордость да басни о «славном прошлом». Бабушка Сьюки рассказывала ей, как ее мать Сара Джейн Симмонз, полная тезка Сьюки, единолично спасла фамильную плантацию «Зеленые листья», обаяв солдат-янки и ослепив их своей красотой, и после войны трое офицеров-янки писали ей и умоляли выйти за них замуж, что, конечно, даже не обсуждалось... ну и так далее.

Маленькую Ленор все эти истории совершенно завораживали. Но в случае с Ленор «славное прошлое» с каждым годом становилось все славнее, пока в 1939-м она доверительно не сообщила подруге: «Я бы могла написать “Унесенные ветром” о “Зеленых листьях” но Маргарет Митчелл меня опередила».

Когда Бак и Сьюки выросли, Ленор воспевала, пока всех не начинало тошнить, величие плантации старинного клана Симмонзов. «Практически точная копия Тары, – говорила она, – только мебель куда лучше».

Но в старших классах Бак заглянул в архивы Гражданской войны Селмы в здании суда. Штука в том, что «Зеленые листья» никогда не были плантацией. То был просто милый двухэтажный сельский дом на нескольких акрах земли, и единственная встреча с врагом во время войны у семьи Симмонз состояла в том, что маленький, тощий и полуголодный солдат Союза, потерявшись, остановился спросить дорогу. Однако, если послушать Ленор, выходило, будто сотни солдат-янки прошли маршем по округе, мародерствуя, воруя и перекапывая каждый дюйм земли в поисках спрятанного серебра и золота. Факт, что бабушка позднее вышла замуж за человека, который напился и спалил этот дом дотла, никогда не поминался.

До скорого, мистер Хэтчетт

Пуласки, Висконсин, 1942 год

В тот год все в городе взялись помогать фронту. Домохозяйки сэкономили жир для смазки пуль, собирали столько резины, алюминия и металлолома, сколько могли добыть. Сестры Юрдабралински, как и все остальные, сдали нейлоновые чулки на парашюты, и у каждой был свой «огород победы».

Радости перепало: папуля вернулся из больницы, и семья устроила праздник. Но с войны ничего хорошего слышно не было. Пуласки потерял уже троих своих ребят, и Фрици волновалась за Винка и всех остальных, кто сейчас оказался в самой гуще.

Они получили еще одно письмо от их подруги Дотти Фрэйкс, опекавшей раненых солдат на тихоокеанском побережье. Фрици по сравнению с ней показалась себе адски бесполезной. Мамуля с Софи каждое утро ходили к мессе – молились за ребят за рубежом, Гертруд и Тула в свободное время скатывали бинты для Красного Креста, а она только бензин в баки заливала. А поскольку бензин теперь нормировался, заливала она его с каждым днем все меньше. Плакаты на почте изображали солдата и девиз: «Их дело воевать, ваше дело – им писать». Фрици слала письма всем знакомым ребятам, но хотелось большего.

И вот через несколько недель, когда мистера Хэт-четта, гражданского летного инструктора из колледжа, призвали на фронт, Фрици попросили заместить его, и она страх как обрадовалась.

Обучение пилотов вновь даст ей возможность летать. В колледже понимали, что рискуют, вверяя студентов бывшей летчице-каскадеру, однако мистеру Хэтчетту требовалась замена. Но Фрици оказалась отличным инструктором, и студенты ее обожали – особенно мальчишки. С работой на станции и инструктажем занята она была немало и все же иногда, после уроков, летала сама по себе, хоть чуть-чуть. Снова в воздухе – так чудесно, пусть даже и на «Пайпер Кабе»^[44].

Пуласки, Висконсин

Дорогой Винк,

У нас тут все ОК. Надеюсь, у тебя тоже. Новостей не особо много – кроме того, что гражданского летного инструктора, который учил вас с девчонками, призвали. И твоя покорная заняла его место. С нами не соскучишься: дала Софи и Гертруд пару уроков – и поразила. Обе хороши, особенно Софи. На посадку заходит прямо как ас. Чуть меня саму не посрамила... почти. Ха-ха! Но я вот думаю: а что, если, когда все это закончится, тебе, мне и сестрам да Билли не устроить наш собственный «Воздушный цирк»? Но это все мечты, наверное. Чую я, когда ты вернешься домой, твоя молодуха приколотит тебя гвоздями к земле и наверх не отпустит. И я, в общем, могу ее понять. Ни одного мужчины между 16 и 60 в округе не осталось. Все либо слишком юные, либо слишком старые. И тут одиноко, это точно. Так что давай домой поскорее.

Фрици

Р. С. Как тебе быть папочкой? Он славный мальчишка, Винке. На тебя похож.

Пуласки, Висконсин

Любимый муж,

Надеюсь, ты получил мою посылку. Я все связала сама. Сидим с Фрици на станции, сегодня довольно сонно. Лучше, если дел невпроворот. А когда есть время, я слишком много думаю, мне кажется. Знаю-знаю, нам говорят, что письма от нас должны быть всегда веселые и радостные, но, милый, иногда я не понимаю, за что это нам? Мы были так счастливы – так недолго. Зачем она, эта война? Почему мы не родились на пять лет раньше или даже на пять лет позже? Несправедливо это. Мы были вместе так коротко, и, боюсь, я уже не та девушка, которую ты оставил здесь, и когда вернешься – больше не будешь меня любить, а еще я боюсь, что эта война изменит и тебя, Винк. Нам уж не стать заново теми детьми, какими мы были когда-то, и от этого больно. Трудно поверить, что всего год назад я была бестолковым подростком, играла в дочки-матери, а теперь – взрослая женщина с ребенком на руках, а муж у меня на другом конце света, и я не знаю, увижу ли его опять. Ох, милый, пожалуйста, не геройствуй и не рискуй. Делай что должен и возвращайся ко мне. Каждый вечер целую твою фотокарточку. Чувствуешь? Все вокруг постоянно про тебя спрашивают.

Со всей любовью,

Энджи

Пуласки, Висконсин

Дорогой Виник-Краник,

Встала сегодня не с той ноги, бурчу как не знаю что. Весь день супилась, пока не поняла, в чем дело. Забыла поблагодарить дядьку наверху за то, что родилась в старых добрых США, за мамулю с папулей, за сестриц и особенно за тебя, Винк, великолепнейшего парня из всех, кого я знаю, – и моего собственного брата. Хорошенько себя отчитав, почувствовала, что дело идет на лад. Вапще же, друган, тут все статускво. С этим чертовым пайком бензина люди на станции едва появляются, один-двое в день, не больше, да и тратят понемногу. Приехал тут на днях пацан, осилил купить на никель, но Энджи твоя от широты души налила ему побольше.

Энджи ничего, держится, Винк, но ты пиши ей, когда можешь. Клянусь, эта деваха живет от письма до письма. Сражается в этой войне рядом с тобой, Винк, – и смело. Весь город вместе с тобой воюет. Видел бы ты малышню. Они собрали все под ноль, кроме мамулиной кухонной мойки, я не шучу, и папуля с мистером Русуски теперь служат в местной милиции, в касках, все как положено. У нас тут была учебная тревога на случай отключения электричества, и папуля так разволновался, что выскочил на заднюю лестницу да и свалился в кусты. Мамуля была на кухне, услышала, как он матерится по-польски, помчалась наружу и на него же сверху и сверзилась. Кончилось тем, что мы все с девчонками оказались в тех же кустах, ржали до колик. Кроме папулиной гордости ничто не пострадало. Хорошо еще, что тревога была учебная. Не знаю даже, что бы произошло при настоящей.

Фрици

Лондон, Англия

25 декабря 1942 года

Здорово, банда,

С Рождеством вас – аж из самой Англии. Странно это, конечно, – быть в Рождество не дома. Столько всплывает воспоминаний, особенно сегодня. Я, конечно, кое-что понял за эти месяцы. Все ребята сегодня помалкивали, даже я, трепло. Нам включили прямую рождественскую трансляцию из Штатов, и здорово было послушать их голоса, особенно Фрэнсес Лэнгфорд^[45]. А под конец, когда она спела «К Рождеству домой вернусь», многим пришлось выметаться из зала пулей, даже я. Британцы к нам относятся что надо. Прошлым вечером каждая семья позвала к себе по двое-трое из наших на рождественский вечер. Мне достались не католики, но отец семейства отвез меня и Крачека в соседний город на мессу, дождался окончания и доставил обратно в часть. Тут и впрямь навалом милых людей, но все равно не как дома. Верю, когда мы тут со всем разберемся, вернусь на следующий год и уж по-настоящему отмечу с вами Рождество.

Винке

Конец эпохи

1943 год

«Филлипс-66 Винка» стала не единственной станцией, по которой тяжело ударило нормирование бензина и резины. Люди теперь водили машины куда меньше, и автозаправки по всей стране закрывались одна за другой, каждый день. Сестры протянули дольше многих, но наконец и папуля с Фрици пришли к тому же выводу. С их выручками дороже выходило держать автозаправку открытой, а потому они решили к концу недели закрыться. В последний день работы станции шел снег. Погода снаружи – холодная, серая – более-менее совпадала с их внутренней. Сестры с грустью протирали стойки и снимали со стен фотографии. Софи упаковала все старые карты и открытки и унесла их в дом. Папуля говорил, что это все временно. Он был уверен, что после войны они сразу откроются и все вернется в свою колею. Но сестры сомневались, может ли все быть как прежде.

Содержать девичью автозаправку – тяжелый труд, но вот он завершился, и они осознали, как сильно им всего этого будет не хватать. Хотя и ненадолго, но они прославились из-за Фрици, а теперь всему конец.

Примерно к пяти они все доделали, снаружи стемнело. Девчонки отправились домой, а Фрици обошла здание, заперла все двери и в последний раз выключила свет. Дома сдала папуле ключи, а Гертруд сказала вслух то, о чем все думали про себя: – Ох, Фрици, интересно, случится ли нам еще такая потеха...

Надо ей или не стоит?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки чувствовала, что с начала ее встреч с психиатром наметился некоторый прогресс. Наконец у нее стало получаться быть рядом с Ленор и не реагировать так сильно (например, она больше не желала ее удавить), но все равно видеть Ленор в новом свете – не как мать, а как совершенно чужого человека – было очень странно, и Сьюки терялась, как ей себя вести.

Время от времени она раздумывала, не сказать ли Ленор, что знает о своем удочерении. А если сказать, что из этого выйдет хорошего? Женщине восемьдесят восемь лет, и она явно не хотела, чтобы Сьюки узнала. И так старалась от нее это скрыть, а потому, если ей все выложить, она только расстроится. Да и вряд ли удастся теперь что-то исправить. Ущерб уже нанесен. Сьюки по-прежнему обижалась и злилась, но в то же время уже была Ленор благодарна. Если не считать попыток Ленор запихнуть ее куда ни попадя, семья у Сьюки была чудесная. Лучших отца и брата не пожелаешь. Она выросла в милом доме, и отказу ей точно ни в чем не было. И не удочери они ее, кто знает, чем бы дело кончилось? Какая-нибудь тexasская семья взяла бы ее, выросла бы Сьюки на ранчо, и вот это прямо катастрофа. Она панически боялась лошадей. Или же вообще никто бы ее не удочерил, она осталась бы в приюте до совершеннолетия, а потом ее оттуда вытолкали бы на все четыре стороны. И, не вырасти она там, где довелось, – никогда бы не встретила Эрла Пула-мл. Была бы совершенно другим человеком, за совершенно другим супругом замужем и с совершенно другими детьми, – а то и вообще не замужем. Как подумаешь, насколько случайно все в ее жизни, так недолго и спятить.

Если б ее настоящая мать не оставила ее, она, может, выросла бы в Висконсине, говорила бы по-польски или, во всяком случае, с выговором янки. Может, даже играла бы на аккордеоне или, кто знает, стала бы монахиней. И, будь она тем, другим человеком, прошла б мимо себя теперешней по улице и, вероятно, не узнала бы себя. Сьюки предположила, что выглядела бы снаружи так же, но внутри была бы кем-то полностью иным. Была бы собой, но – абсолютно иной версией. Может, была бы, конечно, не такой нервной, – а может, и такой же. Вдруг ее нервы – совсем не из-за Ленор. Как тут понять, какая часть ее личности происходит от

ДНК, а какая – результат воспитания. Она всегда считала, что рост и нос у нее от отца, а симмонзовская ступня – от Ленор, а теперь поди пойми, что откуда?

О боже. Только она собралась расслабиться и насладиться жизнью, как на тебе. Расслабишься тут, пожалуй, если в голове сплошные вопросы, круглосуточно.

Шли дни, а она все больше размышляла о своей настоящей матери. Как-то вечером после ужина она сказала Эрлу:

– Интересно, как она выглядела?

– Кто?

– Эта дама. Фрици. Моя настоящая мать. Интересно, она была рыжая?

– Не знаю, милая, но, я уверен, можно это выяснить.

– Ой, да поздно уже, наверное. Мне шестьдесят, а ей, значит, не меньше восьмидесяти с чем-то. Уже померла, вероятно.

– А может, и нет, милая. Чего бы не попробовать выяснить. А если она еще жива, я уверен, она будет рада с тобой познакомиться. Ты поразмысли.

Сьюки поразмыслила минутку.

– Ох, я не знаю, Эрл. Даже если она еще жива, с чего ей было отказываться от ребенка.

Эрл пожал плечами:

– Не знаю, милая, но уверен, у нее были очень веские причины. Мы же не в курсе всех обстоятельств.

– Не знаем, ты прав. И все-таки, думаю, я бы побоялась с ней встречаться.

– Что ж, просто по телефону поговорите.

– Верно. А что я ей скажу? «О, здрасьте, это ваша дочь, от которой вы отказались шестьдесят лет назад, просто звоню отметить»? Или: «Здрасьте, угадайте, кто это»?

– Нет, любовь моя, просто скажи как есть. Что ты недавно все выяснила и хотела бы установить связь. Это тебе по силам, верно?

– Да, думаю, но вдруг с ней из-за этого инфаркт приключится? И вот еще что надо помнить: меня она никогда не пыталась искать. Прошло столько лет, она, наверное, и забыла уже, что я у нее родилась.

– Ну ты все равно подумай. Я бы на твоём месте хотя бы попытался ее найти.

В ту ночь, лежа в постели, она и впрямь задумалась. И ей пришло в голову, что даже если та женщина еще жива, она, возможно, не пожелает слышать Сьюки. Могла же выйти замуж, обзавестись семьей и не хотела

ничего знать о дочери. Эта женщина – католичка, и потому у Сьюки уже могло где-то быть семь или восемь сводных братьев и сестер, если не больше! О боже... А если она и впрямь найдет свою мать, и вся ее родня захочет с ней повидаться, и та семья целиком, с детьми и внучатами, нагрянет в Пойнт-Клиэр? Вдруг у нее сотни польских родственников по всей стране и они свалятся ей на голову? Где она их разместит? Такое шило в мешке не утаишь. Если все эти поляки нагрянут в город разом, Ленор об этом узнает через пять минут. Ну уж нет, лучше пусть будет как есть. Кто знает, какое осиное гнездо можно разворошить?

И все-таки Сьюки была любопытна, а тут настоящая тайна. Как Фрици Юрдабралински оказалась так далеко от Висконсина, через всю страну? И что она делала в Техасе? Вышла замуж за ковбоя? Или за солдата? Да и вышла ли вообще?

Неугомонная в Пуласки

Пуласки, Висконсин, 1943 год

Поскольку почти всех мальчишек, обученных Фрици, забрали в армию, Программу подготовки гражданских летчиков свернули, а самолет продали военным.

А теперь еще и автостанция закрылась, и Фрици осталось только сидеть сложа руки, а этого она терпеть не могла.

Ирландский красавчик ее, конечно, когда-то развлекал, но его загребли в морпехи, и он теперь был где-то в Северной Каролине. Фрици не нравилось просто наблюдать за войной. Хотелось не только скатывать бинты и писать солдатам. Она могла бы наняться на какой-нибудь большой авиазавод в Калифорнии, как кое-кто из друзей, но и этого ей было мало. Она не хотела строить самолеты. Черт бы драл, она хотела на них летать. День за днем она меряла шагами взлетную полосу и чертыхалась не останавливаясь – оттуда ее не было слышно мамуле и сестрам. Черт его разорви вдребезги пополам, как же ее иногда бесило, что она женщина.

Фрици об этом пока не догадывалась, но фортуна уже принялась поворачиваться к ней лицом. Еще до войны две первоклассные летчицы, Джеки Кокрэн и Нэнси Харкнесс Лав^[46], взялись обсуждать с высшими военными чинами возможность – в условиях войны – подготовки женщин для полетов на военных самолетах, чтобы те могли осуществлять перемещения новых летательных аппаратов с заводов к военным базам. Таким образом мужчинам останется только воевать. Англия уже поручала женщинам такие задачи, и те успешно с ними справлялись. У России вообще были боевые летчицы. Элинон Рузвельт заявила публично: «Женщины-летчики – не задействованное пока оружие».

Но в США, когда дело доходило до «шишек», те в один голос заявляли, что сама мысль о пилотировании женщинами военных самолетов нелепа и совершенно не обсуждается. Женщины слишком нервные и эмоциональные. Управление самолетом было и будет мужской работой. Так они к этому и относились, пока не началась война, авиапроизводство не активизировалось и мужчин-летчиков перестало хватать. В конце 1942 года те же «шишки» вдруг передумали и неохотно признали, что, может, затея эта все-таки не такая уж и скверная.

Составили список всех американок с летным опытом и удостоверением, разослали телеграммы с запросами о том, готовы ли они управлять военными самолетами правительства США, и если да, то пусть явятся в аэропорт Хауарда Хьюза в Хьюстоне, Техас.

Фрици распечатала и прочла телеграмму. Готова ли она? Не просто готова – держите ее четверо. Обсудила с папулей, и тот ее благословил. Мамуля плакала в фартук и все повторяла:

– Это все Билли Бевинз виноват, что Фрици уезжает из дома.

Сестры, узнав от нее об отъезде, загрустили. Но и гордились ею, и радовались, что их старшая сестра будет летать на самолетах правительства США.

Пуласки, Висконсин

*Дорогой Винк,
Воттакенное ура! Похоже, ты теперь не единственный Юрдабралински, летающий во славу старых добрых США. Я с шиком прошла все предварительные проверки, и теперь все точно. Извини, пожалуйста, но я пишу это письмо, а сама скачу до потолка от восторга. Банду девчонок отобрали для тренировок по-военному, будем перегонять самолеты по Штатам и высвободим больше ребят для боев, так что, мальчик мой, будь спок. Помощь уже на подходе. Выезжаю через два дня в Хьюстон в учебку. Начнем как гражданские добровольцы, но, болтают, как только примемся за дело, нас заделают в настоящие военные, и я надеюсь обойти тебя чином, дружок, так что ты гляди. Техас, я иду!*

Фрици

Старый друг

Хьюстон, Техас

Фрици прибыла на железнодорожный вокзал Хьюстона, откуда ее и других девушек со всей страны забрали и отвезли либо в гостиницу «Блубоннет», либо в «Олеандр Мотор Корт», где им положено было жить, пока их не переведут в новые казармы при аэродроме Авенджер-Филд, Суитутер, Техас.

На следующее утро все были в сборе на авиабазе. На первой переменке Фрици зашла в комнату отдыха за колой и тут вдруг услышала знакомый голос:

– Ты посмотри, кого принесло!

Фрици обернулась и глазам своим не поверила. В углу за столом сидела Гасси Минц, старая подруга Билли, еще со времен Грэнд-Рэпидз.

– Я слыхала, ты сегодня приехала, – сказала она.

– О боже ты мой... Гасси! Ты как?

– Милая, я – как старая покерная фишка, но ты все равно не выделывайся. Ты вообще не изменилась. Садись-ка, подруга.

Фрици бросила сумку и уселась к Гасси за стол. Та налила ей колы, подтолкнула к ней стакан.

– Ну, так этот сукин сын Билли Бевинз еще жив?

Фрици рассмеялась:

– О да, по-прежнему с нами.

– Вот черт, а я-то надеялась на хорошие вести. Где он? Надеюсь, в тюрьме.

– Нет. В Пенсаколе, учит курсантов.

– Да ладно? Видимо, совсем дело табак, раз взяли этого балбеса. Вы-то двое сошлись?

– Нет. Ты же знаешь Билли.

– Да, знаю. Но все же вы вместе?

Фрици кивнула:

– То так, то эдак. Ты знаешь Билли.

– Что ж, ты хоть задержалась. Ну и хватит о нем. Что думаешь о всей этой затее с деваками в воздухе? Класс, а?

– Отлично просто. Наконец-то они там доперли.

– Плохо, что в военные нас официально пока не пустят. Черт бы драл, если б пустили, мы бы с тобой япошкам да фрицам и дня б не начислили.

Уж что-что, а уматерить их до смерти я бы могла.

Фрици хохотнула:

– Ты-то наверняка, но я тут слыхала, в автобусе, что того и гляди звания дадут. Ты тут на обучении?

Гасси с грустью покачала головой:

– Не-а... Свидетельство-то при мне, но летать больше не могу, Фрици. Хватку потеряла.

– Вот те на.

– Ага. Бросила я выступать, протрезвела чуток – и все, больше не могла. Получила от них письмо и сказала им, что больше не летаю, но хочу на аэродром, хоть ангары подметать, хоть туалеты мыть, ну и вот, приехала... куда старше и нисколечко не умнее, но все равно тут.

– Я рада, что так, подруга, – сказала Фрици.

– Ага, я тоже. Столько лет прошло, а я все там же, с чего начинала. Подаю жратву в столовой, но зато работаю на Дядю Сэма и на девчонок, так что все неплохо.

Рассказала детям

Пойнт-Клиэр, Алабама

Обсудив с Эрлом и все равно ужасаясь, Сьюки решила, что детям сказать все-таки придется. Они имеют право знать о своих генах. Как и планировалось, начала с Ди Ди, и ничто не предвещало легкого разговора. Ди Ди была предана бабушке и своей клановой принадлежностью кичилась вовсю. Сьюки боялась, что, узнав такую новость, Ди Ди закатит бешеную истерику. А потому решила, что «Розовая чайная мисс Басби» в центре Мобила, рядом с конторой Ди Ди, подойдет лучше всего. Никто и никогда не повышал там голоса. Только на это Сьюки и надеялась.

Собравшись с духом, Сьюки позвонила Ди Ди на работу. Через два дня они устроились в уютной розовой кабинке в углу. Подали чай, и Сьюки сказала:

– Долго я тут не была. Забыла уже, какое это приятное место.

– Да, бабушка его любит.

– И понятно за что. Такие милые маленькие сэндвичи с салатом. Надо нам почаще с тобой встречаться вот так. Мне кажется, это важно, чтобы матери с дочерьми были близки, верно? И кстати, я тут почитывала кое-что. Ты знаешь, что поляки, как правило, добродушны, трудолюбивы и преданны?

– Да? – отозвалась Ди Ди без всякого очевидного интереса.

– Да. Я подумала, это занятно. А ты знаешь, что Шопен и Либерачи – польского происхождения?

– Знаю.

– И вот еще какая интересная штука. Поляки не только пианисты отличные, но и аккордеонисты.

– Да, и кому до этого дело, мама?

Сьюки примолкла, а потом ответила:

– Ну... тебе, например.

Ди Ди уставилась на нее:

– Мама, к чему ты все это рассказываешь? Что-то мне беспокоит за тебя. У тебя все хорошо? Какая-то ты сегодня сама не своя.

– Забавно, что ты это сказала, Ди Ди... потому что именно об этом я с тобой хотела потолковать. Дело в том, милая, что я действительно сама не своя, – или, по крайней мере, не та своя, какой себя видела, – но хуже то,

что, к сожалению, ты тоже.

– Что?

– Ох, Ди Ди, мне ужас как трудно. Поверь, я сама пережила потрясение и раздумывала, говорить ли тебе... но ты должна знать, особенно если у тебя будут дети.

– Мама, о чем ты?

– Ну... несколько месяцев назад Ленор получила письмо, и я его, естественно, прочла, думая, что это какой-нибудь счет или что-то вроде.

– И?

– Оно было из Техасского отдела здравоохранения, и я выяснила, что твоя бабушка... обещаю тебе, что не расстроишься.

– Хорошо, ты выяснила – что?..

– Что моя мать – твоя бабушка – не настоящая моя мать, и под «настоящей» я имею в виду, что она мне не кровная родственница, то есть я... удочеренная.

Ди Ди улыбнулась:

– Ты меня разыгрываешь. Это шутка, правда?

– Нет. У меня с собой письмо и свидетельство о рождении. Могу дать тебе прочесть, если хочешь, но только если пообещаешь, что не будешь кричать и устраивать сцен. Даешь слово?

– Хорошо, даю. Покажи.

Ди Ди приняла бумаги, прочитала, и челюсть у нее отвисла.

– О боже мой! О боже мой!

– Милая, не так громко.

– Мама, ты понимаешь, что это значит?

– Да, среди много прочего это означает, что мы не кровные родственники дяде Бейби и тете Лили. Хоть какое-то утешение.

– Нет, мама! Это означает, что если ты не Симмонз, то и я не Симмонз!

– Верно, однако если принять во внимание фактор наследования...

– Но это неправда – я всегда была Симмонз!

– Я знаю... это очень шокирует, и мне самой до сих пор с трудом верится. Но, очевидно, это правда.

– Ты сказала папе?

– Конечно.

– И что папа? Расстроился?

– Ну, удивился... но не расстроился.

Ди Ди вдруг посерела.

– Но как же я не Симмонз? Я себя чувствую Симмонз. Я всегда себя чувствовала Симмонз.

– Да, милая, я понимаю, а также знаю, как это было тебе важно, потому так не хотела тебе этого сообщать.

Ди Ди таращилась на свидетельство о рождении.

– Твое настоящее имя Джинджер Юрдабралински? Как у нашей *собаки* Джинджер?

– Да.

Ди Ди смотрела на Сьюки с ужасом, а голос у нее становился все громче с каждым новым откровением.

– Твою настоящую мать звали Фрици Уиллинка Юрдабралински?

– Судя по всему

– Твоя мать – *полячка!* Родилась в Пуласки, Висконсин? О боже мой! – Читая дальше, Ди Ди почти заорала: – Отец неизвестен?!

Три дамы за соседним столиком обернулись и посмотрели на них.

О господи, Сьюки знала, что Ди Ди эта часть не понравится.

– Милая, пожалуйста... Постарайся говорить тише.

Ди Ди перешла на шепот:

– О боже мой, мама. Это означает, что ты... Ты никому ведь не говорила про это, а?

– Нет-нет. Лишь вы с отцом знаете, больше никто. И тебе я хотела сказать первой из всех детей.

Сьюки понимала, что Ди Ди расстроится, но не представляла, что настолько. Ди Ди это совершенно убило, и они перебрались из чайной в бар по соседству. Ди Ди, потрясенная до глубины души, пила вторую и вдруг сказала:

– И бабушка все это знала, но нас заставила поверить, что мы настоящие Симмонзы. Господи, мама, я секретарь-регистратор Алабамского собрания Дочерей Конфедерации.

– Понимаю.

– Зачем... *зачем* она это делала?

– Ох, милая, зачем она делает все, что она делает? Твой отец считает, что она просто хотела, чтобы мы все чувствовали себя ей родней.

– И что она сказала, когда ты ей сообщила?

– Я ей не сообщала. И, Ди Ди, я много об этом думала, и мне кажется, что ей вообще лучше не знать, что мы в курсе. Боюсь, ее это доконает. Ей восемьдесят восемь лет, не забывай.

У Ди Ди на глаза внезапно навернулись слезы.

– Но она всегда говорила, что я ее любимица. Почему она хотя бы мне этого не сказала?

– Милая моя, я не знаю. Ужасно сочувствую тебе. Я представляла, как

ты расстроишься.

– Расстроюсь? Да я уже подумываю, как инсценировать свою смерть. Моя жизнь кончена. Надеюсь, ты это понимаешь. Зачем дальше жить?

– Ох, ладно тебе, дорогая, по-моему, ты преувеличиваешь. В конце концов, это же мои родители, а не твои. Ты-то знаешь, кто твои отец с матерью. И не забывай, ты знаешь точно, что наполовину ты – Пул. Это уже кое-что, а?

Ди Ди вздохнула:

– О, Пулы – это хорошо, наверное. Но как же быть с гербом Симмонзов? И кто эти люди – Юрдабралински? Или как их там. Ты что-нибудь про них знаешь?

– Ну, немного... да.

– И?

– Знаю, что они, судя по всему, были милейшей семьей, четыре девочки и мальчик, две сестры – близнецы, как и наши. Забавно, правда?

– Они сыр делали или что?

– Нет-нет, милая. Отец был очень уважаемым дельцом.

– Делал что?

Сьюки понимала, что и это дочке вряд ли понравится, а потому спустила новость на тормозах.

– По автомобильной части. – Она не рискнула сообщить, что он владел автозаправкой.

Следом она собиралась рассказать близнецам, но решила подождать, когда Си Си вернется из свадебной поездки, чтобы сообщить обеим разом.

Они ее выслушали, удивились, но отнеслись просто. Си Си сказала:

– Мы тебя любим, мама. И нам все равно, что ты была удочерена, правда?

Ли Ли тряхнула головой:

– Все равно, даже если мы не родственники бабушке.

– Да, – сказала Си Си. – Все равно.

– Да, но я знаю, как вы обе любите бабушку, и потому надеюсь, что будете относиться к ней по-прежнему.

– Конечно, – сказала Ли Ли. – Она все равно наша бабушка, и мы будем и дальше ее любить.

– А ты наша – мама, мам. И тебя мы любим больше всех, – добавила Си Си.

– Да, – подтвердила Ли Ли, – и мы всегда поражались, как ты даешь ей так собою помыкать.

– Правда?
– Да, – сказала Ли Ли.
– Еще как, – подхватила Си Си. – Она с нами всегда такая милая, а с тобой ужасно обращается.

– И нас это бесило, – добавила Ли Ли.

– Да?

– Ага, – кивнула Си Си; Ли Ли кивнула следом.

С докладом Картеру Сьюки подождала до следующего воскресенья, когда он приехал с другом из Атланты. Они собирались понырять с аквалангом вместе с Эрлом и посмотреть, как играют алабамцы. В то воскресенье, за несколько часов до его отбытия, Сьюки вывела его в гостиную и там все рассказала. Справившись с первым потрясением, Картер сказал:

– Ух ты, мам. По твоему лицу, когда ты сказала, что хочешь со мной поговорить, я думал, случилось что-то серьезное, типа вы с папой разводитесь или как-то. – Он глянул на нее изумленно: – Ты, значит, удочеренная. Ну и ну.

– Понимаю, это шокирует – после стольких лет узнать, что мы бабушке не родственники. Тебе как это?

Он помолчал, а потом ответил:

– Ну... думаю, это отличная новость, вообще-то. Никому из нас не грозит «Милый холм».

Сьюки удивилась, что он это помянул.

– Ой, милый. Никогда бы не подумала, что тебя это волновало.

– Конечно, волновало, мам. Ты знаешь, я старушку Крылатую Нику люблю до смерти и всегда буду любить... но давай начистоту. Она с приветом, как соловей летом. Я всегда опасался, что однажды и с тобой такое приключится.

Сьюки улыбнулась:

– Милый, оно все равно может. А уж если мне отсыплют еще таких же откровений, как это, так и вообще кто знает?

– Так что, – подытожил Картер, – твоя настоящая мать работала на девичьей автозаправке? Круто же, ну! – Он ухмыльнулся. – Во дела. Мисс Ди Ди небось билась в истерике, когда ты ей сказала.

– Еще как, – ответила Сьюки. – Но знаешь, милый, твоя сестра меня удивила. Она, похоже, неплохо справилась.

Последние несколько недель дети ее поражали – если не так, то эдак. Она узнала о них такое, о чем понятия раньше не имела. Ди Ди даже

перезвонила ей через несколько дней после тарарама в «Розовой чайной мисс Басби» и сказала:

– Мама, хочу сказать, что все равно тебя люблю, из какого рода ты бы ни происходила.

– Ну спасибо тебе, Ди Ди. Ценю.

– В конце концов, ты не виновата, что ты не Симмонз. С этим ничего не поделаешь, и тебя это все огорчает не меньше моего. Так что, если захочешь поговорить, звони в любое время дня и ночи. Я всегда с тобой... И, мама, сообщаю тебе, что я сняла со стены герб Симмонзов.

– А... что ж, я понимаю, как тебе трудно с этим.

– Да, трудно. Но я заказала герб семьи Пулов и повешу его, как только он придет.

– Как мило. Уверена, твоему отцу будет очень приятно.

– Мама, чтобы ты знала... касательно твоего народа. Я про них почитала и выяснила, что поляки считаются невероятно умными и красивыми, так что не огорчайся, ладно?

– Хорошо, родная, я постараюсь, спасибо за информацию. Мне уже лучше.

Бедная Ди Ди. Ну хоть попыталась это все пережить – и куда быстрее, чем Сьюки предполагала.

Авенджер-Филд

Суиттуотер, Техас

Мой Малыш Билли,

Прости, не писала, но мы уехали из Хьюстона, прибыли на новую базу в Суиттуотере и заняты круглосуточно. Никогда не бывала в местах жарче. Если в аду так же, я пас. Ниже сотни не опускалось с тех пор, как я тут, а пыльные бури – вообще кошмар. У меня красная пыль в волосах, на зубах, в ушах и даже там, куда солнце не заглядывает. Вот уж не знаю, отмоюсь ли когда-нибудь. А, да, чуть не забыла про змей, скорпионов и тараканов. Тут так жарко, что мы с девчонками вытащили койки на улицу, но никогда не знаешь, кто приляжет с тобой в одну постель. Эти чертовы змеи ради тени даже пытаются забираться в самолеты... мне это не нравится. Заставляю свой проверять как следует – не нужен мне второй пилот-змея.

И нам, девчоночкам, спуску не дают. Все тут по-военному. Мы тренируемся, как взрослые мальчики, включая физподготовку, повсюду ходим строем. Я марширую даже во сне. То еще удовольствие, но мы все делаем. Мой новый дружочек Уилли говорит, что все это лишний раз доказывает – нас заберут в армейскую авиацию, причем скоро. Жратва приличная. Первый раз ела мамалыгу. М-м-м-м...

За вычетом колючек, пауков и тараканов, я хорошо. Девчонки тут отменные, насколько я могу судить. Нас по шесть девок на площадку. У меня напарница Пинке, маленькая такая еврейская красотка из Нью-Йорка. Отец у нее владеет большой бельевой фабрикой, и у нас у всех новое исподнее, подарок от мистера Пинксела. Она что надо – и Беа Уоллес из Оклахомы, носит подкованные сталью ковбойские сапоги и 45-й у бедра. Шикарная дамочка – брюнетка, пять футов девять

дюймов, улыбка на миллион долларов, ноги от ушей. Никто, кроме нее, не смотрится прилично в просты господи комбезах, которые нам тут выдали. Ни один не в размер. Мотня у моих мне по колено, а вот когда эта мимо шагает, пацаны прям шары выкатывают. И дудки, тебе ее не видать, так что подбери слюни. Да и ваще занята она, это точно. Летать начала, чтоб на родительском ранчо за скотом приглядывать. Отец у нее – друган Уилла Роджерса^[47], и мы ее зовем Уилли – подтруниваем. Другие три девахи у меня тоже хороши, но не моего полета: только из школы, богатые на выданье, все из колледжа, одна из Вэссера и две из Смита, и такие типа с виду все из себя, только и твердят что о своих заведениях, фу-ты ну-ты.

Кароч, сидим мы вечером тут как-то, жрем, ну я и залудила. Уилли с Пинке подыграли: я эдак невзначай возьми да и скажи, что недавно окончила Филлипсовскую школу благородных девиц.

Одна из смитовских девок глянула на меня без понятия и собралась уже что-то сказать, а тут Пинке встряла и сказала: «О, Филлипс. Я слыхала, Филлипс такая особая школа, что туда почти и не попадешь. Как тебе удалось?» А я ей: «Папочке пришлось привлечь связи». Тут-то они и заткнулись.

Ну мы и ржали потом, скажу я тебе. Для нас-то, едва среднюю школу окончивших, прямо подвиг, ну?

Фрици

P. S. Я теперь поняла, что такое твои курсанты. У нас тут мальчишки-одуванчики, девяностодневки, из Техаса. Только-только из летной школы, часов у них налетано и близко не столько, сколько у девок, зато нос задирают перед нами и такую пыль в глаза пускают девчонкам, что это прямо опасно. Кое-кто из них клеит девок, изображая из себя асов и пытаясь всех пугать. Нас тут боевым порядком летать еще не учили, и, когда самолет подбирается так близко, это страшно, да. А когда девчонки пожаловались, их старший офицер сказал: «Мальчишки есть мальчишки, и кое-кто может на

крыле у вас полетать или погарцевать перед девчонками, но это неизбежно». Однако вот пару раз едва пронесло, и он приказал, чтоб всегда держались за пятьсот футов от нас. На земле это правило тоже действует. Наши казармы закрыты для самцов. Миссис Ван де Камп – милая местная дама, наша комендантша, и она следит, чтобы закон этот соблюдался!

Авенджер-Филд

Суиттуотер, Техас

Дорогой Билли,

Теперь уже мы тренируемся ежедневно. Первый раз в жизни видела настоящего мексиканца и съела первую тамале. Ничего так. Шлю тебе глиняную пепельницу в виде сомбреро и фотокарточку со мной в летном обмундировании. Выдали нам тут мужские летные костюмы – на нас смотрят как лепни. Учла твой совет – подружилась с механиками. У меня механик будь здоров какой, зовут Элрой Лиферз, он за мной приглядывает. Скучаю по тебе, поздравляю с повышением. Видимо, придется тебе честь отдавать при встрече.

Фрици

P. S. Город Суиттуотер устроил нам, девчонкам, барбекю – нам понравилось. Техасцы эти такие дружелюбные, что я, наверное, и не видала.

Авенджер-Филд

Суиту Ортер, Техас

Мой Малыш Билли,

Думала, я лихой молодчик, но с сегодняшнего дня разрешаю тебе звать меня нюней. Вчера мы с Уилли взлетели и пробыли в воздухе всего минут пять, когда я увидела громадную гремучую змею – она ползла прямо на меня. Видимо, дрыхла в боковом отсеке, а от тряски проснулась.

Всегда интересно, на что хватит смелости в лихой час. Я выводила самолеты из штопоров, я танцевала на крыле в шквальном ветре, много чего я делала... но, Билли... как я увидела, что на меня прет эта чертова змея, так и застыла похлеще крахмального воротника. Голова мне твердит «выпрыгни», «двинься», «сделай хоть что-нибудь», а я только сижу да смотрю, а глаза с блюдце каждый. И тогда Уилли глядит, замечает змею, спокойно перегибается через меня, хватает тварь за хвост и швыряет в окно – прямо в синюю бездну. Тут я снова задышала, но Уилли-то спокойная, как в санках летом. Смотрит такая на меня – и давай ржать. Говорит, никогда не видала, как люди зеленеют. Попыталась меня как-то утешить, сказала, что я все правильно сделала, что не двигалась, – она просто не знала, что так не было задумано. Если б могла, я бы двинулась. Уилли – отпадная девка, моя героиня, но я ей этого не сказала.

Фрици

P. S. Та змея небось тоже обалдела – на свежем-то воздухе.

Авенджер-Филд

Суиттуотер, Техас

Мой Малыш Билли,

Давненько от тебя ничего не слышно. Надеюсь, отправляешь строем хороших летчиков за пруд, зады драть. Мы тут на ушах стоим. Кстати, помнишь тех трех девок из колледжа, про которых я тебе рассказывала? Забираю свои слова назад. Поболтавшись рядом с ними, я выяснила, что они нормальные. Они прям молодцы даже. Будь здоров какие летчики. Трудятся по-черному. Не ноют. И обставляют лучших. Вот же драная эта война, а? Живу я и летаю с девками, каких и в миллион лет бы не встретила, и зря я думала, что они чванные. Это как раз у меня нос вывихнут был. Так и не впервой же... ну? Короче, после пары баров я раскололась и рассказала им, что «Филлипс» – название автозаправки моего старика в Пуласки, где сестры Юрдабралински с отличием машины драили; все поржали. Но в итоге им стало интересно, и они давай меня спрашивать обо всем. Поди пойми. Похоже, война эта меняет людям мысли. Мои уже поменяла. Ладно, Крошка Билли, пора мне давить на массу. Береги себя, скоро увидимся, если доберусь до тебя. Даже если и на одну ночь, ну ты понимаешь.

Я

P. S. Читала, что в Пенсаколе мальчиков больше, чем девочек, в пропорции тысяча к одному. Неудивительно, что тебе одиноко без меня. Как ни противно сообщать тебе, но и обратное верно. Пять тысяч мужчин на одну девушку. В партнерах на танцах недостатка нет, точно. Но не волнуйся, я веду себя хорошо. Ну, как умею.

Алло, Элис

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки уже покормила птиц – по-прежнему в основном синих соек – и немного повозилась в саду, но потом стало жарко. Август устроил пекло, и уже к восьми утра на улице слишком парило, ходишь весь мокрый насквозь. Был понедельник, и она подумывала, не одеться ли и не сгонять ли в «Уолмарт», закупить все продукты на неделю и выбросить из головы.

Только она вышла из душа, как в спальне зазвонил телефон. Мать была на заседании садового клуба, значит, наверное, Нетта. Обычно она просила захватить ей что-нибудь в «Уолмарте», а потому Сьюки завернулась в полотенце и побежала отвечать.

– Алло.

– Элис?

– Простите?

– Это Элис? Я звоню Элис Зяблик.

Сьюки внезапно узнала этот голос и быстро ответила:

– А, да! Это мисс Зяблик, да.

– Вам звонят из Висконсина, из Торговой палаты. Вы какое-то время назад спрашивали меня о Юрдабралински. Я все ждала, когда вы перезвоните, но вы все никак, и я сама нашла ваш номер, по телефонному счету. 251 – это какого штата код?

Сьюки запаниковала и соврала:

– Джорджия. – Но тут же пожалела и поняла, как это глупо, однако теперь уж поздно.

– Ну хорошо, слушайте, я тут для вас, милочка, нашла кой-чего. Интересное всякое про Юрдабралински. Мама говорит, что три из них были из WASP. Каково, а?

– WASP?^[48]

– Ага, необычно, верно?

– Да. Я-то думала, они католички.

– Ну да, католички, но WASP — девушки-летчицы во время Второй мировой войны, их звали «осами»^[49], знаете?

– Летчицы?

– Ага. Мама говорит, газетных статей про них в те времена вышла куча. Они были известны как Летучие сестры Юрдабралински из Пуласки.

Говорит, три сестры Юрдабралински служили, а одна погибла... при крушении самолета.

– Ох ты.

– А вот. Были большие похороны в храме, все чин чинном, а сама она стала героем и все такое.

У Сьюки екнуло сердце.

– Которая из сестер? Вы не знаете... ее не Фрици звали?

– Погодите, у меня тут записано. Так. Хм-м-м... (Сьюки ждала, пока женщина отыщет нужную запись, и сердце у нее колотилось.) Нет... не то. Подождите минутку. А, вот оно... нет, погибла другая сестра Юрдабралински.

Странное дело: Сьюки полегчало.

– А не известно ли, что случилось с сестрой по имени Фрици?

– Подождите, спрошу у мамы. Она вот здесь прямо. Мам, ты не знаешь, что случилось с Фрици Юрдабралински? (Сьюки услышала приглушенное бормотание.) Мама говорит, она уехала много лет назад. Полагает, куда-то в Калифорнию.

– А не знает, куда именно?

– Сейчас спрошу. Мам... Мам! Элис интересуется, куда именно в Калифорнии... Мама говорит, что не помнит, но город датский.

– Датский?

– Мам, датский?.. Да, говорит, она оттуда открытку получила от Фрици, где-то в пятидесятых, на ней мельницы.

– Понятно. А мама случайно не в курсе, жива ли еще Фрици?

– Она еще жива, мам? (Опять бормотание.) Говорит, должна быть, иначе бы в газетах прописали. Мама читает все некрологи. Но вот вам еще интересное. Одна из сестер стала сама по себе настоящей знаменитостью. Она и ее сестра-близнец. Аккордеонный дуэт у них был, играли у себя в округе, и мама говорит, эта сестра написала уйму отличных полек. Знаю, что «Слишком я толста для польки», «Полька Виника-Краника» и много еще других – это ее. Могу добыть вам список. Схожу в редакцию газеты, отыщу статьи и пришлю вам бандеролью, что найду.

– Ой, вот было бы чудесно.

– Ладно. Выкопаю, что смогу, и вам отправлю. На какой адрес, милочка?

Ох ты, попалась.

– Эм-м... шлите Элис Зяблик, но на имя миссис Эрл Пул-младший, 526 по Бейвью-стрит, Пойнт-Клиэр, Алабама.

– Хм. Вы же вроде сказали, что из Джорджии.

- Да, но очень близко к границе штата, а почту я получаю в Алабаме.
- А, ну ладно. Вышлю, как управлюсь. Рада была потолковать, Элис.
- И я. Спасибо.

Повесив трубку, Сьюки присела и заметила, что руки у нее трясутся. Она знала, что дама на том конце провода говорит о ее настоящей матери и настоящей родне, но все это по-прежнему казалось непостижимым и пугающим. Она даже не знала, что женщины во Второй мировой водили самолеты. Она думала, что летчики были только мужчины.

Телефон зазвонил вновь. На этот раз – Нетта.

- Ты едешь в «Уолмарт»?
 - Да, конечно.
 - Можешь прихватить мне шестерик бумажных полотенец и упаковку диетического «Доктора Пеппера»?
 - Разумеется.
 - И фунт замороженных креветок. Если, конечно, сразу вернешься.
 - Сделаю. Без проблем.
 - Все в порядке? Странный у тебя голос.
 - Да, все нормально. Слушай, Нетта, а ты что-нибудь знаешь про «ос»?
 - Каких ос?
 - Девушки-«осы» водили самолеты во время Второй мировой.
- Нетта подумала: «Та-ак, она опять за свое».
- Нет, милая, я не знала, что осы водят самолеты.
 - Ну вот и я... а только что узнала. Правда, странно?
 - Да, похоже на то.
 - А ты слыхала о каком-нибудь городе в Калифорнии, который датский и в нем много ветряных мельниц?
 - Нет, милая, точно не слыхала. – Закончив разговор, Нетта вновь забеспокоилась. Уже совсем было решила, что Сьюки лучше, но, очевидно, нет.

Чуть погодя, прогуливаясь с тележкой по «Уолмарту», Сьюки опросила нескольких человек, слыхали ли они об «осах», но все как один сказали, что нет. Мистер Леннон, из уолмартовских зазывал, сказал, что, кажется, что-то о них помнит, но без уверенности. Но ему-то девяносто два. Сьюки едва дождалась Эрла с работы.

Не успел тот переступить порог, как Сьюки заговорила:

- Эрл, ты не поверишь, но я только что выяснила, что моя мать была

«осой» и во Вторую мировую водила самолеты!

– Что?

– Женщина из Висконсина позвонила и рассказала. И сестры моей матери тоже летали.

– Погоди-погоди. Помедленнее. Еще раз.

– Моя мать была «осой». Как Женские войска^[50], только они летали на самолетах. Слышал когда-нибудь о таких?

– Нет. Я знаю, что были Женские войска и Женщины-добровольцы^[51], – и все.

– Можешь глянуть в интернете? Я слишком нервничаю.

– Конечно, милая.

Они вернулись в гостиную, и Эрл включил компьютер. Набрал «женщины-летчики», «Вторая мировая война», слово «WASP» — и тут внезапно что-то нашлось.

– Вот, смотри, – сказал Эрл.

В Военно-воздушной службе женщин-летчиков (WASP) женщины впервые стали управлять военными самолетами Военно-воздушных сил США во время Второй мировой войны. Изначально их было двадцать восемь, и они служили под командованием Нэнси Харкнесс Лав, настаивавшей на привлечении опытных летчиц для переброски самолетов внутри страны, дабы освободить летчиков-мужчин для боевых и зарубежных полетов.

ФАКТЫ ОБ «ОСАХ»

1. «Осы» служили в армейской авиации с сентября 1942 года по 20 декабря 1944 года.

2. Более 33 000 женщин подали заявление. 1830 приняли. 1074 завершили обучение.

3. Под руководством Комитета гражданской службы, хотя и в военном режиме, «осы» размещались в аэропорту Хауарда Хьюза в Хьюстоне, Техас, но в феврале 1943 года были переведены на аэродром Авенджер-Филд, Суитхотер, Техас.

4. «Ос» тренировали семь месяцев, как и курсантов-юношей.

5. «Осы» размещались на 120 армейских воздушных базах по всем Соединенным Штатам.

6. «Осы» управляли 78 различными типами самолетов, т. е. всеми, что имелись в распоряжении армейской авиации, включая «Би-29»^[52].

7. «Осы» налетали на заданиях шестьдесят миллионов миль.

8. В летные задания входили перемещения самолетов с заводов на авиабазы, летная подготовка (базовая и приборная), буксировка противовоздушных объектов нацеливания, буксировка объектов нацеливания для воздушной артиллерии, слежение и поиск, учебные атаки наземных целей и радиоконтролируемые полеты.

9. Тридцать девять «ос» погибли при выполнении заданий.

– Ух ты, – сказал Эрл. – Очень впечатляет. Понятия не имел. Вот это да, верно?

– Да, и теперь я поняла, что она делала в Техасе, – и обе мои тети там были. Одна из этих погибших девушек была моей тетей.

– Вот те на. Правда?

– Да. Та дама, из Висконсина, обещала мне выслать газетные статьи.

– Серьезно? А эта дама не знает, жива ли твоя мать?

– Думает, что жива. Последний раз вести от нее доходили из Калифорнии. Посмотри город в Калифорнии, который датский и с ветряными мельницами.

– О, давай, а ты пока можешь мне налить? Чаю со льдом или что-нибудь.

Сьюки была в кухне, когда Эрл выкрикнул из гостиной:

– Нашел!

Она принесла ему чай со льдом, а он ткнул в экран, и действительно – там была фотография города с ветряными мельницами повсюду.

– Это он, вот что пишут: «Солвэнг, Калифорния. В двух часах езды на север от Лос-Анджелеса, располагается в живописной долине Санта-Инес. Приезжайте знакомиться с чарующим городком Солвэнг, Калифорния. История: в январе 1911 года Компания датско-американской колонии в поисках сельскохозяйственных угодий восхитилась обильным солнцем

этих мест и купила девять с лишним тысяч акров земли. Новое поселение назвали Солвэнгом, что по-датски означает “Солнечное поле”. Компания рекламировала его в датскоязычных газетах, и вскоре и датские иммигранты в США, и жители Дании начали приобретать в колонии участки. Многие потомки тех первых поселенцев и по сей день населяют эти земли». Точно оно.

– Я тоже уверена. Но сомневаюсь, что она все еще там.

– Ты разве не хочешь выяснить?

– Ох, прямо не знаю, Эрл. Сомневаюсь. Если даже мы и познакомимся, что в том хорошего? А вдруг она кошмарная и мне жутко не понравится? Или, познакомившись со мной, решит к нам переехать? А я не смогу отказать, и тогда Ленор узнает. Ума не приложу, Эрл. Мне кажется, лучше оставить все как есть.

– Сделаешь как сочтешь нужным, но если забросишь эту затею, а она умрет, ты, может, будешь жалеть, что не познакомилась с ней, пока была возможность, – или хотя бы не поговорила по телефону.

– Но зачем?

– Ну, ты бы могла выяснить, почему она тебя бросила. Тебе не кажется, что она заслуживает такой возможности? Не забывай: ты о ней только что узнала, а она гадала о твоей судьбе пятьдесят девять лет.

– Шестьдесят, – поправила его Сьюки.

Уже улегшись в постель, Сьюки сказала:

– Ты представь, Эрл, я боюсь на чертовом колесе кататься, а моя мать водила самолеты.

Эрл улыбнулся.

– Это ж так здорово.

– Да... воображаю.

Эрл был рад, что Сьюки хоть как-то заинтригована. Он надеялся, что она передумает, начитавшись про «ос» и их подвиги. Он бы и сам не прочь был повидать старушку. Но это пусть Сьюки решает.

И вот, поразмыслив, Сьюки поняла, что есть еще одна причина избегать встречи с настоящей матерью: стоит той выяснить, что ее дочь ничего толком не добилась и прожила домохозяйкой, она, видимо, страшно разочаруется. Господи боже. Одну мать она уже разочаровала, и этого ей вполне хватит. Сьюки не казалось, что стоит идти на риск и разочаровывать обеих.

Авенджер-Филд

Суитуотер, Техас

Билли,

Да что, черт бы ее драл, такое с мужской расой? На нас тут кучка обозленных асов бочки катит. И так-то все непросто, а этим не нравится, что девушки делают то же, что и они, а в некоторых случаях (в моем, к примеру) – и получше. Нам бы, может, и плевать, но они распустили столько слухов, что хватит утопить всю программу. Рассказывают людям, что мы тут свора самок, дорвавшихся до мужчин, собрались только ради того, чтобы спать напрапалую с летчиками, и вообще мы паршивки, выслать бы нас по домам. Две недели назад мы обнаружили, что они привезли к себе банду проституток, поселили их в гостинице «Суитуотер» и всем нагрузили, что это и есть «осы». Уж поверь мне, местным мы от этого роднее не стали.

В конце концов это вранье опровергли, но мы теперь вынуждены жить монахинями. Наша начальница Джеки Кокрэн говорит, что мы не потянем и намек на скандал. Никаких шашней с инструкторами, никакого сквернословия, благородное дамское поведение круглосуточно, а летяги при этом делают что хотят. Но Кокрэн говорит, что наша нравственность должна быть безупречной. Адское дело – быть морской свинкой, но комендантша, миссис Ван де Камп, говорит, что, если удержим марку, оно того стоит. Может, следующему выпуску будет попроще.

Знаю, ты не прочтешь об этом в газетах. Они замалчивают, но мы трех девчонок потеряли в этом месяце, а одна – моя напарница по участку, очень хорошая деваха. Была замужем за морпехом с Гвадалканала, двое детей у них. Несколько дней назад слишком низко зашла да и разбилась при посадке, прямо за

казармами.

Понятно, ты такое видишь часто, и на учебе не без этого, но я-то не привыкла еще и, надеюсь, никогда не привыкну. Как же бесят газетчики, которые сюда приезжают и хотят снимать, только как девки губы красят или позируют моделями... это все чушь и брехня собачья. Если кому кажется, что это работенка блистательная и мы ее делаем играючи, они не видали, как вытаскивают друга из горящего самолета и как он помирает у тебя на руках. Никто тут особо не болтает, но настроение мрачное.

Фрици

Контрольный полет

Суитуотер, Техас, 1943 год

Инструкторы на Авенджер-Филд были по большей части славные, но некоторые терпеть не могли свою службу в Суитуотере и лезли из кожи вон, лишь бы отравить девушкам существование. Орали на них, называли дурами и неумехами и делали все, что в их силах, лишь бы провалить по учебе. Один такой хам, лейтенант по фамилии Миллер, был с ними особенно крут. Что ни день, девчонки приходили с его занятий в слезах. Одну он так тяжко обидел, что она бросила учебу и уехала домой. Да он и не скрывал своего отношения. Ясное дело, считал, что женщинам в авиации не место.

Как-то вечером он сидел за барной стойкой в клубе и шумно вещал бармену, чтобы девушки вокруг уж точно его слышали:

– Боже, как же я ненавижу эту работу. Спросят меня, что я делал в войну, и что я отвечу? Учил чертовых баб? Тьфу...

Фрици изготовилась забраться в самолет и совершить свой первый контрольный полет, и тут появился Миллер и сказал:

– Ладно, Юрдабралински, пошли. Подниму тебя, там посмотрим, что ты умеешь. И делай что велят, без разговоров.

– Есть, сэр, – ответила она.

Набрали они высоту, и тут он перегнулся сзади через нее и проорал:

– Иисусе Христе, тяни этот чертов рычаг... а не выжимай по чуть-чуть. – Тут он схватился за него и придавил к ее ноге изо всех сил. – Тут тебе не дамские скачки. Тяни эту хрень. Иисусе Христе, какой идиот учил тебя летать?

Фрици страшно хотелось пройти эту проверку, но что-то в ней оборвалось. Как только добралась до нужной высоты, она ударила по газам и внезапно опрокинула самолет кверху брюхом и полетела так дальше, а Миллер, подвешенный в воздухе на ремнях, вопил как потерпевший:

– Перевернись! Перевернись! Черт тебя дерит!

Она послушалась, но тут же сделала бочку, затем рванула строго вверх, а потом произвела свой знаменитый смертельный штопор на пятнадцать оборотов. После чего в последнюю секунду выровняла самолет, взмыла ввысь и для полноты картины еще и поворот на горке показала.

Внизу, на Авенджер-Филд, наземная команда стояла, таращилась на происходящее и вопила. Вскоре уже все, кто был на земле, запрокинули головы, люди выбегали из ангаров и казарм – поглядеть, о чем сыр-бор.

Хасси Минц вышла из столовой с сигаретой на губе и, увидев очередную бочку Фрици, принялась хохотать:

– Давай, девка, покажи им, как дело делается, – проговорила она.

Посмотрев на серию захватывающих дух спиралей и петель, механик Элрой Лиферз расплылся в ухмылке:

– Задай ему жару, Фрици!

Через несколько минут она сделала двойную петлю, идеально приземлилась, подкатила самолет к главному ангару и замерла. Обернувшись к малиновому от ярости Миллеру, сказала:

– Подарок от заведения – и от Билли Бевинза, величайшего летного инструктора из ныне живущих.

– Вон из самолета! – заорал Миллер.

– Есть, сэр! Так точно, сэр! – отозвалась Фрици и спрыгнула на землю. Сняла парашют и оставила его валяться.

Фрици знала, что ее сольют, но никому еще не сходило с рук называть Билли Бевинза идиотом. Пока она жива, по крайней мере.

Фрици шагала прочь, к ней подбежали Уилли и Пинке – проводить, Пинке обернулась и увидела, что Миллер все еще сидит в самолете. Фрици прямой наводкой двинулась к казармам и принялась собирать вещи. Если проваливали на занятиях, надо было выметаться немедленно. Слишком мучительно такое растягивать.

Ее напарницы, наблюдавшие за полетом, стояли несчастные и смотрели за ее сборами. Пинке сказала:

– Этот ублюдок получил свое, но черт бы драл, Фрици... что мы тут без тебя делать будем?

Уилли и Пинке проводили Фрици до ворот. Только она собралась залезть в грузовик, как прибежала одна девчонка и, запыхавшись, сказала:

– Капитан желает тебя видеть у себя в кабинете, немедленно.

Черт. Ей так хотелось смыться до того, как доделают рапорт, чтоб не пришлось слушать всю эту музыку, но не успела.

Через несколько минут, войдя в кабинет старшего офицера, она увидела капитана Уилера за столом, с чрезвычайно мрачной миной. Миссис Ван де Камп сидела на стуле за его спиной, и лицо у нее было будто

заплаканное. Капитан Уилер глянул на рапорт в ярости и рывкнул:

– Девушка, я впервые в жизни вижу такое полное наплевательство на правила и безопасность. Вы понимаете, что подвергли риску жизнь инструктора и свою собственную и могли разбить военный самолет?

– Так точно, сэр.

– И это еще куда ни шло. Но вы же репутацию и будущее всей программы поставили под угрозу. Вы лучше всех должны понимать, сколько усилий прилагают миссис Лав и миссис Кокрэн, чтобы эту программу не закрыли, а сами выкидываете такие фокусы.

– Понимаю. Простите, сэр. Не подумала. Потеряла голову.

– Эта программа не для вас одной. Она для всех девушек – и для тех, кто за ними последует.

– Так точно, сэр.

Он взял в руки рапорт лейтенанта Миллера и проговорил:

– Вы, ясное дело, не прошли проверку.

– Так точно, сэр.

– Миссис Ван де Камп рассказала мне о недоразумениях между девушками и лейтенантом Миллером, но это вас не извиняет, и, согласно официальному военному протоколу, вы подлежите военному суду.

– Так точно, сэр.

Капитан Уилер отложил рапорт, откинулся на стуле и глянул в окно. После долгого молчания вновь посмотрел на нее и сказал:

– Я знаю военные законы, и по всем правилам следовало бы вывести вас за ухо вон. – Он вздохнул. – Но, думаю, любой, кто в силах заставить этого гнилого сучонка Миллера накласть в штаны, заслуживает второй попытки, так что вам никаких полетов две недели – или покуда не выпрем отсюда Миллера. Но если вы еще раз устроите что-то подобное – выгоню. И прослежу лично, чтобы вы больше ни разу в жизни не взлетели ни на одном самолете. Ясно?

– Так точно, сэр.

– А теперь убирайтесь.

– Есть, сэр. Спасибо, сэр.

– И, Юрдабралински...

– Слушаю, сэр?

– Билли привет передавайте.

Она поняла, почему Миллер не вышел из самолета. Ей потом рассказали, что он заставил механика отбуксировать самолет к другому ангару и велел всем выйти. Но молва-то пошла. А механик тот был Элрой

Лиферз. Что же до Фрици, то она и не знала, как сильно ей нравилось быть «осой», пока быть ею она чуть было не перестала.

Шашни

Крылатая Ника делала укладку в салоне красоты «Разз-чешем», и тут заявила ее подруга Пёрл Джефф – искала ее. Пёрл только что услышала от подруги нечто, требующее немедленного доклада Ленор.

Полчаса спустя Ленор вломилась к Сьюки и ворвалась в кухню. Сьюки обедала.

– Мне надо потолковать с тобой, барышня, – не сходя с места. Я поражена полным отсутствием у тебя скромности. Ты забыла, что ты замужняя женщина?

Сьюки вытаращила глаза:

– Что?

– То-то я удивлялась, что тебя вечно нет дома последнее время и никак до тебя не дозвонишься, но теперь мне все ясно.

– Что?

– Сама знаешь что. До меня только что дошли слухи о том, что происходит у тебя с доктором Шапиро, и я желаю положить конец этой чепухе.

– Но, мама...

– Никаких «но, мама». Да самая мысль, что у тебя... что бы то ни было... позорна. Эрл Пул-младший – чуть ли не милейший человек из всех, кого я знала в жизни, а ты с ним вот так?

– Как? О чем ты вообще говоришь?

– Все знают, что вы встречаетесь в городе среди бела дня. Я просто не позволю тебе так обходиться с Эрлом. Он был исключительным мужем и отцом. Уповаю лишь на то, что не опоздала и он ничего не знает. Не забывай: не для тебя одной эта роза цвела, и с его внешностью он мог бы выбрать любую женщину, а потому я бы тебе советовала убить это вот, что у вас там, в зародыше, пока ты не проснулась разведенкой.

Сьюки совершенно оторопела:

– Я ушам своим не верю. Во-первых, это неправда. Не вожу я никакие шашни, и у меня в голове не помещается, как ты могла такое обо мне подумать. А во-вторых, мне казалось, что Эрл тебе не нравится.

– С чего это? Эрл мне всегда нравился, и тебе это известно. А если это неправда, зачем ты встречаешься с этим человеком? Мне это кажется вполне подозрительным. По вафлям никто так с ума не сходит!

– Ладно, мама, раз ты настаиваешь – да, я встречаюсь с доктором Шапиро в городе. И знаешь почему? Потому что я – его пациент и пыталась сохранить это в тайне, чтобы не позорить тебя или, боже сохрани, не опорочить бесценное имя Симмонзов, хотя двое из них прямо сейчас кукуют в дурке.

Ленор посмотрела на нее потрясенно:

– Сьюки, «Милый холм» – не дурка. Их там просто лечат от нервного расстройства. Зачем ты говоришь такое?

– Хорошо, мама, будь по-твоему. Как обычно.

– Да и вообще, зачем тебе психиатр? Это Марвэлин тебе идею подкинула?

– Нет. Не сомневаюсь, тебе трудно это представить, но у меня, знаешь ли, иногда возникают и свои.

– Это попросту глупость, и ты должна ее прекратить сейчас же. Ты меня слышишь, барышня?

– Мама, ты понимаешь, что я взрослая женщина?

– Мне плевать, какая ты взрослая. Ты моя дочь, и я не позволю тебе оскандаливаться.

Сьюки умолкла. Она пыталась решить, вывалить все немедленно или... нет.

– Хорошо, мама.

– Так-то лучше. Остается надеяться, что Эрл ничего не узнает. Бедняге и без того приходится непросто – возиться целый день со всеми этими зубами, не хватало еще твоих глупостей при всем народе.

– Да, мама.

– Так, ну, с этим разобрались... Выпью кофе.

Ленор уселась и уставилась на Сьюки, пока та варила ей кофе, а затем сказала:

– Вынуждена сказать, Сьюки, что меня очень беспокоит твое поведение. Этот врач давал тебе таблетки?

– Нет, мама.

– Хм-м-м... ну... что-то с тобой не так. Может, он тебя гипнотизировал, а ты и не в курсе. Вечно ты неправильно друзей выбираешь. Я всегда говорила: предложи тебе Марвэлин прыгнуть с крыши, ты б за ней следом и прыгнула. Ты же помнишь, как она тебя таскала в кружок изучения Библии.

– Помню, мама.

Через несколько дней слух о Сьюки дошел и до Марвэлин, но она

увидела все совершенно в ином свете. Завидев, как Сьюки садится в машину на парковке возле «Уолгринз», она подбежала и постучала ей в окно. Сьюки открутила стекло вниз:

– Привет, Марвэлин, как ты?

– Открой дверцу, – сказала она, дергая за ручку Сьюки отперла, и Марвэлин, нырнув внутрь, игриво хлопнула ее по ноге: – Ах ты хитрованка, ну даешь! Верно говорят, что в тихом омуте черти водятся. Говорила я тебе вести дневник, он изменит твою жизнь, – и не ошиблась. Сколько ему? Тридцать?

– О господи, Марвэлин, что б ты там ни слыхала, это враки. Не вожу я никакие шашни.

Марвэлин подмигнула:

– Ага, конечно. Но, милая, не надо меня стесняться. Я всей душой тебя поддерживаю. Эдна Йорба Зорбра говорит, что так в природе и было задумано. Нам всем следует быть с мужчинами помоложе. Она говорит, это справедливо. Говорит, что мы своего сексуального пика достигаем только к шестидесяти. Наш сексуальный импульс усиливается, а у мужчин нашего возраста угасает.

– Ну ей-богу, Марвэлин, доктор Шапиро – просто знакомый.

– Кто бы сомневался. Слушай, сделай мне одолжение. Мы же подруги.

– Марвэлин, честное слово. Никакого романа. Мы встречаемся профессионально. Он мне помогает разобраться кое с чем, вот и все.

– Разумеется, ясное дело, так и скажу, если кто спросит. Мне ты можешь доверять. Но, между нами, я тобой страшно горжусь. Всегда думала, что ты просто-напросто скучная домохозяйка, какие не меняются.

– Что? Ты считаешь меня *скучной!*

– Теперь уже нет.

– Но ты так думала? Что я скучная?

– Да, но в хорошем смысле. Просто считала традиционной. Ты понимаешь...

– Ясно, а что еще ты обо мне думала? Смелее, не бойся задеть мои чувства. Я правда хочу знать. Серьезно, если бы ты меня кому-нибудь описывала, что бы ты сказала?

– О, ну, я бы сказала, что ты приятная и милая донельзя, вот и все.

– Вот и все. И так все и думают?

– Ну да... Наверное. Но это очень по-хорошему.

– Но разве нет во мне чего-нибудь по-плохому? У меня же наверняка есть недостатки?

- Нет, ничего в голову не приходит, кроме... но и это не плохо.
- Нет-нет, скажи. Кроме чего?
- Ой, ну если у тебя и есть недостаток, то лишь один – ты позволяешь людям тобой помыкать.
- Ты это про маму?
- Марвэлин кивнула:
- Да и про себя. Но, Сьюки, это не плохо. Эдна Йорба Зорбра говорит, что есть вожаки и ведомые, и секрет счастья как раз в том, чтобы принять свою роль в жизни.
- Понятно.
- Эдна Йорба Зорбра говорит, что я – идеальное сочетание ученика и учителя.
- Правда?
- Ага. Она говорит, что я могла бы хоть сегодня превратиться в профессионального тренера личностного роста, если бы следовала за своей внутренней богиней. Но вообще я тебе хотела вот что сказать: если тебе и твоему – ты знаешь кому – потребуется уединение, у меня есть гостевой домик во дворе, ключ под ковриком. Ни в чем себе не отказывай, в любой момент. Нам, зрелым дивам, следует держаться друг за дружку.
- Сьюки поняла, что без толку тут разубеждать, и сказала:
- Ну спасибо, Марвэлин, я, может, и тебя за компанию приглашу. Тут пара моих друзей-матросов прибывает на той неделе.
- Матросов?
- Ага. Они близнецы.
- Близнецы?
- Да. Всё делают вместе. – Сьюки подмигнула Марвэлин: – Ты же меня понимаешь.

Марвэлин ошалело открыла дверь, выбралась наружу и глядела вслед отъезжающей машине. «Ну и ну. Вот тебе и тихий омут».

Отъехав, Сьюки подумала, что про матросов она зря. Надо бы позвонить Марвэлин из дома и сказать, что она это все сочинила. Зато узнала, что люди считают ее скучной, и она это все время подозревала. Бывают люди без родины. Она – женщина без характера. Бесхарактерная она совсем.

А как его *добыть*, характер, после шестидесяти? Она не понимала даже, с чего начать. И почему у нее этого самого характера нет? Ленор сломала? Или она такой уродилась? У каждого ее ребенка был свой исключительный характер – они его откуда взяли? Она задумалась, какой бы у нее был характер, вырасти она в Висконсине, среди поляков. Может,

получилась бы куда интереснее... играла б на аккордеоне, танцевала польку и все такое...

Добравшись домой, Сьюки все еще огорчалась, что все легко поверили, будто у нее роман, – не у кого-нибудь, а именно у нее. Ну ей-богу. Так неловко. Но теперь никакого «Вафельного дома». Она сняла трубку, набрала номер.

– Доктор Шапиро, вы случайно не знаете, где именно на четырехполоске находится «Рубиновый вторник»?

Выпускной

Авенджер-Филд

Зима 1943 года выдалась суровая. В Европе шли страшные бои, и Дяде Сэму нужно было все доступное топливо, чтобы летали самолеты и ездили машины. Получив разрешение папули, Хертруд второй из сестер Юрдабралински записалась в «осы».

Мамуля не обрадовалась, но что тут поделаешь, и 4 мая Хертруд прибыла в Суитуотер, Техас, с сумками, набитыми домашним хлебом и колбасой, а также с двумя здоровенными банками квашеной капусты для Фрици. На следующий день Уилли, Пинке и Хертруд устроили пикник у Фрици на кровати, а Хасси Минц добавила от себя шесть банок пива «Джекс», стыренные из офицерской столовой.

Фрици заканчивала учебу и рвалась получить распределение. Девчонки надеялись, что, доучившись, поступят в армейскую авиацию и получают настоящие «крылышки», но этого не случилось. В последний момент Джеки Кокрэн, за свой счет, продала Ноймена Маркуса в Далласе, и он сделал специальные нашивки для женщин. Выпускной выдался особенным. Из Вашингтона прибыла толпа военных «шишек», и весь Суитуотер вышел на улицу их встречать. Как бы ни огорчало, что нашивки – не армейской авиации, все равно потешно было смотреть, как генерал Хэп Арнолд^[53] пытается приколоть крылышки на девичьи груди. Он порядком разволновался, пытаясь определить, где грудь, а где бюст. А на некоторых девушках, особенно на Пинке, до черта было места, которое не грудь. К концу церемонии генерал побагровел и взмок. Только не от жары.

В тот вечер перед сном Фрици написала брату.

Дорогой Винк,

Получила твое последнее письмо, но почти все замазанное. Цензоры с цепи сорвались, и я потому не знаю, где ты сейчас и что с тобой, но примерно понимаю, что по самые брови. Из Европы новостей поступает мало, но мы знаем, что наши пацаны спуска не дают.

Для твоего сведения: сегодня я закончила учебу, нас распределили, и мы с напарницей Уилли жуть как счастливы. Выяснили, что нас обеих отправляют в Лонг-Бич, Калифорния, и мы будем перегонять самолеты с завода туда, откуда их уже отправляют за океан. Наша напарница Пинке огребла повышение и остается тут, на Авенджер-Филд, помогать капитану Уилеру. И из нее выйдет что надо администратор. Пинке нам ни разу не говорила раньше, а тут выяснилось, что у нее степень юриста. Я даже не знала, что юристы бывают женщины. Эти нью-йоркские девки умные как я не знаю что. Нам, понятно, будет ее не хватать, но мы иногда будем заглядывать в Суиту отер – проверить, как они тут с Гертруд и остальными деваками.

Ну, мне пора. Не сбавляй оборотов! Калифорния, я иду!

Фрици

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Крошка Билли,

Прилетела в Палм-Спрингз, Калифорния, теперь назад, в Лонг-Бич, воздух гладкий как стекло. Понятия не имела, что в Калифорнии столько гор и нефтяных скважин. Смеху ради полетала одним крылом над Мексикой, а одним – над Калифорнией. Ух ты.

Когда все это закончится, думаю отряхнуть корни и двинуть на запад. Билли, это место создано для полетов. Да и остальное все неплохо. Пальмы, кинозвезды, а апельсины и лимоны можно рвать прямо с деревьев. Все тут загорелые, зубы у всех белейшие, я таких сроду не видела. Кстати, о кинозвездах: иду я тут по Голливудскому бульвару к столовой, и вдруг гудит мне кто-то. Я обернулась, думала, увижу какого-нибудь юнца, а там модная такая блондинка в солнечных очках в голубом кабриолете, прижимается к обочине да и говорит: «Привет, солдат, подвезти?» Я такая села к ней, а это, Билли, будь я проклята, Джинджер Роджерз, моя любимая актриса, и я ей: «Эй, я вас последний раз видела в кинотеатре Пуласки, в “Китти Фойл”, и хороши же вы там были». Спасибо, говорит, а потом смотрит на мою нашивку и давай меня про это расспрашивать, и хоть такая знаменитая, а очень земная. Вышла я из машины и говорю: «До скорого, Китти, спасибо, что подбросила», а она смеется. Такая милая деваха, но здесь все к нам что надо относятся. Я тут ни разу ни за выпивку, ни за еду не заплатила. А знаменитости кишмя кишат. Мы с Уилли пошли пообедать в «Бурый котелок»^[54], попросили счет, а официант говорит: «Вон те двое джентльменов в углу уже обо всем позаботились». Мы глянули, а там мистер Боб Хоуп и мистер Бинг Крозби^[55]. И тогда Боб Хоуп подходит к нам, дарит два билета на свою радиопрограмму и приглашает на ужин после передачи к себе в дом на озере Толука. Все по

высшему разряду. Жена и дети его там были, а еще Марта Рей^[56], а после ужина в дверь позвонили, и мы с Уилли, клянусь, чуть не померли на месте. Пришли Эдгар Берген с Чарли Маккарти, и старина Чарли сказал: «Я слышал, тут красавицы летчицы в гостях». В общем, будь здоров как провели время. Нас тут ценят, это уж точно, да и не только здесь – везде. Люди из штанов выскакивают, лишь бы нам было уютно. Понятно, дело не во мне, а в форме, но все равно приятно. Билли, вот кончится война, приезжай сюда обязательно – прикинем, как тут можно для фильмов трюки устраивать. Познакомились мы с кое-какими ребятами, они говорят, за это отлично платят.

Фрици

P. S. Через час.

Билли, перечитала я письмо. Фуу! Ну я даю. Как дятел, долблю и долблю про Голливуд. Как подумаю о девчонках убитых, так прямо стыдно, что я до сих пор жива и так мне хорошо. Но не знаю, что тут поделать, и скучаю по ним как полоумная.

Пенсакола, Флорида

Фрици, подруга,

Классно ты про Голливуд. Я верняк про трюки для кино помозгую. Мне нравится эта мысль – посидеть на одном месте. Я что-то стар стал для «трюкачества». Тутешние детки меня пугают до усрачки. Чуть поучишь – и они уже думают, что асы. Самолеты бьют налево и направо, многие явно рвутся забрать меня с собой на тот свет. Ты говоришь, тот пацан бухтел, что учит теток, так я бы с ним на раз поменялся. С женщинами бы летал за милую душу.

Слушай, Фрици, понятное дело, терять своих тяжело, но ты наслаждайся каждой минутой, какая у тебя есть. Это приказ.

Билли

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Билли,

Твоя голубка прибыла в Лонг-Бич усталая, но довольная. Отлично было тебя повидать, милый, хоть и на пару дней. Может, в следующий раз все-таки выберемся из номера и чуток оглядим окрестности. Ха-ха. Сомневаюсь. Но, скажу я тебе, Билли, как увидела тебя в Ньюарке, так чуть в обморок не хлопнулась. Повидаться с тобой – то, что доктор прописал. Но в другой раз, когда будет у тебя отпуск, предупреди, девушке надо хотя бы губы подмазать да причесаться. Я небось смотрелась жутко, но какой тут приличный вид после десяти часов в воздухе. А ты отлично выглядишь. Флотское тебе идет, да и полоски не вредят.

У «Пи-38», который я забрала сегодня в Ньюарке, детали отваливаются, но нынче ночью, пока летела через пустыню, звезды мне блестели как алмазы на темно-синем бархатном небе, а на подлете к Л.-А. видела огни – целые мили их, ух! Так красиво. Погода дрянь, бензин паршивый опоганил движки, с механикой затыки – все забыла.

Целую,

Фрици

«Рубиновый вторник»

Пойнт-Клиэр, Алабама

По пути на их встречу доктор Шапиро слегка заблудился. А когда прибыл к ресторану и зашел – едва узнал Сьюки. На ней был длинный светлый парик и большие темные очки.

– Это я, – помогла она, он уселся и извинился за опоздание. – О, все в порядке. Сама виновата. Надо было объяснять лучше. – Официантка приняла у них заказ и удалилась, а Сьюки склонилась к нему и сказала: – Доктор Шапиро, вас, я уверена, удивляет, почему я попросила о встрече здесь, а не в «Вафельном доме».

– Ну...

– Не хотела говорить вам по телефону – вдруг ваша жена или еще кто-нибудь услышит.

– А.

– Но дело вот в чем: мы с вами оказались в скользком положении. Похоже, нас кто-то видел. А город маленький. В общем, подруга моей мамы Пёрл Джефф прослышала... про нас... и сказала Ленор, и у той случилась истерика.

– О?

– Да, я понимаю, это нелепо, но кто-то, судя по всему, видел нас вместе – и не раз, и мама теперь забрала в голову, что я болтаюсь по городу и вожу интрижки с молодым мужчиной за спиной у мужа. Представляете? И не только моя мать про это слышала, но и Марвэлин. Ясное дело, она в восторге. Считает меня скучной. Так или иначе, она даже предложила мне свой гостевой домик – для незаконных свиданий, надо полагать. Но вы об этом в любом случае не волнуйтесь, пожалуйста. Они понятия не имеют, кто вы. Сплетничают обо мне. Ну не глупость ли? Я им всем сказала, что это неправда, но они мне не верят. И конечно, первым делом я сказала Эрлу.

– О?

– Да, он тоже сказал, что ничего смешнее пока не слышал – что у нас с вами шашни.

– Правда?

– Ой, он не про вас думает, что вы смешной. Про меня. Я всегда была вроде ханжи в таких вещах. Это Марвэлин скабреница. В общем, Эрл

сказал, что пусть они и дальше все это думают. Конечно, я ему не рассказывала о матросах-близнецах, про которых наболтала Марвэлин, но Эрлу я сказала, что беспокоюсь о репутации доктора Шапиро. Вот потому я в парике и попросила вас встретиться со мной здесь.

– Ясно.

– Ленор велела мне прекратить с вами видеться, в противном случае я угроблю себе репутацию, но я точно не хочу уходить из ваших пациенток. Если после всего этого вы решите, что нам лучше не продолжать, я, разумеется, пойму.

– Нет, продолжать будем. Мне хочется – если вы готовы. И думаю, что одно ваше здесь появление – уже большой прогресс.

– Правда?

– Вы не позволяете чужим представлениям мешать вам делать то, что вы хотите.

– Хоть я и в парике?

– Да.

Сьюки откинулась на диванчик и подумала о сказанном.

– Похоже, так и есть, верно?

– Да. В тех же обстоятельствах некоторым могло бы не хватить смелости.

– Не хватило бы, а?

Сьюки ехала домой страшно довольная собой. Ей и впрямь лучше. И все же на всякий случай на следующей неделе они с доктором Шапиро встречались в «Кафе и стоянке грузовиков миссис Майнор» на трассе 98.

Военно-воздушная база «Нью-Касл»

Уилмингтон, Делавэр

Дорогой Билли,

Как у тебя там? Извини за почерк. Тут три утра, я сижу в сортире у медсестер, нас разместили на ночь в их казарме. Залетела в Суитуотер глянуть на девок, Гертруд молодцом. Говорит, получила письмо от Софи, та думает тоже сюда вписаться, но я буду отговаривать. Эта суровая жизнь не по ней. Хотя жалко ужасно, пилот-то она отличный.

Тем временем твоя покорная страшно занята. Шесть доставок за пять дней – иду на рекорд. Кхе, злорадствую. Покатухи вдосталь. Одна тетка спросила, не из мексиканской ли я армии. Пуще того, люди не соображают, что на нас за форма такая. Принимают за кого угодно – от вожжаков девочек-скаутов до стюардесс или добровольцев Красного Креста. А в лучшие рестораны и не пускают вообще. Приехали мы в Уилмингтон, рвались до стейка со всякими гарнирами, а нам какой-то чванный гриб и говорит: «Мы не принимаем женщин в брюках», на что Уилли: «А сапогом по заднице примешь?» Но это нам она сказала, не ему. Нам полагается примерное поведение, черт бы его драл.

Но хуже всего другое: тут на днях несколькими девкам надо было сесть в Джорджию, так их какой-то ретивый вояка-полицейский взял на мушку. Этот придурок решил, что они угнали американский военный самолет. Когда все наконец прояснилось, он такой: «А мне ни про каких летчиц никто не говорил». Мы, похоже, по-прежнему самая главная тайна страны, даже для армии.

Фрици

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогая Софи,

Слыхала я из дома, что ты по-прежнему бухтишь на тему вписки в «осы». Хм-м-м... Знаю, ты совета у меня не просила, но все равно его получишь.

Дело в следующем. Это нелегко. Как попадешь на Авенджер-Филд, будешь жить в одной комнате еще с шестью девчонками, а нужник будет один на тринадцать человек. Никакого личного пространства. Тебя будут упихивать, пока не рухнешь. Инструктора строго армейские, крутые, и если не сольешься и начнешь доставки, то еще хуже. На ногах до восхода, на холодине, чтобы успеть на аэродром, готовишься стартовать с рассветом. Летать придется, скорее всего, в открытой кабине – в пургу, ледяной дождь, ливень или в такую жару, что к приземлению ты уже печеная картошка. И, да, уж прости за грубость, эти самолеты спроектированы для мужчин, там стакан встроенный. В воздухе из сорокафунтового тяжеленного летного костюма с парашютом не выкарабкаешься и в туалет не сходишь, а в четырех-пятичасовых полетах бывает адово.

Доставила – возвращаешься на базу сама. Короче, они не хотят и слышать ни о каком злоупотреблении служебным положением, а потому не разрешают падать на хвост военным летчикам, так что обратно – пассажирскими линиями или как угодно. Есть у меня и еще одно большое беспокойство. Пацаны. Ты такая красотка, что на тебе повиснут все местные. Пацанов тут в пять тысяч раз больше, чем нас, и я не уверена, что ты готова иметь с этим дело. Гертруд – взрослая девочка, а я, как ты знаешь, за словом в карман не лазаю, так что мы-то справляемся. Но ты? Ты же ведешься на слезливые истории. Иными словами, не думаю, что тебе тут место. Ты всегда была хрупкая, и не верится, что ты вытянешь даже местную

физподготовку. Знаю-знаю, ты хочешь помочь, но ты можешь и много другого полезного делать. Ты слишком дорога мамуле с папулей и всем нам, и, если что-то с тобой случится, я себе никогда не прощу. Ладно?

Я свое слово сказала и все скверное тебе изложила, решение принимать тебе, но ты хотя бы предупреждена.

Люблю тебя, детка.

Фрици

Решение

Пуласки, Висконсин

Софи прочла письмо от Фрици, но каждый день, сидя в кухне и глядя, как отец слушает военные сводки, чувствовала, что ей необходимо сделать хоть что-то. Она знала, что летчик она годный, и надо хотя бы попробовать себя в Суитуотере.

Кроме того, поработав на автозаправке с Фрици, она и ругательств наслушалась, и кадрейников навидалась. Софи убедилась, что ничто ее не свернет с пути духовного призвания.

– Но, мамуля, я правда считаю, что нужна там. Я летаю не хуже Гертруд, а она уже туда уехала. И если из-за меня хотя бы один мужчина доберется до фронта, от этого уже будет польза.

Мамуля вздохнула:

– Ну если ты так думаешь, то, видимо, надо ехать. Буду, значит, четыре свечки ставить, а не три. Ох, Иисусе небесный, ненавижу эту войну. Она забирает у меня детей. Слава богу, твоя сестра Тула не летает, иначе я и ее бы потеряла.

Через пять дней Софи прибыла в Суитуотер; у автобуса ее дожидалась Гертруд. Она была страшно рада сестре, хоть и понимала, что теперь придется вставать по воскресеньям спозаранку. Уехав из дома, Гертруд забросила еженедельные походы к службе, но пообещала мамуле хорошенько приглядывать за Софи. Фрици отбыла, и теперь Гертруд тут – старшая сестра, так что вести себя придется образцово, но как же она любила поспать в воскресенье.

Ленор опять за свое

Пойнт-Клиэр, Алабама

Ее неоднократно просили этого не делать, но Тенор возобновила просмотр местных вечерних новостей. «Тебя они только расстраивают, мама», – говорила Сьюки. И, само собой, несколько утр спустя Тенор позвонила Нетте – разбудила ее.

– Алло, – проговорила Нетта спросонья.

– Это Тенор. Послушайте, дорогуша, хочу обсудить с вами кое-что, прежде чем звонить в газеты.

Нетта глянула на часы. 6.18.

– Хорошо, излагайте, Тенор.

– В этой стране кавардак, и все только к худшему.

– Согласна с вами, дорогая, но что поделаешь?

– Я как раз об этом. Я точно знаю, что можно сделать и где именно все пошло наперекосяк.

– Ну молодец, Тенор, – сказала Нетта, выбираясь из постели, включила громкую связь и отправилась в ванную.

– Если вдуматься в прошлое, становится ясно: первая большая ошибка – отказ от монархии. Демократия эта без толку. Мы же дали ей все возможности – сколько уж лет?

– Двести с чем-то, не меньше, – отозвалась Нетта из другой комнаты.

– Все возможности, верно?

– О да, более чем.

– Мне показалась здравой мысль, что, как ни печально, большинство людей в этой стране попросту не способны собой управлять. Бог мой, гляньте, кого только что избрали в мэры. Этому человеку мозгов не хватит время подсказать, уж не то что с городом управиться.

– В этом вы правы, – сказала Нетта и смыла за собой.

– Разумеется! И с этим надо что-то делать, пока он нас всех в гроб не загнал. Кому это нужно – тратить столько денег на идиотские велосипедные дорожки?

Нетта вернулась к прикроватному столику и взяла трубку:

– Согласна, дорогая, но что вы предлагаете?

– Люди должны уступить бразды правления тому, кто знает, что для них лучше.

– Хорошая мысль. Кому?

– Вот по этому-то поводу мне и нужно ваше мнение, Нетта. Не хотелось бы себя перехваливать, но вы сами знаете, какие блестящие у меня организаторские навыки.

– Вы бы не стали президентом стольких клубов, будь оно иначе, Ленор.

– Верно. Так вот я и думаю, не заняться ли мне всем этим – обойти возню с выборами, объявить себя мэром, да и дело с концом.

– Почему бы и нет, Ленор. Хуже от вас точно не будет.

– Правильно. Выкину этих ханыг. Начну с малого, на местном уровне, а потом решим, куда двинемся дальше. Не вижу никакого иного выхода, кроме абсолютной власти. А вы?

Через несколько секунд, в 6.21, Сьюки сняла трубку.

– Привет, Сьюки, это Нетта. Прости, что в такую рань, но твоя мать опять за свое.

– Ох ты. Что она вытворила?

Нетта хихикнула:

– Пока ничего, но говорит, что хочет утвердить абсолютную власть, объявить себя мэром и сбросить городское управление.

– О боже... она серьезно?

– Не знаю. Может, очередной заскок, но ты бы на всякий случай зашла да уняла ее, пока она в газету не позвонила.

– Спасибо, Нетта. Прости, что она тебя опять дергает.

– Ой, не беда, я уже привыкла. Но знаешь, Сьюки, как ни безумна твоя мать, не исключено, что в этом что-то есть.

Сьюки оделась и рванула к материнскому дому. Ленор была в кухне.

– Боже милостивый, ты что это в такую рань явилась?

– Мама, ты не можешь звонить в газету и учинять всякие неприятности.

– Неприятности? Ты о чем?

– Мне только что звонила Нетта.

– Ну ты же знаешь, что я права.

– Мама, ты, может, и права, но позволь напомнить тебе еще разок. У Эрла практика в этом городе, и ворошить осиное гнездо я тебе позволить не могу. Мы еще не расплатились по предыдущему разбирательству.

– Но кто-то же должен хоть что-то предпринять. Этот человек нас погубит.

– Хорошо, мама. Пусть это будет кто-нибудь *другой*. Пожалуйста, давай переживем День благодарения без масштабных драм. Обещаешь? (Ленор надулась.) Пожалуйста, мама? Ради семьи.

Ленор вздохнула:

– Ну ладно. Но, знаешь ли, я бы привела городскую власть в форму за одни сутки.

– Уверена в этом, но, пожалуйста, давай оставим ее в покое.

– Хорошо, Сьюки. Если тебе хочется лишать меня свободы слова, у меня нет выбора – только замолчать. Но замечу: последнее время ты стала очень настырной. Ты уверена, что доктор не дает тебе таблеток?

– Нет, не дает, мама. Но, господи, уж лучше б давал.

Чуть погодя, у себя на кухне, Сьюки обдумывала, что ей предстоит сделать к Дню благодарения. Кухарка из нее никогда не была примерная, и все же за последние двадцать с лишним лет она как-то научилась готовить три блюда в день, а вдобавок еду для собак, котов, хомячков и – недолго – для аллигатора. Она всегда старалась обеспечить правильное сбалансированное питание, но иногда сдавалась и вся семья ела пиццу. В конце концов, если существуют мальчики со светящейся вывеской «Пицца» на крыше автомобиля, доставляющие ее прямо к двери, с чего ей отказываться? Дочки тоже не блистали как поварихи. Оставалось надеяться, что Картер женится на девушке, умеющей готовить. Причем не просто готовить, а с удовольствием устраивать День благодарения на всю семью.

День благодарения – всегда напряженный. В этом году жена Бака Банни пригласила их в гости в Северную Каролину, но Ленор ехать отказалась.

– Сьюки, мне слово «Северная» неприятно даже писать. Зачем мне туда? – сказала она.

– Мама, пожалуйста, скажи, что ты пошутила.

Ленор рассмеялась и ответила:

– Ой, ну может быть... но не уверена.

Тем не менее в Северную Каролину они не поехали. Так что готовить опять Сьюки. И, как обычно, Ленор прибудет незадолго до начала ужина, вся такая свежая, красивая, наряженная, усядется и будет царить за столом. Раздражало страшно. Но в этом году Сьюки поклялась, что начинку для индейки с нуля делать не станет. Слишком долго и никогда не получается как надо. В этом году закажет в «Доме индейки Бейтс», и ей плевать, если кто узнает. И пусть Ленор только попробует заикнуться на эту тему –

Сьюки ей ответит: «Ну, мама, не нравится начинка – на следующий год тащи свою».

Ньюарк, Нью-Джерси

*Дорогой Билли,
Добралась до Ньюарка поздно вечером в понедельник, дождь со снегом, видимость нулевая, пришлось садиться на запасном аэродроме в Тенефлае. Приземлилась в грязь по самое не балуйся. Повредили кое-что, но хотя бы сели. Ребята на двух самолетах до нас перевернулись, один сбил ограждение. Ф-фух. Короче, застряли на несколько дней, Пинке это узнала, позвонила отцу и сумела добыть нам билеты на бродвейское представление под названием «Оклахома!»^[57] – вот Уилли-то обрадовалась. Все ночь сапоги чистила.*

Мы на бродвейском спектакле первый раз – и какой это был спектакль! Уилли сама из Оклахомы, и так ее взбудоражило, что она каждый раз, как на сцене скажут «Оклахома», вскакивала и орала «Хи-хоу!». Потеха. Прямо радуюсь, что она из пушки не палила. Зашли потом за кулисы, познакомились с актерами, Алфреду Дрейку^[58], солисту, одного взгляда на Уилли хватило – сразу на свиданье позвал, пришлось компанию составить.

Такой модник он. Когда не на сцене, весь из себя Пятая авеню. Отвел нас в «Сардис»^[59], туда все звезды ходят, у нас столик был прямо у окна. И чуть погодя заходит Джордж Рафт^[60], а на руке у него висит шестифутовая блондинистая фря в золотой парче. Потом двинули в «Радужную Залу» и в «Копакабану»^[61]. Ну и ночка. А на следующий день поехали кататься на коньках в Рокфеллеровский центр. Я каталась. Уилли глазела. Они там у себя в Вапануке, Оклахома, не катаются. Погоняли на автобусе и на метро, выпили в «Плазе». Во дела. Как теперь удержат Уилли на ранчо, когда она Нью-Йорк повидала? Ей этот город пришелся в масть, да и она ему. Таксисты чуть машины свои не гробили, так ей махали и дудели.

Скучаю по тебе,

Фрици

Авенджер-Филд

Суиттуотер, Техас

Дорогой Виник-Краник,

Летели мы с Уилли поперек страны обратно, заскочили на Авенджер-Филд, и, знаешь, после всех моих предостережений сестрица наша Софи заявила-таки туда пару недель назад и теперь на учебе. Я, конечно, огорчилась, но Пинке велела не беспокоиться, сказала, что у Софи с Гертруд отлично все получается. Похоже, так и есть. Мой механик Элрой сказал, что слышал, как другой механик говорил, мол, эти девчонки Юрдабралински свои моторы знают, верняк. Могут сказать, что с ними не так, еще до проверки. Паши деньки автомеханиками явно впрок. Слышала, инструктора тоже под впечатлением. Один мне заявил, что у Софи спинномозговое чутье летчика. Хотела я ему сказать, что всему ее научила, но на сей раз Мисс Футы-Нуты смолчала. Вот мамуля бы удивилась.

Шлю тебе газетную вырезку – про то, что в нашей семье во славу старых добрых Штатов теперь летает четыре пилота. Мамуля говорит, папуля такой гордый, того и гляди лопнет. А уж я-то!

Понятия не имею, как у тебя дела, так что давай-ка в следующем письме скажи пацанам-цензорам, чтоб оставили строчку-другую, ага? Кончай с войной и приезжай домой. Тоскую по твоей мерзкой роже.

Фрици

Р. S. Гертруд привезла аккордеон и в казармах пользуется немалой популярностью. Напарница моя Уилли из Оклахомы сказала, что никогда в жизни польки не слышала, и теперь учит Гертруд кое-каким мелодиям из кантри. Слышал «Опять в седле»?^[62] Ой-ёй. Слащавая. Но Уилли я этого не стала говорить.

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Билли!

Вот как сказка-то сказывается. Похоже, у нового здорового «Би-29» немало проблем с возгораниями двигателя, многие ребята боятся, отказываются на этой штуке летать. Похоже, подполковнику Полу Тиббетсу^[63] нейдет его применять – он на нем «ос» тренирует. Велел сделать на боку надпись «Божья коровка», рядом с символом «ос», и катал с туром по всем авиабазам страны. Приземляется такой самолет, ребята собираются вокруг, а тут из кабины две летчицы вылезают – застыдили их. Больше никаких отказов. Горжусь сил нет, что те две девчушки были моими напарницами. Не знаю, что там на уме у Тиббетса с этим «Би-29», но что-то страх какое важное.

Люблю,

Фрици

День благодарения

Пойнт-Клиэр, Алабама

Чудесно, что все съехались домой на День благодарения, и Сьюки с радостью повидала всех детей, а также, конечно, Бака с Банни. Но и напряжения хватало. Ленор, узнав, что Картер везет в дом девушку, настояла на симмонзовском столовом серебре: пусть знает, что они не простого десятка.

На День благодарения Сьюки следила, как Ленор пробует начинку из «Дома индейки Бейтс», и уже приготовила отрепетированный ответ, но Ленор, похоже, не заметила разницы. На следующий год там же и индейку надо заказать.

После ужина, когда убрали со стола и все уселись смотреть футбол, она позвала Бака пройтись.

– Пойдем, конечно, – ответил он. – Надо выгулять индейку.

Они вышли на задний двор. Как обычно, погода на День благодарения стояла теплая и мягкая. Народ в Пойнт-Клиэр частенько ходил с коротким рукавом вплоть до декабря, а иногда и позже. А сегодня вообще было прекрасно. Они дошагали до конца пирса и расположились там.

Бак глубоко вдохнул и улыбнулся, глядя на воду и громадные белые облака над бухтой.

– Боже, как мне здесь нравится. Сестрица, помнишь, как мы каждое лето спали на веранде и слушали старое радио?

– о да.

– А помнишь мощные грозы и молнии над Мобилом? Вот это зрелище. Скучаю я по этой бухте, но... – Тут он вздохнул. – Банни нравится в Северной Каролине, что поделаешь? Но иногда все же приятно приезжать домой. Понимаю, какая это боль пониже спины – нас тут принимать и на всех готовить.

– Да ну вообще нет. Я так рада, что вы смогли приехать.

Бак вдруг взгляделся в Сьюки:

– Ты как, сестрица? Похоже, тревожишься о чем-то. С Крылатой Никой опять кто-нибудь судится?

– Слава богу без этого. Но мне надо у тебя кое-что спросить.

– Конечно, давай.

– Ну, это может тебя порядком потрясти... или нет... Не знаю.

– Что такое?

– Бак, ты знал, что я удочеренная?

Бак сморгнул, вновь уставился на воду и некоторое время задумчиво молчал, а потом ответил:

– Хм, может, что-то слышал такое, да. А что?

– То есть знал?

– Ага, как-то так...

– Ты знал, что я удочеренная? И тебя это не трогало?

– Никак не трогало. А надо было?

– Ты меня не презирал?

Вот теперь Бак вытаращил глаза:

– Тебя? О боже ты мой, нет. Я тебе говорил – всегда радовался, что ты была у Ленор под рукой, чтобы она не цеплялась ко мне.

– Но, Бак... мы же всегда были близки. Почему ты мне никогда не говорил?

Он вздохнул.

– Ну, сестрица, я и сам толком не знал аж до старших классов. И папа велел тебе не говорить, потому что думал, ты огорчишься или станешь мучиться. Вот я и молчал. А ты когда узнала?

– Месяцев пять назад. Техасский отдел здравоохранения прислал Ленор письмо, а я его прочитала. Там были мои документы на удочерение.

– Вон что. А Ленор ты сказала?

– Нет.

– А собираешься?

– Пока не знаю. Но почему папа тебе сообщил?

– Он, я думаю, переживал. Все произошло после его первого инфаркта. На случай, если с ним что-нибудь стряется, выдал мне письмо. Сказал, если кто начнет задавать вопросы о твоём свидетельстве о рождении, надо этому человеку предъявить этот документ.

– А с чего бы кому-то спрашивать?

– Ну, похоже, после удочерения Ленор хотела, чтобы в твоё свидетельство о рождении как мать была вписана она, и потому дама-мексиканка, работавшая у нее, съездила через границу и в Мексике состряпала подложное свидетельство. Это все противозаконно, а потому, если бы кто-нибудь узнал, Ленор загремела бы в тюрьму или типа того, так что он записал свое признание – что это сделал он.

– Только этого не хватало.

– Ага, бедняга. Собирался сесть вместо нее. В общем, сестрица,

прости, что тебе вот так это все открылось. Но, честно, я уж и забыл. Для меня ты всегда была сестрой, и это большое мое везение.

Сьюки глянула на брата и улыбнулась:

– Бак, ты, похоже, милейший парень на свете.

– Ну, может.

Он обнял ее, и они двинулись к дому. Вдруг брат рассмеялся.

– Знаешь, как подумаю, что Крылатую Нику сажают за решетку, так прямо потеха.

– Представляешь? Клянусь, через пару дней они бы уже умоляли нас забрать ее назад.

– Ага, – согласился Бак. – А через три дня она бы уже рулила заведением.

И оба расхохотались.

Наутро за завтраком Банни глянула на Сьюки и проговорила:

– Ну и ну. Бак, прямо скажем, умеет хранить тайны. Все эти годы ни словом не обмолвился про то, что ты ему не настоящая сестра.

– Банни, ну что ты, ей-богу, – отозвался Бак. – Она моя настоящая сестра!

– Ой, ну ты понимаешь, о чем я. Сьюки, он ни единого слова мне про твое удочерение не сказал, так что ему, поверь мне, разницы никакой, иначе я бы знала. Но все равно невероятно. Поразительно, как похоже вы себя ведете, а при этом даже не родственники.

Бак закатил глаза:

– Банни, хватит уже, ладно?

Бак на Банни взъелся, а Сьюки нет. В конце концов, Банни говорила сущую правду. По крови они с Баком не были связаны, но это не имело значения. Они всегда будут братом и сестрой, несмотря ни на что.

Странным поворотом судьбы, случайным совпадением их, двух разных людей, свело вместе, на всю жизнь. В 1945-м Ленор захотела дочь, а тут подвернулась Сьюки. А как вышло, что в тот день объявилась Ленор, – кто знает. Могла бы запросто выбрать другую малышку или прийти на день позже, и Сьюки кто-то уже бы удочерил. Видимо, так суждено.

Через несколько дней после их отъезда Сьюки получила письмо от Бака.

Сестрица,

Спасибо за гостеприимство. Нам все понравилось,

*мы с Банни все еще битком набиты индейкой. Родная, прилагаю письмо, которое мне дал папа. Пусть оно будет у тебя. Может пригодиться, если когда-нибудь соберешься шантажировать Крылатую Нику.
Люблю тебя, сестрица.*

Бак

К письму прилагалась записка папиным почерком.

*К сведению заинтересованных лиц.
Сим подтверждаю, что я, Олтон Картер Крэкенберри, несу полную ответственность за противозаконную подделку свидетельства о рождении моей дочери.*

О. К. Крэкенберри

Браунсвилл, Техас

Июль 1945 года

Ленор Симмонз редко в чем терпела поражение, но за одиннадцать лет брака не смогла забеременеть. Надеялась, что все произойдет в Техасе в войну, когда их туда перевели, но нет. А теперь война почти закончилась, и унижительно было возвращаться в Селму, где все друзья уже счастливо растили детей. Ее домработница Кончита и намекнула ей в доверительном разговоре, что стоит съездить в далласский детдом «Глэдни» и там глянуть. При первом же удобном случае они с Олтоном полетели в Даллас.

Персонал оказался очень приветливым, у них была уйма одно-, двух- и трехлетних детей войны, и Ленор повидала всех, но к концу дня сказала управительнице заведения:

– Они все совершенные лапочки, но я вот подумала... а нет ли у вас кого помладше?

– В смысле?

– Я искала младенца, желательно девочку.

– Вон что.

– Не припрятан ли у вас кто-нибудь, кого я еще не видела?

– Нет.

– *Вообще* никаких младенцев?

– Ну, у нас есть одна девятимесячная девочка, но есть и заинтересованная пара, они завтра приедут ее посмотреть.

У Ленор загорелись глаза:

– То есть она отложена?

– Можно и так сказать. Да.

– Позвольте нам хотя бы глянуть на нее, а? На случай, если другая пара сорвется. Пожалуйста. Люди иногда меняют решение.

– Что ж, пожалуй, можно вам ее показать, но не забывайте: на нее есть серьезные планы.

– Понимаем, конечно, правда, Олтон? Мы одним глазком.

Через пять минут Ленор, взяв ребенка на руки, воскликнула:

– Олтон, ты посмотри в эти глазки. Уж если она – не вылитая я в том же возрасте, то я и не знаю, кто тогда. И вот еще что, – сказала она, откинув одеяльце, – у нее симмонзовские ножки!

Ленор влюбилась с первого взгляда, и другая пара не видала девочку как своих ушей.

Подделка

Браунсвилл, Техас

Узнав о подделке свидетельства о рождении, Олтон Крэкенберри страшно расстроился.

– Уму непостижимо, как ты вытворила такое за моей спиной. Господи, Ленор, ты о чем думала? Я офицер армии Соединенных Штатов. Меня за такое под трибунал отдадут. Немедля порви.

Ленор схватилась за грудь.

– Нет, не могу. Прошу тебя, Олтон... это же маленькая святая ложь, но позволит Саре Джейн наследовать Симмонзам. *О ней* подумай. И представь, каково будет бедной крошке жить со свидетельством о рождении, в котором записано «отец неизвестен». Это убьет ей самооценку, напрочь.

– Ты понимаешь, что этот документ незаконный? Если люди узнают, что ты за него заплатила, тебя арестуют за подделку.

– Но никто же не узнает. Олтон, ты подумай о будущем своей дочери. Я это делаю ради нее, не ради себя. Какой приличный мальчик из приличной семьи женится на девочке, у которой отец невесть кто? Она никогда не станет «Каппой» и в свет не выйдет, да и какой девочке не хочется быть на год моложе, если выпала такая возможность?

– Что?

– Ты же хочешь, чтобы у нее были все мыслимые преимущества, верно? Девушке и так непросто выбиться в люди, зачем же обременять ее этим клеймом, причем в том, что она не может исправить? Да, мы тут, наверное, слегка нарушаем закон, но этот листок бумаги все для нее изменит.

– Но, Ленор, это же ложь...

– Но это *могло* быть правдой. Она же могла быть нашей дочерью. И, признай, она день ото дня все больше похожа на Симмонзов. Ты разве не веришь в предназначение? Думаю, Бог хотел, чтобы она росла у нас.

– Ленор, только Бога сюда не примешивай. Это преступление.

После продолжительной мольбы и падений на диван с рыданиями и криками «Ты меня не любишь!» Олтон, вопреки здравому смыслу, наконец согласился – но с одним условием:

– Ленор, если нас поймают, не говори, что я тебя не предупреждал.

– О нет. – Она улыбнулась и осушила слезы. – И не волнуйся, Олтон, я возьму на себя всю ответственность. Как ее мать я с радостью отсижу положенное время в одинокой тюремной камере, если это защитит будущее моей дочери. Для материнской любви ничто не жертва. – Последнюю фразу она произнесла, глядя на себя в зеркало.

Через два месяца, когда Ленор с Олтоном возвратились домой в Алабаму с новорожденной дочерью Сарой Джейн, все заметили, что для двухмесячного ребенка девочка крупновата, но Ленор пожелала обозначить в свидетельстве о рождении дату удочерения. И стало по слову ее, спасибо довольно сносно состряпанному документу, который Ленор при помощи Кончиты привезла из Мексики – у той был там друг, умелец для таких дел. Ленор хотела одного ребенка, и Бак через год стал полной неожиданностью. Вон как.

Ленор не моргнув глазом выдумывала всякое. Ее отец и бабушка делали то же самое. Мать Ленор не умерла родами. На самом деле, когда Ленор было пять, ее обожаемая мать вернулась из поездки в Новый Орлеан и объявила мужу, что Селму, Алабама, и его самого она ненавидит и уезжает навсегда.

Повозка уносилась прочь, а Ленор бежала за ней и просила маму остаться, но та даже не обернулась, а повозка ехала себе дальше. Больше ее не видели. Ленор так и не узнала, отчего мать уехала. Может, из-за неуравновешенности, а может, просто не слишком-то любила детей, чтобы ради них оставаться. Так или иначе, проще было считать, что всего этого просто не случилось. Для себя Ленор решила, что Сьюки – ее дочь и что роды длились двое суток.

Ирландец

Скотт-Филд, Иллинойс 1944 год

Фрици прибыла на базу поздно, однако все равно села писать Билли письмо. Она о нем думала.

Дорогой Билли,

Села на Скотт-Филд несколько часов назад, и тут битком. Нашла себе койку у медсестер, так что пишу по-быстрому – и на боковую. Мне так себе, устала я сегодня – весь день летела, ветер встречный, да еще и одометр барахлил, пришлось пинать его по дороге через всю страну.

Да и перегуляли мы накануне. В Уилмингтоне напоролась на двух старых летных подруг – Нэнси Бэтсон и Терезу Джеймз, они в Орlando летели. Во мы устроили там. Нэнси – красотка-блондинка из Алабамы, я тебе про нее рассказывала, так что от желающих потанцевать отбою не было, в основном от пацанов, рвавшихся сплясать с «Алабамой». А Джеймзи – та из Питтсбурга и такая будь здоров не кашляй, да и пить умеет. И все бы хорошо, пока не пришли мы в одно заведение, и там Джеймзи заказала нам снадобье под названием «джин-рики». После этого уже мало что помню. Домой добралась не раньше четырех утра, а в шесть уже вылет. Но все равно отлично было повидать девок. Не считая Шарпи, эти две – лучшие летчицы во всем ансамбле, и, если нас пустят в военные по-настоящему, не удивлюсь, когда они в итоге станут генералами. Я-то и рядовым буду с удовольствием. Чем еще заняться-то, кроме как офицеров костерить.

Я

А вот чего Фрици не доложила Билли: в одном из последних баров столкнулась она с рыжим ирландцем по имени Джо О'Коннор, тот, из родных краев. Он служил морпехом и на следующий день отправлялся в

моря. Отлично было его повидать. Лучше бы, конечно, если б не оказались они в мотеле «Розовое облако». Но, по его словам, война – дело такое, что, может, они больше никогда не увидятся.

Военная любовь

Лонг-Бич, Калифорния

Война продолжалась, и Фрици начала доставлять «Пи-47», самые тяжелые военные самолеты, на каких летали «осы». Он весил 12 500 фунтов, двигатель – 2400 лошадиных сил. В два раза больше британского «Спитфайера». В кабине помещался всего один пилот, а потому первый полет у нее вышел сольный. Она водила «Эй-ти-6», поменьше, но у того двигатель куда слабее, всего 450 «лошадей», так что на «Пи-47» она в первый раз слегка нервничала. Столько в нем было мощи на взлете, что ее аж вжало в кресло. Но как набрала скорость и выровнялась, поняла, что управляться с ним несложно. Наслышалась она от ребят, как трудно водить «Пи-47», а тут выяснилось, что это котик, а не самолет. С тех пор он стал ее любимцем.

В Лонг-Бич и Ньюарке, да и на всех перевалочных авиабазах Фрици с Уилли встречали много симпатичных ребят. Многие, с кем они познакомились и танцевали, отправлялись за океан, кое-кто думал, что это любовь, пытались вырулить на что посерьезней, но Уилли была помолвлена с парнем из родного города, он служил в армии капитаном, а Фрици решила, что хватит с нее и «Розового облака». Но пацаны все равно втрескивались. Болтали даже, что на Германию упало немало бомб с надписью «Уилли» и «Фрици».

Любовь в тот год словно растворена была в воздухе – даже в Пуласки. Оказавшись на следующий раз в Лонг-Бич, Фрици обнаружила, что ее ждут четыре письма: три от Тулы и одно – от мамули.

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Билли,

Как ты там, милый? Прости, не особо я тебе писала последнее время, но занята была по уши. А тут еще дома любовные перипетии, и я прямо посередке всего этого. Опасно все закрутилось и могло рвануть по-серьезному.

Несколько месяцев назад Нард Танаваски, жених Гертруд, приехал из армии в отпуск по личным обстоятельствам и так тосковал по Гертруд, что взялся болтаться вокруг нашего дома целыми днями. Говорят, совсем этого не планировали, но они с Тулой влюбились друг в друга без памяти и хотят жениться. Во дела! И все, даже мамуля, боялись говорить бедной Гертруд. Ну ты понимаешь. Они твою покорную впрягли это сделать – как окажусь в Суитуотере в следующий раз. Тоска и ужас – сообщать такие вести бедной детке, но вот сказала я ей, а она счастлива как я не знаю что. Говорит, давным-давно поняла, что Нарда не любит, и все пыталась выдумать способ как-то ему об этом сообщить половчее, а если Туле он нужен, она не против. Так что, похоже, зять будет тот же, только по другой сестре.

Фух! Рада, что все закончилось, и, к слову о любви, похоже, Софи по-тяжкому в ней – с каким-то английским летчиком. Вот я удивилась-то. Не знала, что ей вообще пацаны интересны. Что ж, поглядим. Мамуле я пока ничего не говорю.

Подустала я, так что пойду-ка. Пора на боковую. У «Хьюз Эйркрафт» недопоставки, так что у меня в Сан-Франциско с Лонг-Бич по три-четыре доставки на день. Знаю, что все они – нашим ребятам на Тихом океане, а потому оставляю записку на удачу – удачливому пилоту. Клянусь, Билли, слетают с конвейера каждые десять минут, но они нам нужны, так что никакого нытья.

Целую,

Фрици

«Суп с йогой»

Пойнт-Клиэр, Алабама

Марвэлин страшно огорчилась, когда Сьюки сказала ей правду.

– То есть вот это все про матросов – тоже неправда, значит?

– Неправда, милая, и молодой человек, с которым я встречаюсь еженедельно, – не мой любовник.

– Так кто же он тогда?

– Если я тебе скажу, ты обещаешь никому не проболтаться?

– Конечно.

– Я хожу к психиатру.

– В «Вафельный дом»?

– Да, и не только туда. Мне за это не стыдно, но лучше бы, чтоб оно по городу не ползло. А к нему в приемную так, чтоб никто не узнал, не попадешь. Вот он и согласился встречаться со мной в других местах.

– О. Так а зачем тебе вдруг психиатр?

– Ну... ой... у меня накопилось напряжение.

– Детские проблемы?

Сьюки ответила:

– Да, точно. Детские проблемы.

– Знаешь, Сьюки, у меня, когда я начала встречаться с Эдной Иорбой Зорброй, колено какое-то тугое было, и она сказала, что тело накапливает напряжение от травм раннего детства, а йога – один из лучших известных ей способов освободиться от них. И йога и впрямь творит со мной чудеса.

Марвэлин принялась таскать Сьюки буклеты из «Супа с йогой» – студии, которую она посещала. Сьюки обычно их выбрасывала, но тут что-то почувствовала в теле некоторую неподатливость и задумалась: может, это *и впрямь* отголоски детской травмы. Бог свидетель, ей их хватало.

А началось все в очень юные годы. Сьюки помнила, как в ее семь лет Ленор, верная форме и безразличная к фактам, взялась написать и поставить подлинную историческую живую картину под названием «Сага Симмонзов Селмы» с собой в главной роли. Первая сцена происходила на просторной южной веранде, где Ленор (изображая собственную бабушку) размещалась с двумя внуками (в роли внуков – Сьюки и Бак), сидящими у ее ног. И по сей день Сьюки помнила, в каком ужасе была, когда поднялся занавес перед громадным залом. У нее была всего одна реплика: «Ой,

бабушка, ты отбила всех этих янки в одиночку. Вот это смелость». Но когда подошло время говорить, с Сьюки случился такой сценический мандраж, что она окаменела. К счастью, Бак произнес эту реплику за нее. А потом была живая картина «Молодежной лиги красоты матерей и дочерей». Та тоже не обошлась гладко. Неудивительно, что тело такое неподатливое. И потому Сьюки подумала: может, и стоит попробовать йогу. Купила коврик и лосины и записалась на «Поток инь для начинающих».

На следующее утро она явилась спозаранку на занятия. Приветствие солнцу далось ей хорошо, а вот дальше, на растяжке «раскрытие бедер», она, похоже, сделала что-то не то, поскольку потом на встречу с доктором Шапиро еле доковыляла.

Доктор Шапиро уже ждал ее в новом месте, которое она для них нашла, – «Дом стейков и эля Эй-Джея» на трассе 78. Он обеспокоенно смотрел, как она хромотает к их столику.

– Все в порядке?

– А, да. – Она присела и поморщилась от боли. – Вы когда-нибудь йогой занимались?

– Нет.

– Ну вот если соберетесь, мой вам совет: осторожнее с растяжкой «раскрытие бедер».

– Спасибо, учту на будущее, – ответил он.

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Винк,

Прости, не поблагодарила тебя за отличный чайник «Буря Бетти», который ты мне прислал аж из старой доброй Англии. Хочу порадовать: прибыл он ко мне целый и невредимый. Написала бы раньше, но время куда-то подевалось. Последние несколько месяцев пронеслись так быстро, что я даже забыла послать что-нибудь папуле на день рождения и за это наваляла бы себе по первое число.

Кстати, о времени: Энджи прислала недавнее фото малыша Винка. Что произошло? На карточке, присланной полгода назад, он еще был младенцем, а теперь уже маленький мальчик в коротких штанишках. Мы, конечно, все скучаем тут по тебе, дружок. Мамуля сказала, что Энджи прямо-таки дни считает до твоего возвращения. Я тоже. И было б оно по-нашему, ждатель осталось бы совсем недолго. Вся страна отдает все силы, какие остались, войне.

Серьезно, Винк, видел бы ты своими глазами, как люди надрываются на заводах, работают круглые сутки, лишь бы наделать для вас, ребята, как можно больше самолетов. Скажи пацанам, что они б гордились, если бы знали, как вся страна собрала себя в кулак и делает все, что может, лишь бы война эта закончилась и вы вернулись домой целехонькие.

Мы, которые в военных формах, огребаем всю славу, но я снимаю шляпу перед пацанами и деваками, которые каждый день преют на конвейерах, делают свое дело. И ни единой жалобы. Папуля всегда говорил, что мы – величайшая на свете страна, теперь и я вижу, насколько он прав.

Фрици

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Билли,

У нас тут уже поздно, но мне что-то не спится. Пролетела сегодня сквозь большую радугу. Доставляла очередную милашку «Пи-59» в Сан-Франциско, все в тумане, серое всю дорогу, но вот добралась я до Санта-Инес, к северу от Санта-Барбары, и – бум! вдруг вышло солнце. Глянула вниз, а там холмы все стали яркочимонного цвета, и громадная радуга передо мной, и, летя через нее, клянусь, Билли, я выглянула наружу, а у меня крылья розовые, зеленые, голубые, и такая я счастливая была, что захотела на весь день наверху остаться.

Вот мне жалко-то бедняг, которые не летают, а тебе? Кароч, красивая у нас страна. После радуги нарезала я несколько кругов и увидела ветряные мельницы, спугнула корову-другую, но вот это вид! Жалею, что тебя рядом не было – посмотреть на это все. Я последнее время много о тебе думала, Билли, – интересно, бывает ли такое с тобой. То, что когда-то казалось важным – стать знаменитой или просто поразвлечься, – теперь будто больше не слишком-то и значимо. Когда-то я смеялась над девчонками, которым, дескать, пустить бы корни и где-нибудь осесть. Но с недавних пор мне эта мысль нравится. Не хотела я вываливать тебе никаких слащавостей. Может, это я все еще летаю вокруг радуги, а может, это клятые коровы на меня так подействовали. В общем, милый, как ты успел заметить, я по тебе скучаю.

Фрици

Лонг-Бич, Калифорния

Привет, мамуля,

Все хорошо. Я, как обычно, занята. Залетала в Суитуотер тут на днях, повидать Софи с Гертруд, и очень кстати – поспела к коробке с вкуснятиной, которую ты прислала из дома. Как же я скучаю по твоей готовке. Все девчонки с участка Софи и Гертруд подтянулись поближе – надеялись, что им перепадет домашних пончиков. Мы поделились немного, а остальное припрятали.

Софи просит тебе передать, чтоб ты не волновалась. Подцепила какую-то простуду, похоже. Подустала, так что пока дала себе передышку. Черт бы драл, и чего я эту же простуду не схватила – валялась бы в постели, и все бы вокруг меня бегали. Этой девахе везет больше прочих. Но док говорит, что это ненадолго и скоро она опять будет на ногах – и полный вперед.

И вот еще что: Гертруд тебе не скажет, но ее выбрали к отправке в Кэмп-Дэвис, таскать объект прицеливания, а пацаны на земле будут тренировать стрельбу. Не волнуйся. В нее никто палить не будет, а только в цель, которую она будет за собой волочь. Что надо работенка, только лучшим девчонкам достается. Передай папуле привет от меня. Мне пора.

Фрици

P. S. Уж и не знаю, может, это мексиканская еда тут в Калифорнии, но ты порадуешься: я набираю вес. Если не остановлюсь, дам фору Гертруд.

Лонг-Бич, Калифорния

Дорогой Билли,

Мне только что сказали, что я лечу в твою сторону. Четырнадцатого гоню «Би-24 Либератор» в Билокси, Миссисипи, и там у меня будет несколько дней отпуска, пока не получу следующий самолет и не погоню его назад. Можем где-нибудь там встретиться? Понимаю, ты занят, но мне нужно тебя повидать, милый. Оповещай.

Фрици

«Креветочная компания Баббы Гампа»

Сьюки и доктор Шапиро встретились в дальней зале ресторана «Креветочная компания Баббы Гампа», что на Дамбе^[64]. После того как он явился и уселся, Сьюки глянула на него и спросила, как бы извиняясь:

– Доктор Шапиро, это не будет чудовищным хамством с моей стороны, если я закажу что-нибудь поесть? Не знаю, допустимо ли есть во время приема.

– Конечно, допустимо. Заказывайте что хотите.

– Ой, спасибо. Я утром так заработалась во дворе, что потеряла счет времени и совершенно забыла позавтракать, а теперь умираю от голода. Я так опаздывала, что даже переодеться не успела.

Официантка, принимавшая заказ, сообщила, что, увы, для завтрака уже слишком поздно.

– Уже гриль выключили, милая. Есть только то, что в меню на обед.

Сьюки проглядела меню. Она знала, что креветки – фирменное блюдо заведения, но сама прошлым вечером готовила креветки с дробленкой, а потому заказала жареные устрицы, кукурузные оладьи, тушеную капусту, а на гарнир жареную соломку из кабачка.

Доктор Шапиро традиционно заказал чашку кофе без кофеина. С южной кухней он пока не подружился. Тут редко попадалось хоть что-то не жареное.

Сьюки принесли ее заказ, и она принялась и за еду, и за доклад, как она сообщила Марвэлин про матросов-близнецов.

– Вот честно, доктор Шапиро, я и не знаю, что на меня нашло – сказать эдакую дикость. Никогда я не встречалась с матросами, и уж тем более... – Тут у Сьюки округлились глаза и она побелела как простыня. – О боже, – проговорила она, – мне надо бежать. – Выскочила из-за стола и на пределе скорости помчалась в дамскую комнату.

Доктор Шапиро понятия не имел, что произошло, а ей некогда было объяснять. Сьюки сидела лицом к двери и вдруг увидела Пёрл Джефф, подругу матери, – та входила в ресторан с компанией других дам. Не считая Ленор, Пёрл Джефф была последним человеком на свете, с которым Сьюки хотелось бы сталкиваться.

Сьюки не возвращалась за стол четверть часа, и доктор Шапиро забеспокоился. Может, съела скверную устрицу, а от этого бывает пищевое отравление – вон как быстро прохватило. Он еще немного подождал, после

чего подошел к дамскому столику в углу.

– Прошу прощения, – сказал он. – У меня приятельница задерживается в дамской комнате, и ей, кажется, нехорошо. Не могли бы вы сделать мне одолжение и посмотреть, как она?

– Ой, ну конечно, – ответила Пёрл Джефф, взяла сумочку и направилась к туалетам. На одной двери красовалась надпись «Катера», на второй – «Яхты». Пёрл открыла дверь с надписью «Яхты».

Сьюки пряталась в кабинке, и стоило Пёрл заговорить, как Сьюки узнала ее голос.

– Эй, – позвала Пёрл, – кто-нибудь есть? – Ответа не получила, а потому двинулась к кабинке, под дверь которой увидела ноги, и постучала: – Эй? У вас все в порядке? Ваш приятель за вас волнуется.

Сьюки запаниковала. Она не понимала, что ей делать, а потому все давила и давила на смыв.

Через несколько минут Пёрл вернулась и спросила у доктора Шапиро:

– Ваша приятельница – в розовых туфлях с помпонами?

– Наверное, да, – ответил встревоженный доктор Шапиро.

– Ну, она там, но, судя по звукам, выйдет не скоро.

Теперь пришла его очередь не понимать, что ему делать. Просто взять и уйти он не мог, а потому остался на своем месте.

Наконец дамы ушли, и он подошел к стойке и попросил официантку сходить проверить. Через мгновение она появилась и вручила ему записку, нацарапанную Сьюки на листке для расчетов с гостями.

Уважаемый д-р Шапиро,

Простите меня, умоляю! Понятно, что я свое время сегодня исчерпала, но увидимся на следующей неделе, и я все объясню. Не волнуйтесь. Я не отравилась.

Официантка сказала ей, что дамы из-за столика в углу ушли, но Сьюки все равно боялась выйти до времени. Пёрл с подругами могла задержаться на парковке.

Когда Сьюки решила, что горизонт чист, в заведении уже никого не было. Обед ее простыл, сессия сорвалась. Сьюки села в кабинку чуть ли не в слезах. Ну куда не деться, как бы она ни старалась. Уж коли ты дочь Ленор Симмонз Крэкенберри в маленьком городе, считай, носишь на себе «маячок». Кто-нибудь всегда будет знать, где она. Сьюки жалела принцессу Анну Английскую. Неудивительно, что та старалась залечь на дно. Сьюки

теперь поняла, каково это.

Печальный день

Лонг-Бич, Калифорния, 1944 год

Октябрь, вторник. Фрици появилась в казарме, поздоровалась со всеми, как обычно.

– Здоров, ребята, я вернулась и готова поесть. Кто хочет... – Тут она умолкла, заметив, что на нее едва глаза поднимают, а некоторые девчонки вообще будто заплаканные. – Что случилось?

Уилли ткнула пальцем в письмо у Фрици на кровати.

Она подобрала его и увидела на конверте адрес вашингтонского штаба армейской авиации. Она быстро вскрыла конверт и прочла, что генерал Хэп Арнолд приказал к 20 декабря свернуть программу «ос». Фрици остолбенела.

– Это шутка?

– Нет, читай дальше.

Фрици присела на кровать и дочитала:

– «Когда вы были нам нужны, вы не подвели нас и служили образцово...» Ла-ла-ла. – Она перескочила к концу. – «Но теперь ситуация на войне изменилась, и ваша добровольческая помощь больше не требуется. Если продолжите служить, то будете замещать, а не высвобождать наших молодых людей. Я знаю, что “осы” этого не желают». Ла-ла-ла. «С искренней благодарностью, всегда мягких посадок».

В тот день такое письмо получили «осы», размещенные на девяти сотнях баз по всей стране.

Оказалось, тысячи гражданских летных инструкторов-мужчин получили возможность не служить в армии, пока тренируют военных летчиков. Но теперь у армии их было в досталь, и потому летные школы по всей стране начали закрывать. Однако на тихоокеанском побережье и в контролируемой нацистами Европе не хватало обычной пехоты. И тут-то гражданские летные инструкторы внезапно подпали под призыв и оказаться теперь могли не в летчиках, а в сухопутных войсках. И – столь же внезапно – многие инструкторы захотели взяться за работу «ос» и таким манером остаться в Штатах.

Многих натаскают – с немалыми расходами для правительства – обращаться с современными самолетами, которые водили женщины, но тем не менее мужчины сплотились и устроили громадную шумиху, чтобы не

дать провести законопроект, уже внесенный в конгресс, по которому «осы» переводились в ранг военных и оставались на летной службе.

Общественности сообщили, что военные летчицы – это непатриотично, потому что они отбирают работу у мужчин, а уж если женщины хотят служить в армии, пусть идут в Женские войска или в медсестры – вот где они действительно требуются. А тут и Организация ветеранов иностранных войн и Американский Легион подсуетились, и законопроект о милитаризации «ос» провалился. Это означало, что семьи погибших девушек не получают никаких посмертных привилегий, а в конце войны «осам», в отличие от ветеранов в отставке, не видать ни льгот военнослужащих, ни медицинских послаблений – ничего.

Пенсакола, Флорида

Фрици,

Милая, слышал, что случилось. Дело табак. И что за идиотское решение армии. Оно встанет той же армии в целое состояние – их же учить надо, пацанов, которые вас заменяют. Арнолд говорит, что больше всех шума подняли те ребята, кто не хотел идти воевать, – они-то и устроили эту убойную бомбежку письмами. Говорит, они даже мамочек своих заставили писать в конгресс. Стадо слюнтяев. Друг мой Бэрри, он обучал нескольких «ос», так он говорит, что все у вас, девки, было отлично, кроме одного: вы девки. Если б я всем этим рулил и мог помочь, но, черт бы драл, не рулю. Короче, я знаю, как тебе сейчас паршиво, но и черт бы с ними. Иди-ка выпей чего покрепче. Да вообще, к дьяволу, накидайся сколько влезет и помни: я всегда за тебя горой.

Люблю тебя, друган,

Билли

Он впервые сказал ей, что любит, а ей это было просто необходимо услышать. Хоть как-то смягчить удар. И его советом насчет выпить она тоже воспользовалась.

Мягкие посадки

17 декабря 1944 года Фрици в последний раз посадила здоровенный четырехмоторный бомбардировщик и, прежде чем уйти, остановилась и похлопала его по боку:

– Ну, пока, старина. Отличный ты самолет.

20 декабря «ос», расквартированных по всей стране, отозвали в Суитуотер, и когда они сдали все обмундирование – противогазы, летные очки, кожаные летные костюмы и сапоги, – правительство устроило женщинам банкет, говоря им тем самым: «Спасибо еще раз за службу, удачи и мягких посадок». Фрици сидела на этом ужине и думала: «Вот так уволили». А после, со всеми попрощавшись, выбралась на поле, нашла самолет, заправленный и готовый к вылету, и решила, что правительство задолжало ей по крайней мере бесплатный полет до дома.

Фрици знала, что пьяна, но ей было все равно. Она сделала то, что себе не простит. А теперь еще и «ос» распустили, и она теперь не нужна, а потому ей уж и неважно, жить или умирать; она завела моторы, оторвалась от земли и полетела в сторону Висконсина. Домой не очень хотелось, но куда ей еще податься.

На пути совершила три или четыре посадки, и через неделю армия в итоге обнаружила пропавший самолет, припаркованный у ангара на Блеш-Филд в Грин-Бее. До дома Фрици добралась на такси. Похмельная – зато дома. Угон военного самолета – серьезное преступление, но судиться с ней никто не стал.

Пинке осталась наводить порядок на складах в Суитуотере и поддержала ее. Она знала, через что Фрици пришлось пройти. И Пинке поняла: за то, что этим девчонкам удалось сделать, правительство должно было всех развезти по домам.

По окончании войны данные «ос» засекретили, и о них, в общем, забыли.

Пройдет тридцать лет, прежде чем женщина вновь сядет за штурвал военного самолета.

Победа

Пуласки, Висконсин 1945 год

В день победы над Японией сосед выбежал на улицу, замахал руками и проорал:

– Война кончилась!

Внезапно по всему городу зазвонили церковные колокола, задудели автомобильные клаксоны, а дети понеслись, колотя в кастрюли и сковородки. Они знали, что во всем мире наступил конец эпохи.

Но многие из тех, кто был в гуще событий, как Фрици, лишь глубоко вздохнули с облегчением. Для Фрици это означало, что Винк остался жив и теперь вернется домой насовсем.

Война закончилась, но свой счет выставила. Более 400 000 американцев погибло, 1,7 миллиона раненых. И почти никто не знал о 39 убитых «осах» или о 16 полевых медсестрах, погибших под вражеским огнем, и 67 взятых в плен, включая медсестру Дотти Фрэйкс, просидевшую в японском концлагере более трех лет.

Но в августе 1945-го американцы торжествовали. Наконец-то их мир вернется в свое русло. Заголовки газет гласили: «Ура! Роузи Клепальщица может наконец вернуться домой и быть Роузи Домохозяйкой!»

Загвоздка состояла в том, что многим женщинам не хотелось больше быть просто домохозяйками. Фрици надеялась вместе с Билли рвануть в Калифорнию и там искать работу, а Гертруд – найти хорошую, высокооплачиваемую работу в большой автомобильной компании Форда в Уиллоу-Ран, Мичиган. Однако летом 1945 года корпорация «Кайзер-Фрэзер» взялась за переподготовку завода к послевоенному производству, и вакансий для женщин не осталось. Лучшие места предназначались возвращавшимся военнослужащим. Винк вернулся домой и заново открыл автозаправку, и Энджи с удовольствием опять стала домохозяйкой и матерью. Но Гертруд все еще искала работу. Она попыталась добыть себе место в авиации, но вскоре обнаружила, что там женщин брали только стюардессами; она попробовала, но ей сказали, что для стюардессы она слишком толстая, и в результате она стала преподавать аккордеон в школе Святой Марии.

Сьюки грустит

Сьюки по-прежнему встречалась раз в неделю с доктором Шапиро, невзирая на то что места для их тайных свиданий почти исчерпались. Но даже со всей суетой смены ресторанов Сьюки понимала, что эти сеансы приносят ей массу пользы. И все-таки обнаружила, что самоисследование – штука нелегкая. Говорят, правда способна освободить, но иногда она может страх как удручать. Сьюки проснулась однажды утром с легкой грустью, и, когда Ди Ди приехала забрать ее на обед, Сьюки все еще ходила в ночнушке.

Открыв дверь, она сказала:

– Ой, милая, заходи. Прости меня. Не заметила, насколько уже поздно. Надо было позвонить тебе пораньше, но, похоже, я сегодня не в настроении обедать.

– Почему?

– Ох, и не знаю даже. Просто как-то грустно. Ничего?

– Да ничего. Но что с тобой? Ты приболела?

Сьюки села на стул и покачала головой:

– Нет, не приболела.

– Что же тогда?

– Ой, дорогая моя, не хочу тебя этим занимать. Ерунда. Просто последнее время слишком много думала о разном.

– О чем?

– Да о глупостях всяких... о своей жизни... о таком вот.

– А что не так с твоей жизнью?

– Я иногда думаю, что твоя бабушка во мне никогда не ошибалась. У меня две потрясающие матери – одна причем герой, водила самолеты, – а я сплошь пирожок ни с чем, без всякой храбрости.

Ди Ди уставилась на нее в полном недоумении:

– Да ты шутишь. Ты – наш герой. Разве не знаешь? Ты лучшая мама на свете. И храбрости у тебя навалом.

– У меня? Вряд ли.

– Да, у тебя. Ты не помнишь, когда мы были маленькие, папин дог свалился с пирса? Пловец ты неважный, но все равно прыгнула прямо в бухту и вытащила его. Правда не помнишь?

– Да, кажется, помню, но твой отец так любил эту бестолочь.

– Или вот когда мы ездили в Диснейленд и ты испугалась до смерти,

но все равно пошла кататься на горки, чтобы нас не бросать?

– Да, помню. И по второму разу не стала бы, это уж точно.

– Но один-то раз смогла. А это уже кое-что, верно? И что бы ты ни говорила, это большая смелость – родить четверых детей и смотреть, как они делают ошибки. Глянь на меня. Я, очевидно, дважды вышла не за того парня, а ты никогда меня не упрекнула, слова не сказала. А когда была мне нужна, ты всегда оказывалась рядом. Так что я не позволю тебе думать про себя, что ты пирожок ни с чем. Это предельно далеко от истины. Ну-ка, мама, не нарывайся на порку. Вылезай из кресла сейчас же, одевайся, мы едем обедать. Слышишь? Мир ждет!

Сьюки глянула на дочь и улыбнулась. И поняла, что ее доченька, за которую она больше всего переживала, тихо-тихо взяла и выросла.

Сьюки встала и сделала, как велела ей Ди Ди. Одеваясь у себя наверху, она рассмеялась. Ди Ди, может, и не Симмонз по рождению, но уж точно внучка Ленор. Они чудесно отобедали вместе.

Великий день Ленор

Пойнт-Клиэр, Алабама, январь 2006 года

Приближался день рождения Ленор, а потому приспело время планировать торжества, и у нее всегда был для Сьюки список указаний, как она хочет праздновать.

Сьюки прихватила записную книжку и отправилась в дом к матери. Энджел сказала, что Ленор в маленькой гостиной за альковым. Сьюки прошла туда и увидела мать при полном макияже, но все еще в пеньюаре в цветочек, за столом и в унынии.

– Эй, чем занимаешься? Пришла выяснить, как ты хочешь праздновать свой день рождения.

– Никак. Совершенно никак. В моем возрасте нечего праздновать.

– Почему? Что случилось?

– Я очень расстроена.

– Чем?

– О, Сьюки, так ужасно быть старой. Загляни в мою телефонную книжку. Почти все знакомые умерли. Никого из тех, кто помнит меня молодой, не осталось. Повспоминать даже не с кем. Если бы не вы с Баком, меня бы вообще никто не помнил. Меня вытесняют в прошлое. О, как ужасно не иметь будущего, ничего не ждать. Когда-то я думала, что, когда вы с Баком вырастаете, я выйду на сцену, но, похоже, неверно оценила время. А когда умер твой папа, было уже слишком поздно. О, я могла бы написать книгу. Назвала бы ее «Жизнь в сожалениях» или «Все, чего я не сделала». Столько всего я могла совершить. У меня получалось все, за что бы ни бралась, ты знаешь.

– Так и есть. Ты могла добиться чего угодно – и лучше кого угодно. Но знаешь, мама, я всегда задавалась вопросом: а была ли ты от этого счастлива?

– Что?

– Ты была счастлива?

– О, Сьюки, ну зачем ты задаешь эти глупые вопросы? Вынуждена сказать, что ты мне нравилась больше, когда растила детей. Господи, сейчас ты занята лишь тем, что сидишь сиднем и думаешь, а думы тебя не красят, Сьюки.

– Спасибо, мама.

– Ну, Сьюки, твоя мать – единственный человек, от которого стоит ожидать правды. Ты же понимаешь, что я права, Сьюки.

– Ладно, мама. Как скажешь. Так что ты хочешь делать с днем рождения?

– О, думаю, моим детям полагается какой-то праздник в этой связи. Для них это так важно. Да и кто знает? Может, меня на следующий год уже не будет, так что, пожалуй, стоит что-нибудь устроить.

Сьюки вздохнула:

– Сколько гостей?

– О, не больше тридцати. Я в этом году не в настроении.

– Хорошо, мама.

– А если поедем в Лейквуд, не дай им уговорить себя на залу поменьше.

– Хорошо, мама.

Иными словами, она хотела отправиться в Лейквуд и устроить все в большой зале. Зная Ленор, можно было рассчитывать на прибавление гостей день ото дня.

Но такова Ленор. Ее день рождения – для нее целое дело, и она считала, что и все в городе относятся к нему так же.

Сьюки шла домой и думала о своем дне рождения. Настоящий, в октябре, уже тихо прошел. Она размышляла о женщине, вписанной в ее свидетельство о рождении. Странно было думать, что где-то есть кто-то ей совершенно не знакомый, кто помнит этот день тоже.

Узнать тебя

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки всегда тревожилась, что они с Ди Ди никогда не были близки так, как ей бы хотелось, но теперь Ди Ди взялась звонить ей и звать на обед почти каждую неделю. Приятно получше узнать дочь.

Как-то раз они сидели в «Уличном кафе Сандры», и тут Ди Ди спросила:

– Ой, мам, а я говорила тебе, что получила наконец фамильный герб Пулов в новой раме?

– Нет, не говорила. И как тебе?

– О да. Кажется, золотая нравится мне даже больше красной.

– Ну прекрасно. – Сьюки отпила чая со льдом и сказала: – Знаешь, Ди Ди, я тут кое-что поняла.

– Что?

– Ну вот подумай, ты по крови – Пул, а я только вышла замуж за Пула, то есть вы с отцом ближе родством, чем я с ним. И никто из нас вообще никак не родственник Симмонзам. Странно, да? В смысле, что есть генетика, а что – воспитание? И почему я такая, какая есть?

– Да какая разница? Нам точно никакой. Имеет значение только то, кто ты сейчас. Да и кроме того, это Америка, всяк волен быть кем хочет. По закону можешь даже имя сменить, если пожелаешь, и не быть ни Симмонз, ни Юрдабралински. Кем хочешь, тем и будь.

Сьюки улыбнулась:

– А Куин Латифой?^[65]

Ди Ди расхохоталась.

– Нет, но можешь назвать себя Люсиль Мухоловер или Блошь Кой Макги, если захочешь.

– Ты, конечно, шутишь, но, знаешь, занятно это – побыть кем-нибудь другим, для разнообразия. «Сьюки» – детское имя для шестидесятилетней женщины, тебе не кажется? – Сьюки поела салата и продолжила: – Вирджиния Лугобор.

– Что?

– Отныне желаю зваться Вирджинией Лугобор.

– Хорошо, мама.

– Думаешь, я слишком старая, чтоб все сначала?

- Нет, мама, шестьдесят один – это не старая.
- Хотела бы я начать сначала. Все бы сделала совершенно иначе, если бы выпала возможность.
- О, что именно?
- Да много на что не обращала бы внимания и бабушке твоей противостояла бы чаще, конечно. Но будь я другой, никогда не стала бы «Каппой», не вышла бы замуж за твоего отца. У тебя был бы совершенно другой отец, а может, тебя и вообще бы не было. Я могла родить четверых полностью других детей. Невообразимо. В голове не уместятся все эти «если бы» и как так все вышло, как есть, и было ли все predetermined, или жизнь – просто случайность.
- Загадка, а? Но, мама, ты можешь измениться, если захочешь, и стать кем-то другим, и мы тебя поддержим во всем, что ты пожелаешь сделать, но мы это обсуждали все вместе и очень рады, что ты замужем за папой, и любим тебя за терпение – и к нам, и к бабушке.
- Правда?
- О да. Серьезно, мама, ты – не та, какой себя представляешь.
- Сьюки и раньше такое слыхала.
- То есть?
- Ну, это правда, что бабушка яркая, выразительная и все такое, но при этом несколько поверхностная. Ты думаешь, что ты неприметная, но это не так. У тебя есть сердце, мама. Ты настоящий человек.
- Сьюки вдруг глубоко растрогалась, на глаза навернулись слезы.
- Спасибо, милая. Это мне очень важно.

Вечером Сьюки позвонила Дене:

- Я тебе вот что скажу, Дена. Дожить до времен, когда твои дети начинают видеть тебя другими глазами и ты можешь взглянуть на них не как на своих детей, а как на людей, – оно того стоит, со всеми трещинами и морщинами.

Посылка для Элис

Пойнт-Клиэр, Алабама

Почтальон Пит подошел к дверям дома Сьюки и постучал в ту минуту, когда Ленор взошла на крыльцо с пакетом пеканов «Би-энд-Би», купленным для Сьюки. Та открыла дверь, увидела обоих и проговорила:

– Ой, доброе утро!

Пит ответил:

– Доброе утро. У меня тут еще одна посылка для Элис Зяблик.

– Вот спасибо, Пит. Давай сюда.

– Загостились она тут. Видимо, нравится.

– Да, точно. Спасибо, Пит, – отозвалась Сьюки. – Хорошего дня.

Ленор спросила, входя в дом:

– Кто такая Элис Зяблик?

– Подруга.

– Кто такая?

– Вы не знакомы, мама.

– Почему?

– Не знаю.

– Я знакома со всеми, кто сюда переехал. И никогда не слыхала про Элис Зяблик.

– Это подруга Марвэлин.

– А, ну понятно, неудивительно тогда. А почему ты получаешь за нее почту?

– Мама, тебе прямо все нужно знать?

– Да, все. Вот твои пеканы.

– Спасибо.

– Не осталось там Эрлова кофе? Мне бы еще. Кончита варит самый жидкий кофе, известный человечеству.

– Нет, но я заварю. Я тебе говорила, что мы беседовали с Картером?

– Нет.

– У него новая девушка, но там все несерьезно, с его слов.

– Ну, предыдущая, которую он сюда привез в прошлый раз, мне точно не нравилась. Слишком шумная и настырная, на мой вкус.

Сохранять внешнее благодушие у Сьюки получалось, но следующие

полтора часа были чистой пыткой. Она до смерти хотела, чтобы мать оставила ее наконец и можно было бы вскрыть присланное; как только дверь дома закрылась за матерью, Сьюки вцепилась в посылку.

Дорогая Элис,

Тут несколько статей и всякое другое. Некоторые фотографии слегка поблекли, но я подумала, что вы все же захотите на них взглянуть. Если найду еще – вышлю.

Сьюки открыла папку и увидела газетную вырезку с фотографией стройной молодой женщины в джодпурах, шнурованных кожаных сапогах и белой рубашке, у самолета, руки в карманах.

Сьюки знала: вот он, особый миг ее жизни. Она впервые смотрела на фото своей настоящей матери.

Хорошенькая темноволосая девушка улыбалась в камеру, ей не больше семнадцати-восемнадцати, но смотрелась она уверенно, даже самонадеянно. Под снимком красовалась надпись:

МИСС ФРИЦИ ЮРДАБРАЛИНСКИ ИЗ ПУЛАСКИ
СТАЛА ПЕРВОЙ ВИСКОНСИНСКОЙ ЛЕТЧИЦЕЙ

*«Новости Пуласки»
1939 год*

Мисс Фрици Юрдабралински, Амелия Эрхарт из Пуласки, примет участие в знаменитом «Воздушном цирке Билли Бевинза».

Далее Сьюки обнаружила еще одну вырезку – с другой фотографией Фрици.

СЕСТРА И БРАТ ВОССОЕДИНЯЮТСЯ В
ВОЗДУХЕ – ЛЕТАЯ ЗА США

*Журнал «Грин-Бей»
1943 год*

Мисс Фрици Юрдабралински, сертифицированный

летчик, теперь в группе женщин-пилотов, добровольно предоставивших свои летные навыки правительству Соединенных Штатов. Она отправляется в Хьюстон, Техас, на обучение. «Я очень счастлива и надеюсь, что теперь, когда женщины займутся транспортировкой самолетов внутри страны, мы скорее выиграем эту войну». Фрици – дочь мистера и миссис Станислав Юрдабралински из Пуласки, Висконсин.

Сьюки разглядывала блистательную девушку на фото. Ей нравилось это лицо, эта поза – Фрици словно уже изготовилась завоевывать мир.

До этого Фрици была всего лишь именем на листке бумаги, но теперь Сьюки видела настоящего человека, и мощь происходящего ошеломляла. Это ее мать, родившая ее. Держала ли она Сьюки на руках? Или даже не взглянула? Почему отдала чужим людям? Может, Сьюки что-то натворила? Может, она Фрици не нравилась? Эрл прав. Надо попытаться ее найти. Ответы ей, вероятно, не понравятся, но ничего не зная и дальше она не могла. Теперь Сьюки забеспокоилась, что тянула слишком долго.

Эрл, вернувшись домой, порадовался ее решению.

– Знаю, как это непросто, но, как и говорил, не попробуешь – потом всю жизнь будешь жалеть.

Эрл включил компьютер и принялся искать сайты, посвященные бывшим пилотам-«осам», и один нашелся. Через несколько дней он добыл номер телефона. Миссис Фрици Бевинз из Солвэнга, Калифорния, была еще как жива.

Сьюки присела с добытым номером в руках.

– Эрл, можешь ей позвонить?

– Нет, родная, так не пойдет. Она же тебя желает услышать, а не меня. Хочешь, наберу?

– Нет.

– Хочешь, побуду рядом?

– Нет, я только еще больше занервничаяю.

– Хорошо, я посижу на крыльце, идет?

– Но, Эрл, а если она трубку бросит?

– Дорогая, не бросит.

– Ну а если я в обморок упаду?

– Не упадешь.

– Такое ощущение, что запросто.

– Давай так. Я схожу достану нюхательные соли, а если почувствуешь что-то не то – нюхнешь. Но не будет у тебя никакого обморока. – Он вернулся и вручил ей бутылочку. – Справишься, родная. И будешь очень рада этому. Я рядом, на крыльце.

Эрл вышел, а Сьюки устала на аппарат. Точно такое же чувство: ей восемь лет, она залезла на высокий трамплин над бассейном и глянула вниз. Стыдобища. Пришлось спуститься обратно и пройти мимо детей, рвавшихся прыгнуть.

Она перебрала в голове Орловы наставления. Ладно, терять нечего... а приобретать есть что. Она тебе обрадуется, а если нет, ты хотя бы попробовала.

Она зажмурилась и набрала. 805-555-0726. О боже. Она слушала гудки, во рту вдруг пересохло. Смочь бы хоть слово сказать. Повесить трубку?

– Алло.

– Алло... это миссис Фрици Бевинз?

– Да.

– Из Пуласки, Висконсин?

– Да.

– А... вы меня не знаете, но я недавно получила некоторые документы. Из Техаса. И, ну... кажется, я ваша дочь.

На том конце провода повисло долгое молчание, но затем женщина потеплевшим голосом ответила:

– Привет, подруга. Я давно ждала этого звонка.

Несколько минут спустя, положив трубку, Сьюки крикнула:

– Эрл!

Он подскочил и вбежал в комнату, и Сьюки доложила:

– Мы поговорили.

– Да ладно.

– Правда!

– И как она?

– Очень милая. Пригласила повидаться.

– Ух ты!

– Представляешь? Сказала, что будет очень рада встрече.

– Видишь? Ну, гордишься ведь собой?

– Да.

– Поедешь?

– Ну, может...

Через несколько дней Сьюки пришла к дому Ленор и постучала; Ленор открыла на малюсенькую щелочку.

– Мама, это я. Хотела предупредить, что ненадолго уеду. Если нужно что-то сделать до моего отъезда, скажи.

– Ну заходи, не стой на крыльце. Портишь мне климат.

– Хорошо, но ненадолго.

– Давай. Так что это значит – уедешь? Куда?

– В спа.

– В спа? Зачем?

– Эрлу кажется, что я набрала пару фунтов, и мне надо отдохнуть... после свадеб.

– Где?

– Ну, на бедрах.

– Да нет, где спа?

– В Калифорнии.

– В Калифорнии? А чем плох спа на нашей улице?

– Ничем. Мне нужна перемена обстановки.

– Мне ты не кажешься толстой.

– Мама, умоляю!

– Ладно, ладно. Но, надеюсь, эта поездка не есть очередные бредовые идеи Марвэлин.

– Нет, мама, она к этому никакого отношения не имеет.

– Вот и славно. Эта девица тебе не ровня, ни социально, ни как иначе.

Помни о своей репутации. Когда вернешься?

– Пока не знаю, но звони Эрлу, если тебе что-то потребуется.

Ленор глядела Сьюки вслед, пока та направлялась к выходу, и крикнула напоследок:

– Сьюки!

– Да?

– Оденься в тон чемодану.

Ленор ничего никому не говорила, но сама все еще беспокоилась за дочь. Она что-то сама не своя последнее время.

Знакомство с мамой

Солвэнг, Калифорния

Машина забрала Сьюки в аэропорту Санта-Барбары, и сорок пять минут они ехали по трассе 101 – до маленького датского городка Солвэнг. Да, точно – кругом ветряные мельницы. В Европе Сьюки не бывала, но ей показалось, что здесь – как там. У водителя был адрес, он пересек город, выехал на Ализаль-роуд, миновал квартала три. После знака «РАНЧО АЛИЗАЛЬ» водитель свернул, и Сьюки вдруг попросила:

– Стойте! Пожалуйста, можно я просто посижу минутку?

– Да, мэм, – сказал он и остановился на обочине.

Она вынула флакон с нюхательными солями, сделала пару вдохов и подождала. Какой-то миг ей хотелось повернуть, уехать домой. Но она собралась с духом и сказала:

– Все, я готова.

Фрици говорила, что живет в трейлерном парке, но парк тот был особенный – красивый, с аккуратной площадкой для гольфа посередине. Они нашли ее улицу, подкатили к голубому трейлеру, и водитель объявил:

– Приехали.

Сьюки выбралась наружу и поднялась по трем ступеням, обитым зеленым войлоком, к двери; сердце у нее колотилось, но не успела она постучать, как женщина постарше ее – крашенные светлые волосы в кудрях, полосатое хлопковое платье без рукавов, белые пластмассовые серьги – открыла ей. И даже после всех мысленных репетиций Сьюки смогла выдавить из себя только жалкое:

– Вы – миссис Бевинз?

– Верняк, – ответила женщина с резким средне-западным выговором. – А вы, должно быть, Сара Джейн. Заходите. Я как-то волновалась, что вы потеряетесь, ан нет.

– Да, ну, меня привезли.

– А, умно. Проходите в гостиную, садитесь. Устали ведь с такой дороги.

Сьюки вошла и присела на диван в коричневую клетку, примостила сумочку рядом.

Женщина устроилась напротив и сказала:

- Ну... вот вы и приехали.
- Да. – После неловкого молчания Сьюки проговорила: – Кхм... милейшее у вас тут место.
- Спасибо. Не бог весть что, но зато свое. Вам в удобства не надо?
- Простите?
- В туалет.
- Ой, нет, все в порядке. Спасибо. – Сьюки не могла от нее глаз отвести. Дама была старше, но все еще узнаваема по старым фотографиям. Разглядывая ее, Сьюки увидела явное сходство с собой. – Вот и встретились... столько лет прошло, – сказала она.
- Ага, встретились.
- Да.
- Вы впервые в Калифорнии?
- Да.
- Хотите кофе или выпить? У меня есть пиво, вино и всякое покрепче, кажется.
- Нет, спасибо, водички бы, если можно.
- О, конечно. Но не из бутылки. Ничего?
- Вполне. – Сьюки огляделась и заметила множество фотографий, укрывавших в гостиной и в коридоре почти всю стену из поддельного бурого дерева. – Совершенно очаровательное место, миссис Бевинз. А какая красивая дорога из Санта-Барбары. Горы, деревья.
- Зови меня Фрици, милая, как все. Ага, я-то из Висконсина, но черт бы драл, повидав Калифорнию, больше нигде жить не могла. – Она подала Сьюки стакан воды.
- Сьюки взяла, но руки у нее тряслись так, что вода расплескалась на ковер.
- Простите, пожалуйста. Похоже, нервничаю немного.
- Не беда, детка. Мы обе нервничаем. Не забудь – я когда тебя последний раз видела, у тебя ни волос, ни зубов не было, да и весила ты восемь фунтов, а сейчас глянь-ка. Взрослая женщина, четверо детей. Да еще и хорошенькая.
- Правда? Ой, спасибо.
- На меня-то сейчас, понятно, и смотреть нечего, но хочешь верь, хочешь нет, когда-то я была вроде как красоткой.
- Конечно. Бесспорно. Видела ваши фотографии. Прекрасно выглядели – да и до сих пор. Волосы теперь другие, но я бы вас все равно узнала.
- Да? Ну, видимо, ничего смотрюсь, даже старой кошелкой. А где ты

видела мои фотографии?

– В газетных вырезках. Я все о вас прочла и потрясена вашими подвигами в войну. Такая смелая.

– Ну, милая, была такая работа, надо ее делать, вот я и делала. А ты? Жизнь удалась?

– О да, как я и говорила, у меня чудесный муж и четверо чудесных детей, и, ну, у вас четверо чудесных внуков.

– А люди, которые тебя удочерили, хорошо с тобой обращались?

– Да-да, совершенно чудесно. Не на что жаловаться.

– Они еще живы?

– Только мать – то есть дама, которая меня удочерила. Отец умер в 1984-м.

– Сочувствую. А мать знает, что ты здесь?

– Нет. Она не в курсе, что я знаю об удочерении.

– А.

– Не видела причин огорчать ее. Она не... ну, в общем... нет, не говорила. Надеюсь, это же ничего, что я приехала? Понимаю, эта встреча может быть для вас трудной, но мне правда надо было вас повидать лично, ну, как-то принять... ну, вы понимаете, как это неожиданно – вдруг узнать все это, после стольких лет.

– А то. И у тебя небось куча вопросов ко мне. Валяй, спрашивай.

– Да, точно. У меня тут где-то был список. – Сьюки покопалась в сумочке. – Вот он. Думаю, надо мне знать о возможных семейных проблемах со здоровьем. Если вдруг есть что-то наследственное, о чем нам стоит беспокоиться, – сердечные болезни, диабет, умственные отклонения. Вроде такого.

– Нет, все, в основном, умерли от старости. Все были двужильные. – Она хохотнула. – А некоторые – с перебором. Мамуля с Гертруд порядком растолстели с годами.

– О, тогда все понятно про Ди Ди, мою старшую. Она всегда была склонна к полноте. Так, хм-м... старческое слабоумие? Альцгеймер?

– Нет, и мамуля, и папуля остры были, как гвозди, до самой смерти. Ну и вообще, к сведению: мы, поляки, вполне здоровые.

– Ну, это и правда приятно знать. – Ясное дело, вопрос об отце повис в воздухе. Фрици, похоже, не рвалась поделиться сведениями, а Сьюки думала, что это, наверное, грубо – спрашивать такое в лоб. – Я столько всего хотела разузнать.

– Да?

– Думала вот, вспоминали вы обо мне или нет?

Фрици кивнула:

– Разумеется, детка. Все время. Всегда пыталась представить, как у тебя все сложилось. Как ты выглядишь, чем занимаешься. Такое вот.

– Понятно... а никогда не пытались меня найти?

– Нет, никогда. Считала, что лучше не надо. По правде сказать, после войны у меня выдалось тяжелое время. Пила много, всякое было.

– Ой.

– А ты фотографии детей привезла?

– Да-да.

Фрици проглядела все снимки и сказала:

– Отличные дети. А муж – вылитый хороший парень.

– Он, да, такой. Просил обязательно передать, что будет страшно рад с вами познакомиться, но решил, что в первый раз мне надо съездить одной. И конечно, если вам понадобится какая угодно стоматологическая помощь, он с удовольствием. По правде сказать, я так хотела, чтобы он со мной приехал. Боялась, что ли, сама, но очень рада, что смогла. Мне бы посмотреть еще фотографии вашей... ну, то есть, *моей* семьи.

– Конечно, детка. Все тут, на стенке. – Они пошли вдоль нее, и Сьюки увидела снимок с четырьмя сестрами у девичьей автозаправки, 1942 год. Сьюки поразились, как похожи ее девочки на сестер Юрдабралински.

Она промолвила:

– Не могу себе представить, как это, должно быть, тяжело – содержать автозаправку.

Фрици кивнула:

– Так и было, но мы и развлекались будь здоров. А это – твой дядя Винк, еще в армейской авиации, в Англии.

– Ух ты, немножко похож на моего сына Картера.

– Да?

– Такая же улыбка.

Фрици ткнула в другую фотографию:

– А это фото твоей бабушки, перед домом. По снимку не скажешь, но именно у мамули волосы были рыжие-рыжие.

– Правда?

– Верняк. Рыжее твоих.

– Вы тут выросли?

– Угу. Папуля построил его для нас в двадцатых годах. Но когда Винк помер, Энджи продала его одной славной семье из города.

– А станция еще работает?

– Нет, давно закрыли. Может, хранят в ней что или вроде того, но она

еще стоит.

Они еще немного повспоминали, и Фрици сварила по чашке кофе и взялась еще раз рассматривать фотографии семьи Сьюки.

– Симпатичный какой дом. Прямо у воды.

– О да. Задний двор у нас – бухта Мобил.

– Вы, значит, недалеко от Пенсаколы и Мексиканского залива.

– Верно.

– Знаю эти места. Очень красивые. Летала там.

Фрици отложила снимки и кивнула.

– Н-да, – проговорила она. – Ясное дело, прожив милую тихую жизнь, столько лет, вдруг узнать такое – то еще потрясение.

– Да, правда. Вообразите только. Ну, то есть, в шестьдесят лет впервые встретить свою настоящую мать – дело необычайное.

Фрици вытянула из пачки сигарету, прикурила и долго смотрела на Сьюки, а затем сказала:

– Черт бы драл, жуть как неприятно, однако, подруга, у меня для тебя еще одно потрясение.

– Ой? Какое?

– Я – не твоя мать.

Сьюки засомневалась, не ослышалась ли.

– Что, простите?

– Я – не твоя мать.

– Но... ваше имя вписано в мое свидетельство о рождении.

– Ага, знаю. Но я все равно не твоя мать.

Сьюки почувствовала, как у нее кружится голова.

Фрици взглянула на нее:

– Эй, ты в порядке? Сара Джейн?

Сьюки поняла, что, видимо, отключилась на секунду, но вымолвила:

– Да, кажется, но не понимаю. Если не вы моя мать, то кто же?

– Ну, это долгая история, детка. Ты, может, лучше б выпила. Как-то не очень ты выглядишь.

Сьюки глотнула скотча, извлекла из сумки нюхательные соли – на всякий случай – и теперь, с бьющимся сердцем, готова была слушать Фрици дальше.

Авенджер-Филд

Суитуотер, Техас Январь 1943 года

Фрици заехала на несколько дней в Суитуотер – повидаться с Пинке и Гасси Минц, а также с сестрицами. В первый же вечер Софи вернулась со свиданья – щеки горят, глаза сияют, улыбается и смеется тихонько. Фрици сидела и красила ногти на ногах. Втянула на Софи и проговорила:

– Кое-кто явно поразвлекся. Если б не знала тебя, сказала бы, что ты наклюкалась по уши.

Софи присела на соседнюю койку и улыбнулась:

– Нет, ни капли не пила. Ох, Фрици, никогда бы не подумала, что могу быть так счастлива. Люблю весь мир. Он такое чудо!

– Кто?

– Джимми. Джимми Бранстон. Летчик Королевской авиации, тут на особом задании, я вас знакомила.

– А, да. Помню.

– Ну, короче, он за мной заедет в пятницу вечером, и мы двинем в Хьюстон на выходные.

– Тпру. А вот и нет.

– Ой, Фрици, все только начинается. Правда. Он уже забронировал мне номер в гостинице «Трилистник», а сам остановился со своими друзьями англичанами в городе. Это наши с ним последние выходные. Он возвращается за океан в следующий вторник.

Фрици, мне прямо *надо* ехать. Он так старался, все устроил, и он такое чудо.

– Ну ладно, если ты так по нему с ума сходишь, давай, но, детка, не делай такого, чего делать не стоит. Эти ребята наговорят что угодно. Помни: сегодня тут, а завтра след простыл. Веселись, но будь осторожна.

– Ты не понимаешь, Фрици. Джимми не такой. Он совершенный джентльмен. И он меня правда любит, Фрици. Предложил выйти за него и сказал, что в ту же минуту, как война закончится, он за мной приедет.

– А он знает, что твоя семья держит автозаправку? Он мне кажется чванным англичанином.

– Конечно, знает. Я ему все рассказала, и он считает, что это обаятельно. Прямо так и сказал. И ничего он не чванный. Он мне все выложил про своих родителей, обычные они люди, и добавил еще, что они

как познакомятся со мной, так сразу же в меня влюбятся.

– Хорошо, но скажи лейтенанту Бранстону, что если он вытворит что-нибудь не то, будет иметь дело со мной.

В тот вечер, когда Джимми с Софи летели в Хьюстон, был тепло и ясно. Облака под ними – громадные серебристые ватные клубки. На полпути Джимми переключил канал приемника и поймал джазовую станцию. Они слушали «Серенаду лунного света»^[66] в исполнении оркестра Хленна Миллера, и Софи казалось, что никого, кроме них двоих, нет на всем свете, а они – в облаках, такие влюбленные.

Софи не поняла, почему вдруг пару месяцев спустя письма от Джимми из-за океана стали приходить все реже, а потом и вообще прекратились. Совсем на него не похоже – не писать. До этого послания от него прибывали каждый день. Что-то явно случилось. Она знала, что он летает на бомбардировки Германии едва ли не еженощно, что есть потери. Каждый список убитых и раненых летчиков она просматривала затаив дыхание, но когда три ее письма вернулись нераспечатанными, она запаниковала. Отчаивалась и сходила с ума от беспокойства. Он должен вернуться.

На следующее утро она отправилась в контору Красного Креста в Суитуотер и поговорила с миссис Гилкрис, приятной пожилой женщиной, показала ей вернувшиеся письма. Дала номер полка, место рождения, имена родителей и название города, где они жили, а также дату, когда он последний раз звонил ей.

Миссис Гилкрис все записала и сказала:

– Сделаю все возможное, но обещать ничего не могу. Вы же понимаете, международная связь сейчас затруднена. Но постарайтесь не волноваться. Вы не представляете, сколько девушек ожидали худшего, а выяснялось, что это просто неразбериха. Так что не отчаивайтесь. Завтра, может, пять писем придет.

Два дня спустя Софи была на своем участке и тут услышала, как кто-то орет через всю комнату:

– Софи Юрдабралински! Телефон!

Софи метнулась к аппарату, надеясь, что это Джимми, но девица скорчила рожицу и сказала:

– Голос женский.

– Ой... алло.

– Софи?

– Да?

– Это миссис Гилкрест, из Красного Креста. Можете зайти в контору?

У меня для вас хорошие новости.

– Вы нашли Джимми?

– Нет, но я связалась с нашим отделением в Лондоне, добыла телефон его родителей и договорилась о трансатлантическом звонке. Уверена, родители знают, где он, и будут рады вас слышать, так что заглядывайте ко мне, как сможете.

Софи тут же помчалась к миссис Гилкрест. Оператор Красного Креста набрал для нее номер и жестом пригласил разговаривать.

После нескольких гудков ответила женщина:

– Алло?

– Это миссис Бранстон?

– Да.

– Ой, здравствуйте. Это Софи Мари, я звоню из Америки.

– Здравствуйте.

– Не знаю, говорил ли он обо мне, но я подруга вашего сына, а от него что-то давно не слышно. Хотела спросить, не знаете ли вы, как с ним связаться.

– Ах да, видите ли, вы, похоже, не туда звоните. Телефонную линию матери Джеймса разбомбили.

– О господи.

– Да, но вы не волнуйтесь. Никто не ранен. Она вполне здорова – у друзей в Хэмпшире. Я жена Джеймса, и он со дня на день должен вернуться домой на краткий отпуск. Тихо-тихо, милый, мама разговаривает. Простите. Оставьте ему сообщение или номер, по которому вам можно позвонить? Алло? Вы еще здесь?

– Да, здесь. Кхм... нет, не нужно.

– Я с радостью ему передам, что вы звонили. Вас зовут Салли?

– Нет, Софи, но это и правда не имеет значения. Спасибо вам.

Повесив трубку, она осела у стола, и миссис Гилкрест, войдя в комнату, по одному виду Софи решила, что молодой человек погиб. Присела рядом, взяла ее за руку. Эту душераздирающую часть своей работы она терпеть не могла.

– Ужасно, ужасно сочувствую, дорогая. Я надеялась... эх. Как же я ненавижу эту клятую войну, столько молодежи погибло. Могу я вам чем-нибудь помочь? Кому-нибудь за вас позвонить?

– Нет. Спасибо вам.

Софи вернулась в казармы, но три недели никому ничего не говорила. А потом в Суитуотер приехала Фрици, и Софи поняла, что придется все рассказать.

Фрици помолчала, вздохнула:

– Сколько?

– Три месяца.

– Черт. Есть у меня кое-кто, но сейчас уже поздно. Почему ты раньше не сказала?

– Думала, скажу ему, он тогда возьмет отпуск и мы поженимся. Не знаю. Наверное, слишком стыдно было. Ума не приложу, что и делать.

– Ну, не ты первая, не ты последняя, с кем такое случилось. Я чуяла, что парень этот – ничего хорошего. – Фрици прикурила, выдула дым и сказала: – Тут такое дело – скверное для «ос». Нам марку держать надо. Когда станет видно?

– Не знаю. Через пару месяцев, наверное.

– Ладно. Хорошо еще, что летные костюмы сидят так, что долго никто не заметит, так что пока летай. Но как только станет приметно, когда поймешь, что больше нельзя, звони мне. Дальше я буду разбираться.

Фрици зашла в контору к подруге, старшей медсестре летного госпиталя Джоан Спирз. Та счастлива была ее видеть.

– Фрици! Здорово, бузотерка старая. Как ты?

– Здорово, подруга, – отозвалась Фрици, закрыла за собой дверь и села. – Слушай, у меня тут затык, помощь нужна.

Годом раньше, перед тем как мужа Джоан Дона отправили за океан, Фрици, сильно рискнув, протащила его в самолет и привезла из Грэнд-Рэпидз в Даллас, и они устроили Джоан и Дону комнату вне авиабазы, чтобы они вместе провели последние выходные перед его отправкой. Он погиб через месяц. Как тут не удружить Фрици.

Где-то через три с половиной месяца после беседы с медсестрой Спирз Софи официально отправили на больничный. Диагноз: неизвестная вирусная инфекция. Сестра Спирз организовала ей пребывание в частной клинике в Амарилло – вплоть до рождения девочки.

А еще через пару недель Гасси Минц поспрашивала и нашла некую пару в Суиту отер, у которой можно держать ребенка, и Софи, как только смогла, вернулась к полетам. Но каждую свободную секунду она проводила с дочкой. После того как «ос» расформировали, она говорила, что, может, куда-нибудь уедет, поищет себе работу. Знала, что домой вернуться не сможет, но и ребенка отдавать не хотела. Сестре же сказала:

– О, Фрици! Я никого и никогда так не любила.

А за три недели до окончательной высылки «ос» по домам произошёл несчастный случай. Столкновение в воздухе. Софи Мари погибла сразу.

Солвэнг, Калифорния

Фрици было ясно, что Сьюки история расстроила.

– Прости, что приходится тебе это рассказывать, но ты должна знать.

– Да.

– И я много о тебе думала. Но если уж совсем начистоту, похоже, я не хотела тебя разыскивать еще и потому, что не готова была к встрече. По правде говоря, твоя мать вообще не должна была оказаться в Суитуотере, и это я виновата, что она туда приехала. Да, я писала ей, предупреждала, как там все жестко бывает, но могла бы остановить ее, если б уперлась. Надо было. В глубине души мне всегда казалось, что ей там не место, но, думаю, была и другая часть меня, и вот ей-то виделось, до чего это отлично – три сестры Юрдабралински в «осах». Выпендрож эдакий. Я всегда была черт-те какая задавака. Если б думала о ней, а не о себе, она бы, может, и сейчас еще жива была... Так или иначе, я вернулась в Суитуотер после похорон твоей матери и узнала, что пара, которая за тобой приглядывала, собралась переезжать в Огайо, а домой я тебя забрать не могла. Я пообещала Софи, что никогда не расскажу родителям. Она всегда была для мамули хорошей девочкой. Черт, мы всегда думали, что она пойдет в монашки, и мамуле разбило бы сердце, если б она про все это узнала. Вот я и не понимала, что делать. Бог свидетель, я не могла о тебе позаботиться, а так хотелось, чтобы у тебя получилась хорошая жизнь в настоящей семье, понимаешь?.. В общем, подруга моя Пинке посмотрела кино, называется «Цветы в пыли»^[67], – о какой-то женщине из Техаса и ее детском приюте, ну и поинтересовалась. У них мест не было, но они посоветовали другое заведение. Пинке позвонила туда и все устроила, но они ее предупредили, что ехать надо скорее, потому что место всего одно. И вот той же ночью, в два часа, моя подруга по имени Гасси Минц забрала тебя и протащила на базу. Той ночью был жуткий холод, и мы с Пинке завернули тебя в летный костюм, а Элрой заправил самолет и приготовил его к вылету. Мы вдвоем отвезли тебя в Хьюстон и вернулись, так что никто не заметил пропажи самолета. Врать я тебе не буду. Я собиралась прийти, вручить тебя им и не говорить, чья ты, – просто вот подобрали мы тебя, – но, когда время пришло, я так не смогла. Ты такая малышка – понимаешь? – и, наверное, я хотела, чтобы ты знала, что ты чья-то, а потому вписала в свидетельство о рождении свое имя. Подумала, если мамуля с папулей прознают когда-нибудь, не будет им такого уж удара. Я ж отрезанный ломоть. Забавно: я совсем не про

материнство, отродясь, понимаешь? Гадко ли было тебя оставлять? Слов нет. Но такие шли дела, что и не поймешь, как тут иначе быть, а потому, к добру ли, к худу ли, я сделала как сочла нужным. Вот так.

– Понятно.

– Ой, подруга, поверь. Все к лучшему. Может, если б другое время, все могло быть... иначе. Но я старалась сделать все к твоей пользе.

– О, я в этом не сомневаюсь. И жизнь у меня вышла чудесная. Так что... вы мне на самом деле тетя.

– Точно. Не знала, скажу ли тебе. Но, познакомившись, поглядев, какая ты милая, славная детка... Ты заслуживаешь правды.

– Ясно.

– Твои приемные родители добры были? Ты их любила?

– О да, очень.

– Водили в церковь, да?

– Да-да. И вот еще вопрос. Я католичка?

– Нет. Мы с твоей матерью хотели тебя крестить, но этот чертов священник-ирландец сказал, что не станет ничего делать, если не покажем свидетельство о браке. Я с тех пор бывшая католичка, но теперь, постарев, иногда захоживаю в церковь. Бери, что по нраву, остальное бросай, как говорится. Прости, что столько на тебя вывалила. Пусть бы ты думала, что я твоя мать, но тебе нужно знать про настоящую. Она не была грубой старой телкой вроде меня. И, верняк, она бы тебе понравилась. Самая что ни на есть леди, до мозга костей.

– Ой, не знаю. Я старалась быть леди, что бы это ни значило.

– Нет, ты хорошая девочка. Сразу видно. Ты больше похожа на мать, чем даже думаешь. Она никогда не выделывалась, а уж какая красивая была, но никогда этим не бахвалилась. Если и было у нее слабое место, так это сердце. Мы звали ее Святая Франциска Пуласская. Она все время притаскивала в дом бездомных собак и кошек, выхаживала больных птиц...

– Ой, она любила птиц?

– Ага. Как-то раз притащила старую ворону, так та ела у нее с рук.

– Правда? И я очень люблю птиц.

– Видишь? И вот еще что тебе надо знать про мать. Она тебя любила.

– Да?

– О да. Ты для нее была весь мир, и если б она не погибла, оставила бы тебя себе. Она и на миг не думала тебя бросать.

– Правда?

– Совершенно так. Без вопросов. Твоя мать любила тебя больше, чем ты когда-нибудь сможешь представить.

Чуть погодя Сьюки въехала в свой номер в маленькой гостинице «Солвэнгские сады», неподалеку от Фрици. Комнатка оказалась удобная, с маленькой кухней, а за ней – садик. В тот вечер она всмотрелась в фотографию Софи, подаренную Фрици. Господи, она была, как Фрици и говорила, красивейшей сестрицей и впрямь выглядела застенчивой. Сьюки так хорошо знала это выражение лица. Сколько раз она видела его в зеркале.

Фрици одолжила ей несколько книг об «осах», Сьюки забрала их в гостиницу и просидела над ними всю ночь – читала все подряд о том, кто они и что делали. И осталась совершенно потрясена.

Закончив, вернула книги и сказала:

– Спасибо. Ну и ну, я и понятия не имела. Подумать только, Фрици, вы все – легенды.

Фрици рассмеялась:

– Ну не знаю.

– Нет-нет, так и есть. А какое увлекательное время.

– Ага, это уж точно, но ты спроси любого ветерана Второй мировой, они тебе то же самое скажут. Я стараюсь не жить прошлым, как эти старые хрычи. Мне, в общем, все нравится в настоящем. Но, оглядываясь, могу сказать, что те годы будь здоров какие были особенные. Когда-то меня бесили все эти разговоры, какое мы величайшее поколение. А теперь-то вот думаю, какие мы были молодые, как начинали войну, считай, ни с чем, но все как-то собрались... Солдатам досталась почти вся слава, но и девки с пацанами, работавшие день и ночь, клепавшие самолеты, танки и корабли, – и они тоже в этой войне победили. И, знаешь, оно занятно. Никому из нас и в голову не приходило, что мы можем проиграть. И вот думаю я, сколько всего за те четыре года мы осилили, и вынуждена согласиться – великие мы были, да. Тогда-то не знали, конечно. Мне еще повезло. Я занималась тем, что люблю, а заодно и стране помогала. И никто себя героем не считал. Просто делали то же, что и остальные, только в воздухе... Волшебный такой пузырь времени. Знали, что живем мгновением, и потому были такие живые. Музыка будто сочинялась лично для нас. Черт, мы думали, что спасаем мир, и в некотором смысле так и было. Кто теперь скажет, что бы случилось, если б мы не влезли в войну? Может, все бы сейчас говорили по-немецки или по-японски. Кто знает? Хоть и было тяжело, я те годы ни на что не променяю... Казалось, мы все время двигаемся. Не помню, когда спала больше двух-трех часов. Никто не

спал. Думаю, жили на адреналине. Слишком все были взбудоражены, какое тут спать. Никто не задумывался толком, что там будет после войны, а когда нам сказали, что «ос» распускают, все кончено, – вот что лихо показалось. Конечно, не только для нас. Для всех девок, кто засучил в войну рукава и пошел на заводы или на любую другую работу. А тут всем говорят – идите по домам, будьте опять счастливыми домохозяйками. Кому-то оно и понравилось, но большинство девчонок поняли, что им нравится ни от кого не зависеть, жить своим умом, и они хотели работать дальше, но им сказали, что это непатриотично – отнимать работу у вернувшихся с фронта. Прямо удар по сусалам, особенно для «ос». Все, что мы делали, только б доказать свою ценность, – все впустую. Они хотели, чтобы мы убрались и сделали вид, будто ничего не было. Даже наши личные дела засекретили... А потом, в 1976-м, когда десять женщин приняли на обучение в ВВС США, Пентагон назвал их «первыми военными летчицами», а я позвонила Нэнси и Пинке, и они чуть потолок башкой не пробили. «Черта с два. Это мы были первыми». Никто из нас не нытик, но мы знали, что так нечестно. И вот мы снова собрались вместе и решили, что не дадим забыть погибших девчонок – ни твою мать, ни остальных.

На следующий день Фрици забрала Сьюки на обед в «Гриль Ализаль у реки», где частенько играла в гольф. Сделав заказ, Сьюки спросила ее, встречалась ли она с ее настоящим отцом.

– Всего раз. Привет-пока. Но могу сказать тебе, как его звали. Джеймс Бранстон. Среднего имени не знаю.

– Как он выглядел?

– Очень здоровым, если это тебя интересует.

Сьюки рассмеялась:

– Нет, в смысле, высокий? Коротышка?

– Охти, родная, шестьдесят с лишним лет назад дело было, но я помню, да, высокий симпатичный светловолосый парень с голубыми глазами. У тебя волосы матери, а вот нос, думаю, его.

– И какой он был?

– Да вроде милый. Конечно, потом, когда выяснилось, что он натворил с Софи, я переменяла к нему отношение. Но, знаешь, оглядываясь, понимаю, что время было другое. Люди напуганы, все слова – на ветер. Все жили вроде как мгновением. Приходилось. У нас большего не было. Никто не знал, есть ли у нас вообще будущее, так что цеплялись за любую кроху счастья. Я вот точно. Да и что тут скажешь? Он, может, любил твою мать, а может, даже и вернулся бы. Кто знает? Это его не оправдывает, но такие

штуки случались. Ребята влюблялись без ума в девчонок, которых и не знали толком. Ребята рвались жениться. Черт, да и я могла б выйти замуж за сотню разных пацанов, они, думаю, все хотели оставить по себе что-то или кого-то – в доказательство, что они вообще жили на свете... Мне-то повезло. После войны мы с Билли переехали сюда и открыли маленькую летную школу, сорок лет вместе прожили. Потом ушли на пенсию, много ездили. У нас был маленький самолет, и я нас возила везде, куда захотим. Жаловаться не на что. Чертовски отличная жизнь получилась, и дожила я до времен, когда девки начали водить реактивные самолеты, получили свой шанс. И приятно чувствовать, что ты открыл в них это окошко, понимаешь?

Сьюки пробыла в Солвэнге неделю и каждый день виделась с Фрици. Обычно они вместе обедали или ужинали, а остальное время она бродила по городку, разговаривала с людьми, и все шло чудесно. Здесь, в Солвэнге, она не была дочерью Ленор Симмонз. Впервые за все эти годы она была самой собой. Познакомилась со многими друзьями Фрици и даже завела своих. Две очаровательные дамы из Японии пригласили ее к себе на ужин, а еще она завтракала с милейшей парой, Сьюзен и Майклом Бекмен из Тенефлая, Нью-Джерси. И сдружилась с обаятельной Линдой Пекэм в гостиничном спа.

Каждый вечер Сьюки звонила Эрлу, и в одном разговоре он ей сказал:
– Милая, я давно не слышал у тебя такого счастливого голоса.
И то была правда.

В последний день в Калифорнии они с Фрици отправились в старую испанскую миссию на службу и поужинали в ресторане «Кусочек Дании».

Покончив с ужином, Сьюки сказала:

– Кхм... Фрици, прежде чем уехать, можно я задам вам еще один вопрос? Мне очень интересна история имени Джинджер. Вы назвали меня так в честь кого-то из семьи?

Фрици рассмеялась:

– Нет, детка, прости. В тот вечер, когда мы тебя сдавали и заполняли свидетельство о рождении, они спросили, как тебя зовут, я вписала первое попавшееся. Я тогда была большой поклонницей Джинджер Роджерз.

– О, это из пары с Фредом Астэром?

– Точно.

– Какая прелесть. Мне она очень нравится.

– Да? И мне. Я ее разок встречала, и она оказалась преотличной дамочкой – и на экране, и в жизни. Но у тебя было и настоящее имя –

которое тебе мать дала.

– О?

– Ага, тебе это может не понравиться, но она назвала тебя в честь меня.

– Мое настоящее имя – Фрици?

– Ага. Фрици Уиллинка Юрдабралински. Годится?

Сьюки улыбнулась:

– Да, годится. Более того, горжусь, что ношу ваше имя.

Наутро Сьюки уезжала домой, и Фрици провожала ее до машины. Сьюки сказала:

– Все было чудесно.

Фрици ответила:

– Детка, я бы встречу с тобой ни на что не променяла. А, вот еще что, пока ты не уехала: вот тебе от меня подарок.

– Ой спасибо.

– Ты не пропадай, слышишь?

– Ни за что.

Машина увезла Сьюки, а Фрици вернулась в дом и подумала: «Бедная детка. Такая чудная деваха, а ей всю жизнь ввали. А теперь вот и я тоже». Она не сказала ей, что на самом деле стряслось с ее матерью. Ей и так досталось порядком, и чего хорошего от такого знания? Ничего не докажешь ведь.

В машине Сьюки распечатала сверток, подаренный Фрици. Внутри были маленькие голубые четки и записка.

*Дорогая Сара Джейн,
Это вещь твоей матери, и, я знаю, ей бы хотелось,
чтобы она была у тебя.*

Фрици

Несчастный случай

23 ноября 1944 года

Хотя «осам» осталось всего несколько недель до официального отпуска и возвращения к гражданской жизни, навалом парней хотели свиданья с Софи. Но свиданья – последнее, о чем тогда думала Софи. Она желала одного – перегнать последние самолеты, а в свободное время быть с малышкой.

Никому из летчиков удача с ней не светила. Но один парень в особенности скверно переносил безответность. Не привык он к такому. Бад Хэррису приходилось поддерживать репутацию. Его знали как Сердцееда. Он был хорош собой, язык подвешен, и ему поэтому – никаких отказов. Он настолько не сомневался, что выбьет из Софи свиданье, что поспорил с приятелями: он не только с ней погуляет, но и полностью окрутит за две недели.

Бад испробовал все что мог, включая заветное «О, милая, а вдруг я не вернусь живым. Ну хоть одно свиданье?» Он присылал цветы, писал записки, применил весь арсенал уловок. Но Софи – ноль интереса, и ему это не нравилось.

Он не собирался проиграть спор из-за какой-то дурацкой польской сучки, не понимавшей своего счастья, что он вообще на нее глянул. Как-то вечером сидел и выпивал – и тут услышал, что Софи после перелета через всю страну сегодня ночью возвращается на базу. Выпив еще одну, решил, что встретит ее да и втолкует, что к чему, – чтоб перестала так выделываться. Он считал, что она только этого и ждет. Кроме того, почти все они тут за этим и ошиваются.

Софи так устала, что, приземлившись, хотела лишь одного – вернуться на свой участок, заползти в постель и уснуть. Она вышла из ангара и пошла сдавать полетный рапорт, а Хэррис вдруг вырос рядом, тут как тут. Схватил ее за руку и прижал к стене.

– Эй, детка, что за спешка? Ну-ка иди сюда, потолкуем. Ты чего такая недотрога? Ты ж даже не знаешь, что упускаешь.

Софи попыталась вырваться, оттолкнуть его, но он прижал ее и грубо поцеловал в губы.

– Прекрати! Пожалуйста... не надо! – проговорила она, но он не переставал – и вот уж распахнул на ней верх летного костюма и облапил.

Она отбивалась, как умела, но в нем было шесть с лишним футов росту и силища. Она кричала: – Нет! Перестань! – Пыталась кричать еще, но он рукой заткнул ей рот и прижался еще сильнее. Он желал выиграть спор – любой ценой. А что ее слово против его?

И тут вдруг раздался мужской голос:

– Эй, что тут еще такое?

На них направили фонарик. То был Элрой Лиферз, механик, – он услышал ее крик. Хэррис оглянулся, увидел щуплого механика и сказал:

– Смойся, вахлак, мы тут заняты.

Увидев ужас в глазах Софи, Элрой быстро понял, что тут может случиться, достал из-за пояса тяжелый гаечный ключ:

– Отпусти ее, Хэррис, или я тебе мозги по всей взлетке размажу.

Хэррис ослабил хватку всего на миг, но Софи успела вырваться и отбежать к Элрою. Тот загородил ее собой и глянул на Хэрриса:

– Давай-ка, ас. Рискни. Глянем, на что ты годен.

Хэррис постоял, подумал, но понял, что лучше не связываться. Не в духе он сегодня. И зашагал прочь, а Софи обмякла у Элроя на руках.

– Спасибо тебе, Элрой.

– Ох, да все хорошо, родная, не беспокойся. Гнилое он яблоко, вот и все.

Софи никому не сказала о случившемся. Времени осталось совсем немного, и неприятностей не хотелось. Жить бы дальше да растить ребенка. Какое-то время Хэрриса удавалось избегать.

Но через несколько дней пацаны из Хэррисова подразделения летали боевыми порядками, и кто-то из них приметил пониже одинокий самолет, признал рыжие волосы и передал по радио:

– Эй, любовничек, глянь-ка вниз. Там вон рыжая деваха, которая так от тебя без ума. Может, сгоняешь поздороваться?

Хэррис слышал, как все ржут, и покинул строй. В тот день его больше не видели.

А когда через два часа вернулись без него на базу, узнали, что ему пришлось экстренно садиться – механические неполадки, но он цел. И лишь позже тем же вечером стало известно, что другой самолет рухнул, а летчица в нем погибла.

На следствии Бад Хэррис подтвердил, что они летели строем, когда летчица-«оса» внезапно, без видимой причины или предупреждения, набрала высоту и правым крылом своего самолета оцарапала днище его машины, испортив шасси. Он решил, что она поднялась еще выше и улетела, что ситуация у нее по контролю, а крушения он не видел.

Свидетель был всего один. Местный селянин сообщил, что был на поле и слышал громкий рев. Втянув наверх, он увидел два самолета в близком полете, а потом маленький внезапно сдал вправо и вошел в штопор. Он видел, как самолет упал и разбился. От столкновения с землей взорвался и загорелся, и от него почти ничего не осталось – причину не определить. После расследования крушение признали случайным, и никаких санкций не последовало.

Он не собирался до этого доводить. Хэррис думал, что теперь-то Софи одна и никакой вахлак за ней не приглядывает, а потому решил, что неплохо бы ее пугануть – просто чтоб знала, с кем имеет дело. Он ей задаст урок, какой она еще долго не забудет.

И вот он закружил рядом и круги закладывал всё уже. Но в своем рвении показать ей, кто он такой, подлетел слишком близко – и слишком быстро. Когда она вдруг увидела самолет совсем рядом, она резко сдала наверх, пытаясь уйти с его курса. При наборе высоты чиркнула ему крылом по днищу, и он услышал мерзкий звук: металл о металл.

Хэррис забеспокоился, что эта царапина что-то повредила в шасси, а потому, когда она вошла в штопор, не остался досматривать, как самолет падает на землю и разбивается.

Один из тех, кто был в тот день в воздухе, друг Фрици, рассказал ей о своих подозрениях. Хэррис – все это знали – был довольно безрассуден.

Фрици прилетела на базу в день слушания, обнаружила Хэрриса в приемной, рядом с комнатой допросов.

Она распахнула дверь, увидела, как Хэррис сидит, закинув ноги на стол, покуривает, и у нее от ярости аж слезы на глаза навернулись.

– Ах ты мерзавец, паршивый ублюдок! Ты убил мою сестру, жалкая ты тварь, сукин сын. Я тебя замордую к чертям. Оно того стоило? Лишь бы перед пацанами повыделываться?

Он глянул на нее:

– Я не понимаю, о чем ты вообще.

– Да? Богом клянусь, Хэррис, будь у меня пушка, я бы снесла проклятущую твою башку.

– Эй, дамочка, я не виноват. Она сама поперла наверх.

– Уговаривай-уговаривай себя, Хэррис. Ты дай боже как отлично знаешь, кто тут виноват, – сказала Фрици. – Тебя убивать – только мараться. Надеюсь, ты *никогда* не сдохнешь. Надеюсь, тебя метнут в тюрьму пожизненно, чтоб ты помнил, что наделал, до конца своей паршивой, вонючей жизни.

Офицер открыл дверь и поманил Хэрриса со словами:

– Вас ждут в другой комнате.

Хэррис затушил сигарету, встал и вышел.

Все девчонки скинулись на дорогу Софи домой, и Фрици увезла ее гроб в Пуласки. Гертруд Мэй прилетела из Кэмп-Дэвиса, Северная Каролина, а Винк взял увольнительную и прибыл из Англии.

Весь город – все до единого мужчины, женщины и дети – пришел на похороны. И пусть Софи официально в армии не служила, местный Комитет ветеранов иностранных войн украсил ее гроб американским флагом, и к черту правила. По их мнению, она погибла на посту, служа стране.

На ее надгробии разместили бронзовую табличку с надписью:

Покоряла вершины над бурей, над
тучей,
Обрела она свет – и Сына, и Отчий.
Не скажу ни потом, не сейчас,
Что она умерла.
Она лишь улетела от нас.

*Джеймс
Райли*^[68]

Уитком

Нью-Йорк

Март 1945 года

После роспуска «ос» Уилли, подруга Фрици, вернулась домой, в Оклахому, но, как и всем остальным девчонкам, на месте ей не сиделось, и она уехала в Нью-Йорк – повидать Пинке и походить по театрам. Как-то вечером пили они с друзьями, и тут она заметила за столиком в дальнем углу зала Бада Хэрриса в компании других летчиков. Она извинилась перед своими и подошла к его столику.

– Привет, красавчик. Потанцуем?

Через несколько часов, в шикарном гостиничном номере, Хэррис проделал в точности то, что ему велела знойная дамочка из Оклахомы. Сняв с себя всю одежду, он ухмыльнулся:

– Ну как, подойдет?

Уилли, все еще полностью одетая, включая ковбойские сапоги со стальными мысами, улыбнулась и сказала:

– О да. Иди-ка сюда, парниша.

Когда он подобрался на нужное расстояние, она замахнулась и пнула его изо всех сил. Хэррис рухнул на пол, вцепившись в гордость и радость свою, вопя от боли. Уилли спокойно собрала все его вещи и обувь и метнула из окна двадцать второго этажа. Затем оставила его валяться – голого и в агонии.

Уилли ни словом ни с кем про это не обмолвилась, но подумала, что хоть что-то смогла сделать для Фрици.

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки рада была вернуться домой. И даже счастлива повидать старую ненормальную Ленор – сама ей позвонила и позвала на обед.

Ленор прибыла в ресторан совершенно неотразимая – в дивном лаймово-зеленом платье с длинным белым шарфом, стелившимся за ней следом.

– Блудная дочь вернулась!
– Привет, мама. Ну ты и красавица.
– Вот спасибо. Мне кажется, это мой лучший цвет, а? – сказала она, помахав подруге через зал.

Ленор явно соскучилась по Сьюки – весь обед напролет была воплощенная приятность, вплоть до самого конца. Но потом сказала:

– Не хочу портить тебе настроение, Сьюки, но, похоже, ты ни на фунт в этом спа не похудела. Я бы на твоём месте потребовала деньги назад.

Пробыв дома несколько дней и поразмыслив обо всем случившемся, Сьюки поняла: эта поездка была важнейшей в её жизни. Она столько узнала такого, о чем понятия не имела, – особенно о себе.

Она стала куда больше чем просто дочерью Ленор Симмонз. Она только сейчас начала быть кем-то ещё, и ей нравилась та, кто она в самом деле есть. Слава богу, Эрл её подталкивал к этой поездке. И он был прав. Она бы ни на что её не променяла.

Всего несколько месяцев назад она уже совсем было собралась расслабиться и все отпустить, а тут вдруг жизнь началась заново. Она теперь столько знает – о Висконсине, о Калифорнии, об «осах», о польской и датской еде.

Сьюки заказала пять экземпляров «Истории Польши» и подарила каждому ребенку. И сама тоже прочла. Её совершенно потрясло, какие поляки смельчаки и сколько всего им пришлось пережить.

И почему она не ведала обо всем этом раньше? Глядя на свою руку, она подумала: «Во мне течет гордая смелая польская кровь. Как это чудесно!» Когда они с Эрлом в следующий раз пошли в «Дом устриц», она совершила то, чего не делала ни разу в жизни. Заказала дюжину сырых устриц – и съела их! Она, может, никогда на это больше не осмелится, но хоть раз-то смогла. Миссис Пул отправлялась в широкий мир.

Разумеется, вернувшись из Солвэнга, она сообщила Ди Ди имя своего настоящего отца, и Ди Ди тут же наняла профессионального генеалога – выяснить все об английской фамилии Бранстон и узнать, жив ли Джеймс Бранстон. Дама обнаружила, что все, кроме одной из его дочерей, уже умерли.

Ди Ди пожелала, чтобы мать с ней связалась.

– Она тебе сводная сестра, мама!

Но Сьюки решила, что в этом точно нет смысла – беспокоить несчастную даму после стольких лет. Придется поделиться неприятной информацией о ее отце. Зачем ее расстраивать? Пусть уж как есть. Но зато они узнали, что Джеймс Бранстон дожил почти до девяноста лет и умер от естественных причин. А большего им и не требовалось знать.

После встречи с Фрици и пристального изучения истории Сьюки взглянула на Ленор другими глазами. Ей открылось, как непросто в те времена было женщинам – столько несвободы, наверняка мучительно. Если бы ей дали посвятить себя сцене, она вполне могла бы стать звездой. А с ее-то организаторскими способностями, амбициями и энергией Ленор, будь она мужчиной, стала бы директором какой-нибудь крупной компании. И впрямь грустно думать, что, родись Ленор чуть позже и пойдя в политику, кто знает, чего бы добилась эта женщина?

Слава небесам, дочки Сьюки могли делать почти все, что им заблагорассудится. И она радовалась мысли, что ее настоящая мать и две тетки помогли открыть двери женщинам, пришедшим после них. Как сказал Картер:

– Ну круто же?

«Синяя сойка, брысь-ка»

Жизнь наконец вернулась в свою колею – за одним исключением. Доктор Шапиро был очень доволен, как у Сьюки все продвигается, он чувствовал, как уверенно Сьюки создает себе новую жизнь, однако практика его в Пойнт-Клиэр совсем не развивалась. Похоже, тут никому не нужен психиатр, а если и нужен, то никто в этом не признается. А потому они с женой решили вернуться в Нью-Йорк, там сеансы у психиатра – символ престижа. Он жалел бросать только Сьюки. Никогда бы ей в этом не признался – она все-таки пожилая дама, – но за последние месяцы он слегка в нее влюбился. Вероятно, милейший человек из всех, кого он знал, и неважно, что она пациентка.

Сьюки действительно полегчало, но она все еще скучала по мелким пташкам. За всю весну она не увидела ни одного поползня, ни одной гаички. День за днем просиживала в теплице и глядела на синих соек. Она изучила их лапки и как они цепляются за кромку кормушки – и принялась рисовать эскизы и прикидывать размеры новой конструкции.

Она пыталась выдумать кормушку поменьше, с проволочной сеткой, чтобы крошечные зернышки проваливались внутрь, а бортик сделать поуже и так его изогнуть, чтобы только мелкие птицы могли на него присесть.

Уолтера Демпси – на все руки мастера – они время от времени приглашали починить то да се, а он умел почти что угодно. У него была маленькая плотницкая мастерская, и он там изготавливал всевозможные приспособления. Сьюки сделала набросок и вписала размеры – как ей казалось, подходящие – и с ним приехала в мастерскую.

– Привет, Уолтер. У меня тут рисунок кормушки. Как думаете, сможете мне такую соорудить?

Он глянул на рисунок и сказал:

– Думаю, смогу. Какой срок?

– Как можно скорее.

Не то чтобы ей не нравились синие сойки. Нравились. Но ей хотелось сделать хоть что-то, чтобы мелкие птички не покинули ее насовсем.

Неделю спустя Сьюки сидела в засаде в теплице и ждала. Через пять секунд здоровенная толстая синяя сойка прилетела и попыталась устроиться на кромке новой кормушки. Она била крыльями, пытаясь найти

равновесие и при этом клевать зерна, но – эврика! Ничего у нее не вышло, и после трех-четырёх попыток она сдалась и упорхнула. Вскоре еще несколько соек попробовали приземлиться, но кромка оказалась для них слишком узкой, и они тоже не смогли устроиться, махнули на это крылом и улетели к кормушке с подсолнечником.

Мелкие пташки не сразу поняли, что к чему, но уже на следующий вечер ее навестила крошка-синичка, и Сьюки увидела, что птичка смогла усесться на край кормушки и поест. Ура! Сьюки немедленно позвонила мистеру Демпси и заказала еще пять таких же кормушек.

В следующий понедельник поутру Сьюки вбежала в дом и позвонила мистеру Демпси:

– Ой, Уолтер, у нас еще три мексиканские чечевицы, индиговый кардинал и гаичка! Не знаю, как вас и благодарить.

– Да пожалуйста, но это ваш замысел. Я просто выполнил все по рисунку. Вы, похоже, изобрели полезную вещь, миссис Пул.

– Правда?

– Да, мэм, и знаете что, миссис Пул, я тут подумал. Может, вам стоит это запатентовать? Я таких могу штук двадцать в неделю делать. Поговорил я с мистером Нэдлшафтом, из «ПтицыНам», объяснил, что у вас все получилось с кормушками, и он заказал еще несколько – попытается продать.

Сьюки была в восторге. Они с Уолтером отнесли чертежи к городскому юристу и составили договор – основали новую компанию, Сьюки назвала ее «Синяя Сойка, Брысь-ка». Доходы будут делить пополам. Уже через месяц Сьюки с мистером Демпси так завалило работой, что они едва успевали выполнять заказы. А через полгода пришлось нанять помощника и бухгалтера – дело пошло.

Через год компания набрала еще больше оборотов, и они пригласили рекламное агентство. Вскоре их объявление появилось и в журнале «Южная жизнь», и во всех изданиях наблюдателей за птицами – с фотографией кормушки.

Устали от назойливых синих соек? Они объедают ваших мелких пташек? Понимаю вас, у меня было так же. Но с кормушками «Синяя Сойка, Брысь-ка» вьюрки, синицы и все мои любимые маленькие гости могут теперь питаться спокойно.

Миссис Эрл Пул-мл.

Пойнт-Клиэр, Алабама

Вскоре компания обзавелась сайтом, *www.Muejay-away.com*, и, к их удивлению, заказы начали приходить со всего света. Сьюки даже сказала Эрлу:

– Подумать только: синие сойки есть даже в Китае. Представляешь?

Когда в местной газете появилась статья, где ее называли «миссис Эрл Пул-мл., домохозяйкой и изобретателем», она была премного довольна. Жизнь, оказывается, изумительна и полна сюрпризов. Она всегда считала себя бестолковой, а теперь вот стала «изобретателем».

Более того, продажи шли в гору так, что Эрл начал подумывать о пенсии. В следующие несколько лет компания, в общем, уже работала сама по себе, и они с Эрлом вновь могли заниматься друг другом.

У Сьюки остался лишь один великий страх. Как-то воскресным вечером Эрл беседовал по телефону с другом, и она, проходя мимо гостиной, услышала, как он сказал:

– Да, но в глубине души я бы все-таки хотел еще одного дога.

О боже, подумала она. А чего не лошадку или коровку в дом? Пожалуйста, милый боженька, пусть это будет просто мимолетный каприз. Она любила Эрла, но и одного дога ей хватило за глаза.

Пшеничная блондинка

И дядя Бейби, и тетя Лили умерли в «Милом холме» ближе к девяноста, а Ленор и в девяносто три еще вполне держалась. К сожалению, она пережила Энджел, свою сиделку. После долгих уговоров все же согласилась переехать в «Вестминстерскую деревню» – но лишь временно, пока Сьюки с Эрлом не найдут ей другую сиделку. Однако, к удивлению Сьюки, Ленор при последнем посещении, похоже, была довольна.

– Должна сказать, Сьюки, мне нравится ванна с калиткой, да и еда тут пристойная, но Кончиту я убить готова – как она посмела помереть до меня!

Через неделю, когда Сьюки только вернулась из магазина, зазвонил телефон; она сняла трубку и услышала женский голос:

– Миссис Пул? Это Молли из «Вестминстерской деревни», звоню сообщить, что у вашей матери только что случился небольшой инсульт, как говорит врач, и он считает, что, может, вам стоит приехать.

По прибытии Сьюки сообщили, что ее мать в реанимации, придется подождать. Доктор Хиндмен вышел к ней:

– Миссис Пул, предупреждаю сразу: она все еще несколько дезориентирована, так что не удивляйтесь, если она вас не признает. – Он вошел первым, приблизился к кровати и поманил Сьюки. Та встала рядом, и врач сказал: – К вам посетитель, миссис Симмонз. Вы знаете, кто это?

Ленор открыла глаза, взглянула. Улыбнулась, взяла Сьюки за руку и ответила:

– Ну конечно. Это моя дочь Сара Джейн – лучшая дочь на всем свете, я люблю ее.

Сьюки всмотрелась в лежащую старуху, такую маленькую и беспомощную, сжала ее руку и проговорила:

– Я тоже люблю тебя, мама. – И нисколько не покривила душой.

Ленор еще раз стиснула ее ладонь и опять задремала.

Сьюки сидела у постели Ленор, пока та спала, и не знала, слышит ли ее мать или нет, но все равно тихонько запела:

– Кейси с блондинкою вальс танцевал, а оркестр играл... – Она смотрела на спящую Ленор и поражалась: даже теперь, старая и беспомощная, она по-прежнему была такой красивой.

Врач вернулся через несколько часов и предложил Сьюки ехать домой отдыхать – он позвонит, если будут какие-то изменения.

В ту ночь ей сообщили по телефону, что мамы не стало.

На следующее утро юрист Ленор постучался к ней со словами:

– Миссис Пул, скорблю о вашей утрате, но ваша мать велела доставить это лично, в течение суток после ее кончины.

Сьюки распечатала конверт и извлекла письмо.

Сьюки,

Я, конечно, не планирую никуда уходить в ближайшее время, но на всякий случай решила, что это может быть полезным.

НЕКРОЛОГ

ЛЕНОР СИММОНЗ КРЭКЕНБЕРРИ

Родилась 20 января 1917 года в Селме, Алабама

*Умерла (вписать дату и время) в Пойнт-Клиэр,
Алабама*

Дочь покойных мистера и миссис Уильям Дженкинз Симмонз из Селмы.

Горюющие родственники: (заполнить)

Состояла в (список клубов, организаций и т. д.).

Памятна своей преданностью семье, врожденным южным обаянием и высокой цельностью натуры во всех ее добровольных начинаниях.

Поминовение приветствуется. Просьба передать в:

*Фонд заботы о кладбище солдатского упокоения
Пойнт-Клиэр,*

Пойнт-Клиэр, Алабама

СЕМЕЙНОЕ И ДРУЖЕСКОЕ ПОМИНОВЕНИЕ, БАНКЕТ

Выбор места:

1. Бальная гранд-зала, «Гранд-отель»

2. Загородный клуб Лейквуд (большая зала)

День: суббота или воскресенье, с 3 до 5 вечера.

– Еда и напитки: кофе, чай со льдом, легкий пунш, закусочные сэндвичи, сладкое ассорти, сырные палочки, орехи и т. д. (полный список – у миссис Басби).

– Изысканные цветы по сезону на каждом столике.

– Встречающим прибыть к 2.30 для получения задания от миссис Пул.

– Встречающих разместить у входных дверей и/или в фойе и у лестниц.

– Каждому встречающему на лацкан поместить простую белую бутоньерку.

– Гостевую(-ые) книгу (-и) разместить в зале, а НЕ при входе.

– Не желаю, чтобы люди подписывали гостевую книгу на бегу – она для серьезных скорбящих.

– Встречающим – перемещаться по залу и быть среди гостей.

Сьюки, о церковной службе не беспокойся. Преп. Джордж уже получил все необходимые распоряжения. Тебе будет чем заняться с гостями из других городов, организацией парковочных мест и т. д.

Мама

В три пополудни зазвонил телефон – то был работник местной компании по производству памятников.

– Миссис Пул, у меня есть поручение доставить надгробие. Где желаете его разместить?

– Что?

– Ваша мать заказала надгробие... и оно довольно крупное.

– Насколько крупное?

Работник сообщил, что Ленор заказала себе пятифуттовую статую плачущего ангела из белого мрамора и велела «счет выставить вам».

– О господи, и когда она это заказала?

– Да уж лет десять назад, хотя время от времени заезжала, вносила изменения. Она была довольно привередлива к деталям. Вырезать исключительно из алабамского мрамора и чтобы совершенно никаких изъянов.

Сьюки покачала головой. Ну разумеется. Это же Ленор. Ушла насовсем, но все равно заказывает музыку. Сьюки подумала: «Что уж там, старушка. Теперь-то зачем меняться?» Как обычно, Ленор все сделала по-своему – как и полагается.

Сьюки поразились обилию цветов и речей на маминых похоронах. Столько людей сказали о ней прекрасное. Но больше всего для нее значили слова милой старой Нетты, взявшей ее за руку и сказавшей:

– С ней была уйма возни, но клятый этот мир станет без нее скучным.

Служба прошла чудесно – в точности как хотелось Ленор. Конечно, все обошлось дороже, чем они думали. Статуя плачущего ангела оказалась такой здоровенной, что пришлось купить два кладбищенских участка. Сьюки стояла над могилой в смешанных чувствах, но понимала, что женщина, которую они опускают в землю, всегда будет громадной частью ее жизни. Кого сердце полюбит первым, оно не ведает – и не задумывается, по крови ли связь. Суть в том, что ее мать – единственная мать, какую она знала, – умерла. Эта невозможная женщина сводила ее с ума и терзала ей душу, и все же, вопреки всему, Сьюки будет ее не хватать – каждый день, до конца ее собственной жизни.

*Ленор Симмонз Крэкенберри
1917–2010
Истинная дочь Юга
унесена домой*

Наследие Ленор

Пойнт-Клиэр, Алабама

Через несколько недель после похорон Сьюки пришла в дом к Ленор – разобраться в ее вещах. Отперев входную дверь, она учуяла слабый аромат материных духов, все еще висевший в воздухе. Она почти ожидала услышать голос Ленор из другой комнаты, вот-вот, но царила жутковатая тишина. Сьюки прошла в кухню, огляделась. Так странно было смотреть на всякие мелкие предметы, оставленные здесь навсегда, – предметы, которые когда-то ничего не значили, а теперь вдруг приобрели важность. Она заглянула в блокнот на стене, увидела мамин почерк. «Сказать Сьюки, что мне нужен кофе». Вид этой записки навел ее на мысль, какой жестокий фокус – смерть. Вот человек есть, живой, разговаривает, а вот – але-оп! – исчезает у тебя на глазах. Смерть по-прежнему оставалась великой загадкой, вопросом, на который никто не в силах ответить. Она побродила по дому и пришла в гостиную. Открыла массивный секретер красного дерева – и вот оно, все это серебро, ждет ее.

Она вздохнула, сходила на кухню и вернулась с тряпкой, мамиными нитяными перчатками и пастой для чистки серебра, уселась за обеденный стол. Что тут еще поделать? Полируя, она почти слышала голос Ленор: «Помни, Сьюки: ничто не говорит о семье больше хорошего серебра и настоящего жемчуга.

Остальное – чепуха». У Ленор был большой дом, но она ухитрилась заполнить каждую комнату. А теперь, без нее, Сьюки почувствовала себя такой маленькой, но драить не бросила.

В тот вечер Сьюки набрала номер.

– Ди Ди, это мама. Милая, я тут разобралась в вещах и подумала: не хочешь ли ты забрать бабушкино серебро?

– «Франциска Первого»?

– Да.

Повисло молчание, а затем дочь сказала:

– Нет, вообще-то. Оно мне, считай, без толку, я б им никогда все равно не пользовалась. Если, конечно, его нельзя продать и купить что-нибудь другое, но ты мне этого не разрешишь.

– Нет, бабушка настаивала, что его нужно передать кому-то из семьи.

– А спроси близнецов? Может, им надо.

– Не могу. Я обещала, что делить набор не буду, а отдать все одной тоже нельзя.

– Верно. А Картер, сама понимаешь, его не захочет.

– Не захочет. В общем, я тут думала, если тебе он действительно не нужен, ничего, если я предложу его Баку с Банни?

– Конечно, я совсем не против. Хорошая мысль, по-моему. Знаем мы Банни, ей такое в радость будет.

Сьюки не была подлинной Симмонз, равно как и ее дети, и потому Бак и Банни имели на серебро полное право. Кроме того, Банни – единственный ближайший к южанам человек. За последние несколько лет у нее прорезался южный выговор похлеще, чем у Сьюки.

Через неделю Сьюки загрузила машину и отправилась в Северную Каролину Банни, как и ожидалось, была на седьмом небе.

– Сьюки, ты не представляешь, как я счастлива, а к тому же, разумеется, ты всегда можешь брать его попользоваться, но у меня слов нет, как оно мне всегда нравилось, – сказала она, поглаживая громадный половник. – Кажется, в том числе и поэтому я влюбилась в Бака. Никогда не встречала человека, чья мать владела бы полным набором «Франциска Первого». А теперь он наш, и я наконец чувствую себя настоящей Симмонз. – Банни охнула, поняв, что сморозила. – Ой, Сьюки, я не в этом смысле. Я хотела сказать... ну, то есть, конечно же, настоящая Симмонз – ты. Ох, убить бы себя за такие слова.

Сьюки пожала плечами:

– Ой, Банни, выбрось из головы. Поверь, я совершенно счастлива, что оно теперь у тебя.

– Правда?

– О да, но прошу лишь об одном.

– Конечно, о чем угодно. Вообще о чем угодно.

– Обещай, что никогда его не разделишь.

Банни отшатнулась в ужасе:

– Разделить набор? Разделить? Мне бы и в голову такое не пришло! Это же святотатство. Да я лучше помру с голоду, чем разобью целый набор «Франциска Первого».

Сьюки рассмеялась и обняла ее.

На пути домой Сьюки улыбалась. Она не понимала, как это произошло, но маленькая часть Крылатой Ники просочилась в Банни и вцепилась в нее мертвой хваткой. Сьюки все правильно сделала. Факел Симмонзов и это чертово серебро официально переданы по эстафете, и Сьюки вдруг почувствовала себя на двадцать фунтов легче.

В первое утро по возвращении из Северной Каролины Сьюки, возясь в саду, увидела красивую ярко-голубую стрекозу с серебристыми крыльями, порхавшую вокруг ее цветов. Наверняка знак. Если Ленор заглянула бы поздороваться, то это очень в ее духе – явиться ярко-синей стрекозой. Ленор была весна, а синий – один из ее цветов.

Несколько недель спустя Сьюки сняла трубку звонившего телефона и услышала Ди Ди – та едва не кричала:

– Мама! Ты сидишь?

– Нет, но сяду...

– Ты не согласишься!

– Так...

– Помнишь ту женщину, с которой я связывалась в Лондоне, по поводу фамильного древа Бранстонов?

– Да.

– Так вот, она обнаружила брачное объявление в лондонской «Таймс», которое деды твоего отца опубликовали в 1881 году, и в нем говорится, что 22 июня того года Реджиналд Джеймс Бранстон женился на бывшей мисс Виктории Энн Симмонз в церкви Святого Иакова.

– Мило.

– Мама! Ты, что ли, не понимаешь, что это значит? Девичья фамилия твоей настоящей прабабушки – Симмонз, а значит, мы все равно Симмонзы!

– Ну не знаю, хорошая это новость или скверная.

– Это отличная новость, мама. Слава богу, я не выкинула фамильный герб Симмонзов. Более того, эта женщина обнаружила, что бабушка твоего настоящего отца, моя прапрабабушка, – пятиуродная внучатая племянница королевы Виктории!

О господи. Храни боже Ди Ди. То, может, вообще другие Симмонзы, но Ди Ди явно в бешеном восторге от этих сведений и уж точно выложит их всем, кого знает.

Сьюки порадовалась, что Ди Ди так счастлива. Ей все это было, в общем, безразлично – за вычетом того, что теперь можно не угрызаться уж слишком по поводу себя и «Каппы». В ее родословной были хоть какие-то Симмонзы. Она лишь жалела, что Крылатая Ника так и не узнала про это, а то бы ликовала: она была права с самого начала.

Марвэлин снова сражает наповал

Прошло еще несколько недель, и Сьюки напоролась в магазине на Марвэлин. Та ей сообщила:

– Ты не поверишь, Сьюки, но мы с Ралфом опять встречаемся.

– Правда?

– Да, и я поняла, что на самом деле его не так уж ненавидела. На самом деле я ненавидела институт брака.

– Вон что. А что говорит нам Эдна Йорба Зорбра?

– Ой, мы и не виделись с тех пор, как она переехала в Лас-Вегас. Она больше не занимается личностным ростом.

– Жалость какая.

– Да, она теперь продвигает новую ювелирную линию – полностью из перьев.

– Правда?

– Да, она же на четверть индеанка, видишь ли, а они обожают перья. В общем, с Ралфом пока все идет вполне гладко, и мы подумываем съехаться и заняться сексом. Я когда-то исключительно поэтому и вышла за него. Он в постели всегда был отличный. Конечно, он уж не молод, как раньше, но он врач и добудет себе сколько угодно «виагры».

– А. Ну, я рада, что у тебя все складывается. Мне пора, но рада была повидаться.

– Ага, и я. Буду тебе докладывать, что и как. До скорого.

О господи, Марвэлин. Вечно она вываливает всякого личного с перебором – во всяком случае, больше, чем Сьюки хотела бы знать. Ралф был гинекологом Сьюки, и теперь у него в кресле она будет чувствовать себя совсем иначе.

Но вот что хорошо: они с Деной все же добрались до сбора «Каппы», и, к удивлению Сьюки, даже после того, как она выложила им все начистоту, они избрали ее председателем комитета сбора следующего года.

Однако на этом сюрпризы не иссякли. Мэра города, когда-то судившегося с Ленор за то, что она обозвала его саквояжником и конокрадом, посадили за растрату. Ди Ди наконец ушла от мужа насовсем и пообещала Сьюки, что если еще хоть раз пойдет замуж, это будет скромная регистрация брака. Си Си и Ли Ли забеременели. А Фрици прислала свою фотографию из солвэнгской газеты. Она выиграла кубок Ализальского

соревнования по гольфу для пожилых.

Чуть погодя Эрл с Картером уехали в ежегодный поход, и она по Эрлу скучала, но зато успела и немного поразмышлять. Благодаря доктору Шапиро она поняла, что об успешности человека можно судить не обязательно по его достижениям, но и по тому, что ему пришлось преодолеть. А она преодолела нечто, по ее понятиям, громадное – страх разочаровать мать. И вышла замуж за правильного человека. Нет, вожаком она не была, равно как и богатой знаменитой балериной, но муж и дети любят ее. Ну правда, чего еще желать?

В тот вечер Сьюки сидела на пирсе одна и улыбалась. Пробыла до самых звезд – и до церковных колоколов, зазвонивших над всею бухтой.

Альбукерке, Нью-Мексико

Ди Ди так поразила история «ос», что, узнав о выставке военных самолетов Второй мировой в Нью-Мексико, она купила два авиабилета, и они с Сьюки рванули смотреть.

Сьюки сказала человеку у входа:

– Мы с дочерью приехали на выставку из Алабамы. Спасибо вам большое за нее.

– Пожалуйста, мэм. Рад, что приехали.

Сьюки с Ди Ди отстояли очередь на экскурсию по «Би-17» – «Летающей Крепости», последней рабочей в мире. Во-первых, Сьюки обалдела от размеров. Громадина. Они походили вокруг, и она прочла все фамилии летавших на ней пилотов, начертанные на боках. Она искала фамилию матери, но не нашла. Только мужские.

Ди Ди фотографировала и звала вернуться в очередь на вход внутрь. Они ждали, а работник выставки руководил происходящим и рассказывал другой группе мужчин, как он летал на точно таком же самолете в конце войны, когда большинство их уже продали России. Сьюки подобралась поближе, послушала и сказала:

– Знаете, женщины тоже на них летали. Мои мать и тетка перегоняли эту модель с завода.

Мужская группа глянула на нее с удивлением, и один переспросил:

– Правда? Женщины водили *такие* самолеты?

Экскурсовод воззрился на Сьюки, а потом сказал без особого энтузиазма:

– Ага, было дело. – После чего продолжил речь.

Сьюки с Ди Ди взобрались по лестнице и вошли в самолет, и Сьюки едва поверила своим глазам – до чего там было сурово и голо: обнаженный темнозеленый металл, гофрированные металлические полы. Они погуляли по самолету и поразились, какое все грубое, никакой мягкости. Может, именно этим самолетом Фрици и Пинке везли ее ночью в Хьюстон?

Добравшись до головы самолета и заглянув в суровую кабину летчика, оборудованную сотней рычагов, инструментов и датчиков, со здоровенными металлическими педалями у пола, Сьюки совершенно ошалела. Боже, как 120-фунтовая девушка могла водить такую махину? Откуда бралось столько хладнокровия? Сьюки и представить не могла, как полетела бы на такой штуке в пылающий жар дня или в ледяной мороз.

Внезапно ее до глубины души потрясло немислимое мужество, потребное для таких полетов, и она расплакалась. Одно дело читать про это или рассматривать фотографии, и совсем другое – стоять внутри точно такого же самолета, какие водили те девушки; и Сьюки преисполнилась невероятной гордостью.

И вскарабкаться в самолет, и пробраться по нему от носа до хвоста, а потом спуститься по узким горячим металлическим ступенькам было непросто. Вылезая, и Ди Ди, и Сьюки перепачкали все руки – стенки были в масле. На этом самолете никаких излишеств и удобств не предполагалось.

Затем несколько человек, заплативших кучу денег, смогли полетать на этом «Би-17». Самолет пробежал по взлетной полосе и с оглушительным грохотом поднялся в воздух, а Сьюки волновалась, что он так и не оторвется от земли. Но в последний миг все получилось, и он понесся к горам. Если б у нее была хоть капля смелости, она бы полетела, но не такая она храбрая.

Покидая выставку, они подошли к сидевшему за длинным столом дядьке, который взял с них деньги за вход и поставил штампики на руки, и поблагодарили его.

– Какое чудо – повидать все эти самолеты своими глазами и оказаться у них внутри.

Дядька улыбнулся:

– Рад, что вам понравилось.

Сьюки в последний раз обернулась на самолет:

– Потрясающие все-таки храбрость и мастерство нужны были пилотам.

И тут встряла Ди Ди:

– Знаете, вам очень стоит говорить людям, особенно девочкам, что женщины тоже водили такие самолеты. Мне кажется, им это будет интересно.

Улыбка у дядьки чуть подмерзла, и он посмотрел сквозь Ди Ди, будто ничего не слышал, а сам пригласил следующего человека в очереди. Он вполне явно не собирался об этом упоминать.

И тогда Ди Ди сделала такое, что совершенно поразило ее мать. Она глянула на дядьку и произнесла:

– Говнюк. – После чего развернулась и пошла себе дальше.

Сьюки сквернословие не нравилось, но она услышала и собственный голос:

– Говнюк-мачо. – И проследовала за дочерью. Обе приснули.

Из аэропорта они уехали с колоссальной гордостью и глубоким восхищением «осами» и их подвигами. Теперь Сьюки хоть что-то поняла о том, каково это – ежедневно рисковать жизнью без всякого признания со стороны. Неудивительно, что девчонки затаили обиду.

Милый боже, думала Сьюки. И после всех лет, после того, как многие те женщины погибли за свою страну, мужчины не готовы даже признать, что это было. Кое-что никогда не меняется. Слава небесам за юное поколение.

Сходка

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки сняла трубку и тут же узнала голос.

– Здорово, детка!

– Здравствуйте!

– Звоню спросить, не хочешь ли скататься со мной домой?

– Когда? Куда?

– В Пуласки.

– Ой...

– Только что договорилась с Пинке, она все организует. В этом году сходка «ос» в Пуласки. Можешь приехать? Будет парад, и твоя покорная будет им командовать. Хочу, чтобы ты поехала со мной.

– О боже мой... ну да! Конечно! Когда?

– Четырнадцатого августа.

– Приеду.

Сьюки разволновалась от радости. Она сама хотела съездить в Пуласки, но не желала там никого смущать и являться как снег на голову. А теперь у нее официальное приглашение от Фрици.

14 августа Сьюки прилетела в Грин-Бей. Все прибывшие селились в большой гостинице «Хайятт», самолет Сьюки опоздал, а потому ее попросили сразу в гостиничный ресторан, где все обедали. Она вошла в зал и увидела компанию женщин за столом в углу и немного за ними понаблюдала.

Она поняла, что для постороннего глаза они – просто компания старушек за обедом. Никто бы не догадался, кто они и что на совершали. Подошел метрдотель и отвел Сьюки к их столику, Фрици взглянула на нее и сказала:

– А вот и она! Пинке, Уилли, это Сара Джейн.

Она бы все равно их узнала. Пинке была вылитая она же на фотографиях, а Уилли, конечно, состарилась, но по-прежнему красотка. Чуть позже она познакомилась с тетей Гертруд, теперь монахиней по имени сестра Мэри Джуд. Лицо у нее было как у пухлого ангела на дереве, она сгребла Сьюки в охапку, обняла:

– Ой, ты прямо ее копия. Ох, милая деточка. Ох, если б мамуля тебя

видела!

Кто-то прислал бутылку шампанского, Фрици подняла бокал и сказала:

– Ну вот, теперь все в сборе. За всех отличных девах, кто бывал наверху, – и за нас. Мы, может, уже не такие юные и шустрые, как раньше, но, ей-богу, как поется в песне, «мы все еще здесь».

– За это, за это, – добавили все и выпили.

– А теперь – за деточку Софи, Сару Джейн. Добро пожаловать домой.

На следующий день рано поутру Сьюки и всех дам, облаченных в форменные костюмы, забрали и отвезли в Пуласки. На въезде в город их приветствовали толпы восторженных людей, выстроившихся вдоль улиц, все махали американскими флажками, кричали и аплодировали. Когда парад завершился, они отправились в просторный Зал Рыцарей Колумба^[69], где ожидалась официальная церемония и на обеих стенах красовались громадные фотографии суитуотеровского Авенджер-Филд, девушек и самолетов, на которых они летали. А впереди, поправее, висел большой снимок матери Сьюки, Софи, – она стояла, улыбаясь, у своего самолета.

Все расселись, Фрици встала и поприветствовала всех «ос» и их семьи в Пуласки, после чего устроилась рядом со Сьюки в первом ряду.

Прозвучало немало речей – от мэра, губернатора Висконсина, нескольких сенаторов и других почетных гостей. После речи губернатора все решили, что она последняя, но тут вдруг на сцену, посверкивая глазами, вышла Пинке. Она, казалось, изо всех сил сдерживала улыбку.

– Дамы и господа, у нас тут за сценой дожидается кое-кто, прилетевший сюда с особым сообщением.

Все схватились за программки, но этот выступающий там не значился, и потому все недоумевали, кто бы это мог быть. Однако не успела эта женщина выйти на сцену, как все ахнули и раздались аплодисменты. Все признали американского астронавта. Она улыбнулась, оглядела толпу и сказала:

– Доброе утро, я Сэлли Райд^[70]. Я приехала выразить вам от имени всех военных летчиц то, что так давно необходимо было, – нашу благодарность. Когда были нужны стране, вы взялись за дело и доказали, что женщины могут летать, и притом восхитительно. Вы сталкивались с непреодолимыми, казалось, трудностями и преодолевали их изящно, мужественно и смело. Ваша жертвенность, решимость и несгибаемость открыла возможность для женщин, в том числе и для меня, летать выше, чем мы когда-либо осмеливались мечтать. И потому знайте: тем из нас, кто уже участвует в освоении космоса или станет в будущем, тем, кто

направляется к Луне, звездам и далее, вы и все «осы» – ветер под нашими крыльями. Храни вас Бог.

Она сошла со сцены, помахав рукой на прощанье, из динамиков зазвучала запись Бетт Мидлер «Ветер под моими крыльями»^[71].

Вот это день!

В тот вечер город устроил «осам» масштабную вечеринку в Бальной зале Зелински. Народу было битком, а когда солист группы на сцене увидел, как входит Фрици, он остановил музыку, и все аплодировали, пока она шла через толпу.

– Здорово, ребята!

Сьюки не знала, понимают ли тут все, кто она такая, или они просто дружелюбнейшая публика на свете, но ее никогда в жизни столько не обнимали. Вскоре музыка заиграла вновь, и крупная веселая женщина с золотым зубом сгребла Сьюки в охапку, и они пошли плясать польку. То есть Сьюки *догадалась*, что это за танец.

Чуть погодя, когда Сьюки исхитрилась перевести дух, она заметила длинный стол, заставленный едой из конца в конец. А она-то думала, что это южане много едят! Взяла тарелку и принялась за что-то невероятно вкусное с горчицей и квашеной капустой. Кто его знает, что это, но удалось оно на славу Сьюки смотрела, как Фрици и все остальные танцуют, и ей казалось, что нет людей счастливее.

После того как ее прокружили по залу не меньше ста человек, включая восьмилетнего мальчика, Сьюки поняла, что сваливать свои неудачи в балете на генетику не стоит. Все поляки оказались очень хорошими танцорами.

Еще через час к музыкантам подошел какой-то мужчина и что-то сказал солисту. Следующую песню тот объявил в микрофон:

– Дамы и господа, у нас есть заказ. Где сестра Мэри Джуд?

Толпа взревела и захлопала. Сестра Мэри Джуд ела, но не сплеховала – вышла на сцену, взяла аккордеон и вжарила бодрый вариант «Польки Виника-Краника». Не успела Сьюки и глазом моргнуть, как уже опять была на танцполе и выплясывала под «Ох ты ж, ну и полька».

Сюрприз Фрици

На следующий день, когда бывшие «осы» разъехались по домам и все транспаранты по городу сняли, Фрици позвонила Сьюки в гостиницу – бодрая как обычно.

– Привет, подруга, выжила вчера?

– Ох, да, но еще в постели. Ну и вечеринка!

– Давай натягивай шмотье и спускайся, у меня тут для тебя еще один маленький сюрприз.

Когда Сьюки добралась до фойе, Фрици уже ждала ее в машине.

– Садись, – скомандовала она.

Сьюки спросила:

– А куда едем?

– Ну нет. Мне знать, а тебе – увидеть.

Старая автозаправка «Филлипс-66» была много лет закрыта, и от нее остались только остов здания и цементная платформа, на которой раньше стояли заправочные терминалы, но, когда они подъехали, Сьюки вдруг услышала, как «Сестры Эндрюз» поют «Горнист буги-вуги». И тут же увидела на фасаде транспарант:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ДЕВИЧЬЮ
АВТОЗАПРАВКУ

И тут три женщины и одинокий мужчина, дожидавшиеся их прибытия, подошли к машине и разом заговорили. Фрици и Сьюки выбрались наружу, Фрици улыбнулась от уха до уха и сказала:

– Сара Джейн, знакомься – это тетя Тула. А это жена Винка, Энджи, сестру Джуд ты знаешь, а этот старый хрыч – Нард, муж Тулы. Приехал наладить звук. Он с нами не останется. Никаких мужчин.

Нард рассмеялся:

– Ладно, Фрици, я поехал, но рад был повидаться, это точно.

Тула вперилась в Сару Джейн – и разревелась.

– Ох, милая, – проговорила она. – Ты совершенно вылитая Софи. – После чего схватила в объятия и чуть весь дух из нее не выжала.

Фрици вступилась за Сьюки:

– Не удави только, ради бога.

Они зашли в здание станции, и Сьюки увидела, что дамы поставили

большущий стол и он был завален едой. Фрици объяснила:

– Каждые три-четыре года мы стараемся устраивать маленькую сходку.

Тула вставила:

– А в этом году вообще особое дело – ты с нами, Сара Джейн.

Фрици глянула на стол:

– Ага, обычно Тулиных домашних колбасок и голубцов нам не достается.

– Да и пончиков... ох ты, – сказала Гертруд, уставившись в тарелку, заваленную польским лакомством.

Усевшись, Сьюки сказала:

– Знайте, это честь для меня – быть здесь, и спасибо вам громадное, что пригласили. Жизнь такая странная. Скажи мне кто-нибудь пару лет назад, что я окажусь на этой сходке, ни за что бы не поверила... Но вот поди ж ты!

– А мы-то как рады, что ты здесь. Фрици нам про тебя рассказала, и мы еле дотерпели до встречи, но она не говорила, насколько ты похожа на свою мать, – сказала Энджи. – О, Сара Джейн, как жалко, что ты ее не знала. Она была такая красивая.

– А уж какая милая, – добавила Тула.

За едой они рассказывали Сьюки о том, как тут все было, когда станция работала. Тула сказала:

– Сейчас-то, понятно, тебе трудно в это поверить, Сара Джейн, но это место когда-то было очень оживленным. Дом был вон там, на том участке, и весь день только и слышно было «дзынь-дзынь-дзынь» – люди входили и выходили. Мамуля говорила, неудивительно, что мы все немного «дзынь». Только это и слышали.

Энджи добавила:

– Я тебе еще кое-что скажу, во что ты не поверишь. Гертруд и Тула облачались в миленькие коротенькие платьица и устраивали представления на роликах. Вылетали со станции и... ой-ёй-ёй как раскатывали вокруг машин, да так быстро, что бедные посетители и не ведали, что на них свалилось.

Гертруд рассмеялась:

– Верно. Шустрые мы были.

Весь вечер Сьюки слушала живейшие и чудеснейшие истории о том, как прошли военные годы, про танцы, про поцелуйную будку и про то, как тут околачивались все местные мальчишки. Сьюки сказала:

– Да вы, похоже, тут всю веселились.

– О, это точно, – отозвалась Тула. – Вот уж не знала, до чего было

весело, пока оно не кончилось. Но, знаешь, жизнь продолжается. А потом ребята вернулись по домам, и после этого жизнь стала совсем другой.

Когда они с Фрици уезжали, Сьюки обернулась, в последний раз глянула на старую станцию и всего на миг ей показалось – и она могла поклясться в этом, – что слышит звон колокольчика, и увидела станцию такой, какая она была, а девчонки сновали счастливые и занятые, юные и красивые, как прежде.

На следующее утро перед отъездом в аэропорт Фрици провезла ее мимо церкви и школы, где учились ее мать и вся семья. Как странно: она могла бы здесь расти и ходить в эту школу. А потом они зашли на кладбище, и она увидела могилу своей матери. И всех остальных Юрдабралински, которых ей так и не довелось узнать.

Прощаясь в аэропорту, Сьюки сказала:

– Фрици, вы не представляете, как много для меня значит эта поездка.

– Ну, я хотела, чтобы ты повидала места, из которых ты родом, и поняла, что у тебя была семья. Черт дери, она все еще есть. У тебя всегда есть я, детка, не смей про это забывать.

– Никогда.

Что?

Пойнт-Клиэр, Алабама

Сьюки только-только вернулась из Пуласки и собиралась хорошенько отдохнуть, но тут зазвонил телефон. Картер.

– Привет, милый, ты как?

– Хорошо, мам. Папа дома?

– Нет, мой хороший.

– Вот и ладно, потому что с тобой первой я и хотел кое-что обсудить.

Ты сидишь?

О боже, она терпеть не могла, когда люди заводят эту пластинку.

– Нет, а надо? Что-то скверное?

– Нет, хорошее, я надеюсь.

– Что же?

– Ну, ты помнишь, я всегда говорил, что однажды встречу Единственного Человека?

– Так?

– Я встретил.

– Ой, милый, это же чудесно!

– Да, но штука в том, что мы собираемся жениться, и я хочу, чтобы вы с папой приехали.

– Ну разумеется. О боже, уму непостижимо. Мы ее знаем? Как ее зовут?

Возникла пауза.

– В том-то и дело. Мам, его зовут Дэйвид.

– Как?..

– Я понимаю, это чудовищное потрясение, но мне хотелось, чтобы ты знала.

– Твой друг Дэйвид? Которого ты привозил тогда домой?

– Да. Я тебе не говорил про это – не хотел расстраивать. (Сьюки присела и изготавилась падать в обморок.) И это, знаешь, не просто каприз. Мы уже довольно давно вместе, да и тебе он понравился, правда?

– Ну да, совершенно славный, но...

В этот миг вошел Эрл – в сопровождении громадного черно-белого мраморного дога, который вскочил на ее любимый бейкеровский диван, прошел ей по ногам и спрыгнул с другого конца, а Эрл все это время взирал

на него влюбленными глазами.

– Ну правда же чудесный, дорогая? Это пес-спасатель, его зовут Руфэс, – проговорил Эрл на ходу через плечо, следуя за Руфэсом, а тот галопом промчался через гостиную, сбив мамин стул из комплекта «Королевы Анны», после чего направился в кухню.

– Мама, ты меня слушаешь? Прости, пожалуйста, что приходится говорить тебе все это по телефону. Надо было приехать и сказать лично. Ты совсем в ужасе?

Сьюки на миг задумалась с телефонной трубкой в руке. А потом глубоко вздохнула и поняла, что, к собственному изумлению, она не в ужасе.

– Нет, родной. Удивлена, конечно. Однако мне за последние несколько лет перепало столько потрясений, что, честно говоря, меня уже ничто не потрясает. И если ты счастлив – я счастлива.

– Ох, мама, ты лучшая. Можешь сказать папе сама? Надеюсь, он тоже поймет и не расстроится.

Она положила трубку и сидела ошалевшая. Она слышала, как хлопнула задняя дверь, и увидела, как Эрл машет ей, а они с собакой убегают на двор – играть. Она скажет Эрлу о Картере, и это будет непросто, но, она знала, рано или поздно Эрл с этим смирится. С девчонками проблем не будет – они Картера обожают. И тут ее посетила кошмарная мысль. Ей нравилось считать себя современной восприимчивой женщиной. Она смотрела программу Опры и читала статьи обо всяком таком, но совершенно не представляла, каков в таких случаях протокол. Когда женятся два жениха, кто платит за свадьбу? Или, что еще важнее, кто считается матерью невесты? О боже. Она вдруг пожалела, что рядом нет Крылатой Ники. Та бы точно знала, что делать. Ну ладно, полный вперед, на следующий год – в Польшу, смотреть фамильный дом. Перебирая жемчуг Ленор, она смотрела, как Эрл кидает Руфэсу мячик, и вынуждена была признать: пес и впрямь *симпатичный*.

Эпилог

Из теплицы

2014 год

Сьюки не могла не рассмеяться. Ну дела. После всех треволнений ей все-таки стукнуло семьдесят, а шарики ни за какие ролики у нее не заехали. Время от времени что-то где-то побаливало, но утром Эрл сказал ей:

– Милая, в семидесятилетии хорошо вот что: по крайней мере знаешь, что не помер молодым.

Нет, молодой она не померла, и это хорошо, потому что теперь у нее уже пятеро любимых внуков, которых она баловала с утра до ночи, дог Руфэс и птицы.

После смерти Ленор и Фрици Сьюки время от времени жалела о том, как все могло выйти иначе, кем она могла бы стать, если бы узнала всю правду о себе пораньше.

Однако ныне, по прошествии лет, сидя в теплице и пытаясь понять все причины, все «почему» и «зачем» этой жизни, она в конце концов пришла к выводу: неважно, насколько безумна эта самая жизнь, – Сьюки в точности та, какой ей и было предназначено стать, и прожила она все эти годы в точности на своем месте.

Верна ее теория или нет, не имело для Сьюки никакого значения. Главное, что она счастлива. И, да, в каждый День памяти она по-прежнему украшает могилу прадедушки Симмонза. Пусть и глупо, но уж это-то она для Ленор точно может сделать.

А что касается ее настоящей матери – той, которую ей так и не довелось узнать, – через шестьдесят лет после роспуска «ос» случилось чудесное. И ныне ценнейшее имущество Сьюки гордо висит над камином у нее в гостиной – взятая в раму Почетная медаль конгресса, выданная Софи Мари Юрдабралински за службу своей стране.

Благодарности

Эта книга написана с любовью и памятью о Нэнси Бэтсон Крюз, Терезе Джеймс, Элизабет Шарп, Б. Дж. Эриксон и всех «осах», пришедших на помощь своей стране в час нужды.

Особая благодарность – четырем фантастическим женщинам: Джони Эванз, Дженнифер Рудолф Уолш, Кейт Медине и Джине Чентрелло – без них не случилось бы этой книги.

notes

Примечания

1

Одна из «организаций греческих букв» – североамериканских студенческих союзов. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Групповой танец, хорошо известный в англоязычных странах.

3

Ежегодный новогодний парад в Пасадине, Калифорния, проводится с 1890 года.

4

Презрительное именование южанами переехавших на Юг северян в период с 1865 по 1877 год.

5

В Мобиле, Алабама, существует группа «Девыцы Аллеи Азалий» – пятьдесят старшекласниц, ежегодно выбираемых «официальными представительницами» города; облаченные в наряды времен до Гражданской войны, девушки присутствуют на официальных городских торжествах и встречают иногородних и иностранных почетных гостей Мобила.

6

Милосердный и покровительствующий Орден Лосей – престижное братство и клуб американских бизнесменов с филиалами в разных городах США; основан в 1868 году в Нью-Йорке.

7

Дейл Эванз (1912–2001) – американская актриса, певица, автор песен. – *Здесь и далее написание всех имен и фамилий приведено в соответствие с произносительной нормой современного английского языка.*

8

Барбара Пирс Буш (р. 1925) – жена 41-го президента США Джорджа Х. У Буша (Буша-старшего).

9

Американская компания директ-маркетинга, торгующая сувенирной продукцией, подпиской на журналы, а также проводящая лотерейные розыгрыши; основана в 1953 году

10

Американский научно-фантастический сериал Роба Сёрлинга о паранормальных явлениях на телеканале Си-би-эс, транслировался с 1959 по 1964 год.

11

Героиня одноименного американского комикса Хэролда Грэя; первая публикация состоялась в «Нью-Йорк тайме» в 1924 году

12

Американский холдинг, производящий жидкое топливо и нефтехимические продукты, основан в 1917 году

13

Объединенные Дочери Конфедерации – национальная организация в США, состоящая из женщин – потомков военнослужащих армии Юга; основана в 1894 году.

Неделя приема студентов-первокурсников в «общества греческих букв»; насыщена событиями и мероприятиями, призванными познакомить новоприбывших друг с другом и со старшими членами организации.

Howdy Doody — «Привет, как дела» (амер. англ., искаж. от «*How do you do?*»), персонаж детской телепрограммы канала Эн-би-си (первая трансляция в 1947 году), деревянная кукла-марионетка с нелепыми оттопыренными ушами.

Национальное общество дочерей Американской революции – благотворительная организация, объединяющая прямых наследниц первых американцев, участвовавших в борьбе за независимость США; основана в 1890 году

Даглас Х. Дэйвис (1900–1034) – летчик-ас, «трюкач», нанятый Отто Шнерингом, основателем компании «Кёртисс Кэнди», для организации уникальной промо-кампании шоколадных батончиков «Крошка Рут». «Воздушный цирк Дэйвиса» почти тут же был переименован в «Воздушный цирк “Крошки Рут”».

Общество красных шляп – международная общественная организация, основанная в 1998 году в Калифорнии; изначально в нее принимали женщин старше 50 лет, ныне она открыта для женщин любого возраста.

«Стелла Даллас» – американская мелодрама 1937 года; режиссер Кинг Видор.

Фред Астэр (1899–1987) – американский танцор, актер, хореограф, певец; Джинджер Роджерз (1911–1995) – американская певица, актриса, танцовщица, партнерша Фреда Астэра.

Владзи Валентино Либерачи (1919–1987) – американский музыкант и шоумен с польскими (по матери) и итальянскими (по отцу) корнями.

Марта Хелен Стюарт (Костыра, р. 1941) – американская телеведущая, предприниматель, писатель.

Шлягер (1936) Джереми Керна и Дороти Филдз, написанный для фильма «Время свинга» с Фредом Астэром и Джинджер Роджерз.

Джин Харлоу (1911–1937) – американская киноактриса, секс-символ 1930-х годов.

Фанаты профессионального футбольного клуба «Грин-Бей Пэкерз» надевают на матчи любимой команды шляпы в виде куска сыра.

Символ спортклуба университета Алабамы («Алабама Кримзон Тайд») – слон по кличке Большой Эл.

Чарли Маккарти – кукла Эдгара Джона Бергена (1903–1978), американского актера и радиоведущего, знаменитого чревовещателя, они вместе выступали на радио с 1936 года. «Фиббер Макги и Молли» – американский комедийный радиосериал Эн-би-си, просуществовавший с 1935 по 1959 год.

Песня (1869) Джозефа Уиннера; в 1939 году оркестр Тленна Миллера выпустил новую версию этой песни, которая тут же стала хитом.

Песня (1927) чешского композитора Яромира Вейводы, хит времен Второй мировой войны; в конце 1930-х годов различными музыкантами, в т. ч. сестрами Эндрюз, было написано и исполнено множество разных версий этой песни.

Опра Гейл Уинфри (р. 1954) – популярная американская телеведущая и актриса.

Клайд Эдвард Пэнгборн (1895–1958) – американский авиатор-ас, осуществил первый беспосадочный перелет через Тихий океан (4 октября 1931 года).

Орден первых семей Вирджинии – общественная организация, призванная поддерживать исторические, генеалогические и биографические исследования Вирджинии как первой из тринадцати исторических колоний на территории современных США; основан в 1911 году.

Комитет «Фургон гостеприимства» (также известен как «Уэлкоммитти») – местные добровольческие группы в США, помогающие только что переехавшим новоселам освоиться в городе. Термин «Уэлкоммитти» впервые возник в фэндом-сообществе научно-фантастической литературы в 1950-х годах.

«Пошуршим до Баффало» – комическая песня Эла Дубина и Хэрри Уоррена, впервые исполнена на Бродвее в 1933 году

Популярная песня, написана Ирвингом Берлином в 1926 году.

Патриотическая песня, написана Ирвингом Берлином в 1918 году и переработана в 1938-м.

Американская кинодрама ирландского режиссера Джона Форда; премьера состоялась в октябре 1941 года.

Форма воинского учета в США, присваивалась призывникам, не годным к армейской службе по физическим, умственным или нравственным показателям.

Популярная песня Джона Ф. Палмера и Чарлза Б. Уорда, написана в 1895 году.

Таллула Бэнкхед (1902–1968) – американская актриса театра и кино.

41

Американский хит времен Второй мировой войны в исполнении сестер Эндрюз, записан в январе 1941 года.

«Огороды победы» («военные огороды») – посадки овощей, фруктов и зелени в частных владениях и общественных парках в США, Канаде, Великобритании и Германии во время Первой и Второй мировых войн для облегчения продовольственного бремени военной экономики.

«Китти Фойл. Естественная история женщины» – американская кинодрама 1940 года режиссера Сэма Вуда по одноименному бестселлеру Кристофера Морли.

«Пайпер Каб» – легкий двухместный самолет, выпускавшийся с 1937 по 1947 год компанией «Пайпер Эйркрафт». Из-за простоты в обращении стал самым популярным легким самолетом в истории воздухоплавания.

Джулия Фрэнсес Лэнгфорд (1913–2005) – американская артистка и певица, памятный голос американского радио времен Второй мировой войны.

Подполковник Нэнси Харкнесс Лав (1914–1976) – американская летчица-испытатель, общественный деятель; подполковник Жаклин Кокрэн (1906–1980) – пионер американской авиации, авиагонщица, предприниматель, общественный деятель.

Уильям Пенн Эдэйр Роджерз (1879–1935) – американский ковбой, артист водевиля, юморист, актер.

White Anglo-Saxon Protestant — белый, англосаксонец, протестант {англ.}, распространенный акроним середины XX века, обозначающий «привилегированное» происхождение, обычно с негативным оттенком.

Women Air Force Service Pilots — Военно-воздушная служба женщин-летчиков; *wasp* — оса {англ.}.

Women's Army Corps (WAC) — «Женские войска», подразделение Армии США; получило официальный статус 1 июля 1943 года.

Women Accepted for Volunteer Emergency Service (WAVES) – «Женщины, принятые на чрезвычайную добровольческую службу», подразделение Военно-морского флота США; получило официальный статус 30 июля 1942 года.

Американский стратегический бомбардировщик, «Суперкрепость», крупнейший самолет Второй мировой войны.

Хенри Харли «Счастливчик» Арнолд (1886–1850) – американский военачальник, генерал ВВС (с 1949 года).

Ресторан в Лос-Анджелесе, открыт в 1926 году на бульваре Уилшир; памятен формой здания – в виде шляпы-«котелка».

Боб Хоуп (Лесли Таунз Хоуп, 1903–2003) – американский комик, театральный и киноактер, теле– и радиоведущий. Хэрри Лиллис «Бинг» Крозби (1903–1977) – американский певец и актер, исполнитель многих джазовых шлягеров.

Марта Рей (1916–1944) – американская актриса, певица и комедиантка.

Первая музыкальная комедия композитора Ричарда Роджерза и либреттиста Оскара Хэммерстайна 2-го; премьера состоялась на Бродвее в 1943 году

Алфред Дрейк (1914–1992) – американский актер и певец.

Модный богемный ресторан в театральном квартале Манхэттена, открыт с марта 1927 года.

Джордж Рафт (Ранфт, 1895–1980) – американский киноактер и танцор.

«Радужная Зала» – ресторан высокой кухни на 65-м этаже здания Рокфеллеровского центра; открылся в 1934 году; «Копакабана» – знаменитый ночной клуб Нью-Йорка, открылся в 1940 году.

Знаменитая песня кантри-певца Джина Отри, написанная в соавторстве с Реем Уитли; впервые прозвучала в 1939 году В 1997 году песню ввели в Зал славы премии «Грэмми».

Пол Тиббетс (1915–2007) – бригадный генерал ВВС США, известен как пилот бомбардировщика «Энола Гей», сбросившего первую атомную бомбу на Хиросиму в конце Второй мировой войны.

Так называется в обиходе среди местных Бэттлшип-паркуэй – дамба длиной 7 миль, по которой проходят трассы 90 и 98 от тоннеля «Бэнкхед» до города Спэниш-Форт.

Куин Латифа (Дана Элейн Оуэнз, р. 1970) – афроамериканская певица, актриса, автор песен, теле– и кинопродюсер.

Популярная песня американского композитора и руководителя оркестра Олтона Хленна Миллера (1904–1944), текст Митчелла Пэриша, впервые записана в 1939 году

Фильм (1941) американского режиссера Мервина Ле Роя об Эдне Глэдни, помогавшей пристраивать сирот в семьи; основан на реальных событиях.

Фрагмент из стихотворения американского писателя и поэта Джеймса Уиткома Райли (1849–1916), изменено для посвящения Мэри Хоумз Хаусон, курсантке программы «ос», 23 апреля 1944 года.

Рыцари Колумба – движение внутри Римско-католической церкви, христианское братство, основанное для благотворительной и социальной деятельности в 1882 году в США.

Сэлли Кристен Райд (1951–2012) – американская женщина-астронавт, первая американка в космосе (1983).

Песня (1982) Джеффа Силбэра и Лэрри Хэнли, ставшая известной в исполнении американской певицы и актрисы Бетт Мидлер (р. 1945).

Table of Contents

[Фэнни Флэгг На бензоколонке только девушки](#)

[Пуласки, Висконсин](#)

[Пролог](#)

[Необычайная неделя](#)

[Вторник](#)

[Среда](#)

[И впрямь – кто?](#)

[Меж тем в Пойнт-Клиэр](#)

[Жизнь продолжается](#)

[Ну что еще?](#)

[Пойнт-Клиэр, Алабама](#)

[«Филлипс-66 Винка»](#)

[На следующий день](#)

[Не будешь прежним](#)

[Письма](#)

[Милуоки, Висконсин](#)

[Откуда я этого набралась?](#)

[Прелестный роман\[23\]](#)

[Где этот Пуласки?](#)

[Пуласки, Висконсин](#)

[Женщина-невидимка](#)

[Грэнд-Рэпидз, Висконсин](#)

[Кто я?](#)

[Звезда родилась](#)

[Пойнт-Клиэр, Алабама](#)

[Помощь](#)

[Пуласки, Висконсин](#)

[«Вафельный дом»](#)

[Война](#)

[Обед с Ленор](#)

[Рождество](#)

[«Вафельный дом»](#)

[Пуласки, Висконсин](#)

[«Вафельный дом»](#)

[Девичья автозаправка](#)

[Пуласки, Висконсин](#)
[С днем рождения](#)
[Авария](#)
[«Вафельный дом»](#)
[До скорого, мистер Хэтчетт](#)
[Пуласки, Висконсин](#)
[Пуласки, Висконсин](#)
[Пуласки, Висконсин](#)
[Лондон, Англия](#)
[Конец эпохи](#)
[Надо ей или не стоит?](#)
[Неугомонная в Пуласки](#)
[Пуласки, Висконсин](#)
[Старый друг](#)
[Рассказала детям](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Алло, Элис](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Контрольный полет](#)
[Шашни](#)
[Выпускной](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[Пенсакола, Флорида](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[«Рубиновый вторник»](#)
[Военно-воздушная база «Нью-Касл»](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[Решение](#)
[Ленор опять за свое](#)
[Ньюарк, Нью-Джерси](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[День благодарения](#)
[Браунсвилл, Техас](#)
[Подделка](#)
[Ирландец](#)

[Военная любовь](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[«Суп с йогой»](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[Лонг-Бич, Калифорния](#)
[«Креветочная компания Баббы Гампа»](#)
[Печальный день](#)
[Пенсакола, Флорида](#)
[Мягкие посадки](#)
[Победа](#)
[Сьюки грустит](#)
[Великий день Ленор](#)
[Узнать тебя](#)
[Посылка для Элис](#)
[Знакомство с мамой](#)
[Авенджер-Филд](#)
[Солвэнг, Калифорния](#)
[Несчастный случай](#)
[Нью-Йорк](#)
[Пойнт-Клиэр, Алабама](#)
[«Синяя сойка, брысь-ка»](#)
[Пшеничная блондинка](#)
[Наследие Ленор](#)
[Марвэлин снова сражает наповал](#)
[Альбукерке, Нью-Мексико](#)
[Сходка](#)
[Сюрприз Фрици](#)
[Что?](#)
[Эпилог](#)
[Благодарности](#)
[Примечания](#)
[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)

[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)

[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)